

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2021

№ 21

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson

Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor

В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Pona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Голев Н.Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой	5
Хохлова М.В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов	33

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Бобунова М.А. Контрастивный авторский словарь как экспериментальная лексикографическая форма	69
Федюнева Г.В. Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии	87

РЕЦЕНЗИИ

Алимпиева Л.В. Новый аксиологический двуязычный фразеологический словарь Л.К. Байрамовой. Рецензия на книгу: Байрамова Л.К. Аксиологик татарча-русча фразеология сүзлеге / Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь	105
Сидоренко К.П. Интертекстовый круг словесной культуры: статика и динамика. Рецензия на книгу: Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени	117
Сведения об авторах	126

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Golev N.D. Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova	5
Khokhlova M.V. Attributive Collocations in the Gold Standard of Russian Collocability and Their Representation in Dictionaries and Corpora	33

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Bobunova M.A. An Author's Contrastive Dictionary as an Experimental Lexicographical Form	69
Fedyuneva G.V. A New Handwritten Dictionary of the Komi-Zyryan Language in the History of Komi Lexicography	87

REVIEWS

Alimpieva L.V. A New Axiological Bilingual Phraseological Dictionary by L.K. Bayramova. Book Review: Bayramova, L.K. (2019) <i>Aksiologik Tatarcha-Ruscha Frazzeologiya Suzlege/Aksiologicheskiy Tatarsko-Russkiy Frazec logicheskiy Slovar'</i> [Axiological Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan: FEN	105
Sidorenko K.P. The Intertext Circle of Verbal Culture: Statics and Dynamics. Book Review: Dyadechko, L.P. (2019) <i>Slovar' Krylatykh Slov i Vyrasheniye Nashego Vremeni</i> [Dictionary of Winged Words and Expressions of Our Time]. Moscow: Slovari XXI veka	117
Information About the Authors in Russian	126

УДК 81`374

DOI: 10.17223/22274200/21/1

Н.Д. Голев

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ. К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ О.И. БЛИНОВОЙ¹

В статье развивается идея, высказанная профессором Томского университета О.И. Блиновой, согласно которой лексикография является одним из методов изучения лексики. Автор статьи трактует лексикографирование слова как специфический подход к описанию его семантики, который заключается в ее дискретизации. Большое внимание уделяется понятию параметризации лексики, проводимому в таком описании. Рассматриваются ее особенности в толковых, энциклопедических, мотивационных словарях.

Ключевые слова: *О.И. Блинова, лексикографирование, дискретизация семантики, параметризация лексики, дефиниция, толковый словарь, мотивационный словарь*

1. К постановке проблемы «лексикография как метод»

Теоретическая идея о том, что лексикография (точнее, лексикографирование) представляет собой специфический метод описания лексического материала языка, сформировалась у О.И. Блиновой в ходе ее многолетней работы над словарями разного типа и впервые была оформлена эксплицитно в конце 90-х гг. прошлого века в работе «Лексикографический метод исследования языка» [1]. В этой и последующих работах (например, [2, 3]) ученый трактует «лексикографический метод как один из инструментов получения теоретического знания» [3. С. 14]. Иллюстрируя эту идею, О.И. Блинова отмечает, в частности: «...мотивационно-сопоставительный словарь... обретает

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»). Написана на основе доклада, прочитанного автором на конференции «Чтения памяти О.И. Блиновой» (Томский государственный университет, 09.11.2020 г.), поэтому в ней содержатся некоторые элементы жанра доклада, которые мы сочли возможным оставить в тексте.

статус словаря-исследования и инструмента познания языка, статус лексикографического метода, совмещающего в себе два феномена: словарь и теория» [3. С. 15]. Предлагаемая статья включается в очерченную парадигму.

Далее названная идея О.И. Блиновой проходила через многие ее работы (см., например, [4–6]; она была воспринята многими исследователями лексики, которые использовали ее для решения самых различных лингвистических и нелингвистических задач (см., например, [7–11]).

Отмечу, что я не сразу оценил названную идею, но со временем, по мере накопления собственного лексикографического опыта и размышлений над ней, согласился с тезисом О.И. Блиновой о том, что «лексикография – метод». Полагаю, что более точно идею Блиновой подчеркивает термин «подход», имеющий не столько методический, сколько методологический характер. В настоящей статье я делаю попытку более развернуто обосновать понятие «лексикографический метод», опираясь на опыт Ольги Иосифовны и свой собственный опыт экспериментального лексикографирования. Основной аспект нашего рассмотрения идеи О.И. Блиновой общеметодологический; мы намерены провести антиномический анализ лексикографирования, соотношения таких его сторон, как субъективное и объективное, отражательное и условное (конвенциональное), непрерывное и дискретное и других, но прежде всего в настоящей статье нас интересует соотношение гносеологических и онтологических проявлений лексикографического подхода к лексике.

Считаю, что сущность идеи «лексикография – метод» заключается не только в том, что лексикографирование предполагает опору на те или иные научные методы описания семантики языка (это достаточно очевидно) и не только в том, что лексикографический материал, аккумулированный в словарях, используется в различных исследованиях, экспертизах, практиках, нередко выходящих за границы лингвистики как науки (см.: [12–14]). Суть рассматриваемой идеи я вижу в том, что лексикографирование задает специфическое видение языкового материала (лексики и лексической семантики). В этом смысле понятие «лексикографирование» заметно перерастает сугубо технологическое содержание, в рамках которого лексикографирование есть собирание лексического материала с его дальнейшей специальной обработкой и публичным представлением результатов данных видов лингвистической деятельности в форме словарей, и все более обрета-

ет методологическое содержание. Лексикография все чаще трактуется как особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны. В.И. Абаев в 1934 г. написал цикл статей «Язык как техника и язык как идеология», где зафиксировал технические и идеологические свойства языка [15]. Принимая данную оппозицию, можем утверждать, что лексикография представляет собой не столько технику, сколько идеологию и что лексикографирование ко всему прочему является способом познания языка. Уральские коллеги удачно выразились, назвав сборник материалов конференции «Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности» [16], отнеся таким названием лексикографию к лингвистике языкового существования.

Полагаем, что подобным образом прикладные идеи приобретают методологический смысл и в других сферах лингвистики, скажем, видение русского языка как предмета обучения русскому языку как иностранному (особо заметим – и родному также) или как объекта машинного перевода ставит задачу практико-направленного упрощения модели русского языка, но результаты такого рода прикладного упрощения как гносеологического продукта проецируются по принципу обратной связи в саму языковую действительность: «работающие» в модели принципы могут трактоваться как онтологические свойства самого языка (ср. название статьи – «О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц» [9]). Упомянутое выше название сборника материалов конференции «Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности» является, скорее, метафорой, но в этой метафоре ёмко отражено методологическое содержание термина «лексикография».

В силу большой значимости сопоставления лексикографии с другими «ВИдениями» естественного языка продолжу ряд последних. Контрастивная лингвистика – видение одного языка (например, родного) сквозь призму других языков – позволяет увидеть в родном языке то, что трудно увидеть изнутри. В таком же плане перевод представляет собой реализацию особого взгляда на язык, что позволяет утверждать, что перевод – специфический способ описания языка, который можно назвать транслатологическим. Перевод как метод да-

ет возможность рассматривать с его помощью разные онтологические свойства языка; такова, например, переводимость как свойство родного языка, ср. оценку фразеологизмов в аспекте их переводимости; в плане такой оценки типология В.В. Виноградова – сочетания, единства, сращения – естественным образом проецируется на шкалу степеней их переводимости. Исследовательские возможности призмы перевода усиливаются при использовании обратного машинного перевода (см. об этом подробнее [17]). Таким же образом проблема искусственных языков задает особую призму видения естественных языков (представим, что мы ищем способ общения с инопланетянами), расшифровка неизвестных текстов представляет собой особое видение не только расшифровываемого языка, но и других, в том числе родного для исследователя.

Особо подчеркну важность в данной теме аспекта «упрощение». Поиски более простого метаязыкового кода, чем собственно языковой код, принадлежащий естественному языку, – такое же особое видение языка, такие же поиски простого, прототипического, архетипического в нем, но это не поиски в области техники описания языка, а его идеология, познание, проникновение в глубинную исходную сущность. Лексикографическое описание семантики слова является такого рода поиском упрощенных форм его представления. О.И. Блинова в статье «Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре» образно отразила техническую сторону упрощения следующим образом: «Такова многолетняя традиция в лексикографии: экономить полотно текста, давая дорогу слову, его функционированию в контексте. Подобно солдатам, пометы выстраиваются в ряд в зависимости от своего ранга: грамматические, лексические, стилистические *et cetera*» [6. С. 122].

Однако за экономичным способом, о котором говорит ученый, стоит не только техника, но и познание семантики слова. Так, известная дискуссия 1960-х гг. по вопросу, нужно ли включать в словарную статью слова «роза» указание на наличие шипов, является не столько технологическим спором (экономить или не экономить полотно словаря?), сколько идеологическим. Точнее – концептуальным – входит или не входит признак «шипы» в семантику слова «роза», или (иначе) имеет ли он статус семы, т.е. внутреннего, собственно языкового смыслового элемента? Полагаю, что в дискуссии отразился тот методологический сдвиг в лингвистике, точнее, подвижка к антропологиче-

ческому плану языка в семасиологии, которая в то время уверенно двигалась и сейчас движется (что является основным сюжетом настоящей статьи) от понятийного к концептологическому акценту при описании смысловой структуры слова. Очевидно, что желание включить сему «шипы» в семантику слова «роза» продиктовано преоцущением ее концептуальности, включенности в культурный слой содержания, ср.: «*Мэри, где шипы, там и розы*»; «*Розы и шипы, печаль и радость связаны друг с другом...*»; «*Где розы – там и тернии – Таков закон судьбы*» и т.п. Уже в это частном примере видно, что лексикографическое описание не техника, а идеология, что способ описания зависит от онтологии языка и его гносеологии, в данном случае от того, какой аспект (план, слой) содержания такое описание стремится отразить. Далее мы увяжем этот тезис с понятием лексикографической параметризации, вводимым О.И. Блиновой, о котором мы намерены сказать более подробно.

2. Особенности лексикографического моделирования лексики

В чем суть лексикографического познания словарного состава языка? Мы видим ее в диалектическом взаимодействии непрерывного и дискретного. Лексикографирование – это дискретизация (атомирование) семантического пространства, которое по сути своей непрерывно. Онтологическая сторона дискретизации заключена в том обстоятельстве, что языковое сознание самим фактом вербализации отдельных ступок смысла осуществляет такую дискретизацию. Одновременно в онтологии языка стихийно осуществляется и преодоление дискретности. Последнее вытекает из того обстоятельства, что словарный состав языка – не механический набор слов, расположенных в алфавитном или еще каком-то конвенционально определенном порядке.

Лексикография – гносеологическая процедура дискретизации (атомизации?) семантического пространства языка, выделение и описание отдельной смысловой единицы, ассоциированной с отдельным, уже выделенным в самом языке и неповторимым звукокомплексом. В определенном смысле это факт конвенциализации (в некотором роде – официализации) данной связи, фиксация ее как нормы, которую нельзя нарушать без ущерба для коммуникации. Тот факт, что в судебной лингвистической экспертизе осуществляется отсылка к словарям как доказательству существования такой нормы, подтверждение официализации, достигающей в данном случае уровня юридикации.

Считаем важным следующий момент в обсуждении проблемы соотношения аспектов отражения и конвенции в словарном описании семантики: обстоятельство, в соответствии с которым лексикографирование является актом отражения, не может быть абсолютизировано, поскольку оно одновременно и акт конвенции. В частности, в силу последнего наличие лексемы в словаре нельзя отождествлять с ее наличием в языке, такое отождествление нередко происходит как в сознании рядового носителя языка, так и лингвиста. Например, в тех случаях, когда кто-то всерьез по данным словарей выясняет, есть ли то или иное слово в языке, или считает по словарям, сколько слов языке и в каком языке их больше. Полагаю, количество слов в любом языке принципиально не считаемо. Зафиксированность слова в словаре не может быть надежным критерием его объективного существования в языке. Е.А. Земская в учебнике по словообразованию 1973 г. использовала слова *спрашиватель* и *возражател* как иллюстрацию потенциальных слов, по причине их отсутствия в словарях [18. С. 220]. Современный интернет даёт возможность проверить это утверждение: данные слова широко и уже давно, задолго до 1973 г., употребляются в русском узусе, т.е. являются словами вполне реальными. Например, отсутствие в словарях слов *доплясать*, *антипротестантский* или *антипротестный*, *протестанточка*, *11-километровый* и т.д. и т.п. не означает их отсутствия в речевом употреблении, а возможно – и в узуальном. То есть отсутствие в словаре не означает отсутствия в системе языка и даже часто не означает отсутствия в узусе речевого употребления. Но наличие слова в словаре, несомненно, сильный сигнал его узуальности, и фиксация границы между потенциальными и реальными, окказиональными и узуальными словами – одна из важных прикладных функций лексикографирования.

Продолжаю развивать тезис: «лексикографирование – проявление диалектики непрерывного и дискретного». Далее о преодолении дискретности. Лексический состав – не хаотическая россыпь дискретных (не связанных друг с другом) слов. «Алфавитность» в этом смысле – фактор противоречивый: отвечая на потребность пользователя в удобном поиске, «алфавит» разрывает смысловые и функциональные связи между словами (отражение языка). Реагируя на потребность их сохранения, лексикография так или иначе стремится их сохранить. Думается, что В.И. Даль, выбрав гнездовой принцип подачи производной лексики, интуитивно или осознанно стремился к отражению

полевого (недискретного) устройства лексики. В современных толковых словарях такое стремление иллюстрируют эпизоды типа круговых определений: *петух – самец курицы, курица – самка петуха*. И даже в такой форме: *эмбрион – см. зародыш, зародыш – см. эмбрион*. Здесь можно отвлечься от комичности, вызываемой такими примерами, поскольку вопрос серьезный. Поставим его таким образом: может ли лексикографирование в принципе отвлечься от такого рода отсылок как проявлений внутренней системности лексики, к примеру, сможет ли лексикограф зафиксировать значение слова *ишак*, не оттолкнувшись от слова *осел*? Практически это возможно: например, возможно представить семантику слов *конь* и *лошадь* или *шпион* и *разведчик*, *доносчик* и *осведомитель*, *репутация* и *авторитет* в толковом словаре абсолютно дискретно, безотносительно друг от друга, но будет ли такое лексикографирование адекватным отражением содержания данных слов? Полагаем, носитель родного русского языка во многих ситуациях, приводящих к необходимости обращения к словарям, удовлетворится такой подачей, его речевой опыт компенсирует отсутствие указания на дифференцирующие данные слова признаки. Но уже иностранец, изучающий русский язык, которому важно понять их различие для адекватного понимания и употребления данных слов, будет явно не удовлетворен таким лексикографированием, не увязывающим эти слова эксплицитным указанием на их различия. И тут считаем возможным поставить принципиальный вопрос: кому (какому типу носителей языка) и для каких целей (потребностей) предназначены толковые словари? Особенно значим этот вопрос для лексикографического описания однозначных, «общепонятных», широкоупотребительных слов или ЛСВ – *стол, ложка, это, иметь, дом, дым, направо* и т.д.

3. Параметризация как принцип лексикографического моделирования лексики

О.И. Блинова ввела понятие параметризации лексики, которое мы трактуем как стратегию преодоления дискретности, или, другими словами, как принцип моделирования системного плана лексики при ее отражении в словарях. В аннотации к статье «Синонимия сибирского говора сквозь призму комплексной лексикографической параметризации» она пишет: «В структуру словарной статьи должна быть

включена интерпретационная зона, описывающая разноаспектные характеристики синонимов, это должно послужить источником для классификации синонимических рядов исследуемого говора» [19. С. 5]. Актуальность составления словаря, основанного на параметризации, «обусловлена продуктивностью и информативностью лексикографического метода исследования русского языка и его говоров» [19. С. 5]. На наш взгляд, наиболее определенно идея параметризации отражена в цитируемой выше статье О.И. Блиновой, где «автор размышляет о важной функции словарных помет, которые призваны выражать разнообразные характеристики слова: грамматические, стилевые, экспрессивные, географические и т.п.» [6. С. 122]. Особое внимание в статье уделено лингвокультурологическим пометам, «выражающим значения слова на основе принципа уподобления. Это следующие пометы: олицетворение, выражающее уподобление чего-либо человеку, антропоморфизм – человеку по схеме человек – человек, зооморфизм – животному, фитоморфизм – растению, фонорморфизм – звуку, натуроморфизм – явлениям природы, мифоморфизм – мифическому существу, артефактоморфизм – изделиям человека, локоморфизм – пространственным параметрам» [6. С. 122]. Акцентируем внимание на последнем слове цитаты, объясняющем понимание О.И. Блиновой параметризации, реализуемой в толковых словарях.

На наш взгляд, понятие «параметризация» фиксируется не только в частных проявлениях лексикографического антропоцентризма, но и на макроуровне лексикографирования – в факте оппозиции различных типов словарей: толковых, энциклопедических, частотных, ассоциативных, словообразовательных, мотивационных, переводных. В каждом из них реализуется специфическое видение лексико-семантического пространства языка. В предисловии «От редактора» к «Мотивационному словарю сибирского говора» [20, 21] О.И. Блинова такие широкие параметры называет аспектами и в этом плане выделяет типы аспектных словарей: мотивационный, идеографический, образный, гнездовой словообразовательный, обратный, иллюстрируя их примерами из словарей, созданных коллективом Томской диалектологической школы [20. С. 3].

Энциклопедические словари, в отличие от толковых, фиксируют содержание понятия, стоящее за термином, путем их научных дефиниций. Понятие неотрывно от дефиниции. Специфической формой понятия, отличающей его от представления, является форма опреде-

ления. Основная особенность этой формы – расчлененность. «Если мы умеем указать отдельно, один за другим, признаки предмета, мы обладаем понятием, если же мы этого не в состоянии сделать, мы находимся на стадии представления» [22. С. 42–43]. Если у терминов дефинитивность, т.е. возможность определения, является обязательным свойством, то по отношению к значению обиходных слов утверждение данного свойства вызывает сомнения. Содержание слова (дискретная смысловая частица, сгусток смысла) в естественном языке формируется и функционирует в значительной мере стихийно на основе чувственного опыта и фиксируется в сознании в нерасчлененной форме.

Еще древние философы (Секст Эмпирик) обратили внимание на то, что содержание обиходных слов и их словесная экспликация в известном смысле несовместимы, что находит отражение в комическом эффекте, который вызывает последняя, ср., например, дефиницию слова «подушка»: принадлежность постели, имеющая мешкообразную форму, обычно набитая пухом или ватой и служащая для удобства при спанье. Причины «несовместимости» значений обиходных слов и их дефиниций заключается не только в том, что признаки-семы, составляющие содержание значений, очевидны (нередко они как раз далеко не очевидны), и не только в том, что такие слова не требуют разъяснений; во многом они обусловлены самой природой значения. «Ребенок, усваивая язык, овладевает конкретными словами в результате многократных “остенсивных определений”». Ему много раз показывают и называют предмет, после чего он начинает самостоятельно пользоваться его именем. Постепенно после долгих проб и ошибок в его уме откладывается обобщенный чувственный образ предмета, из которого отсеяны все несущественные чувственные признаки. Этот чувственный образ составляет эмпирическое содержание предметного значения и в языке взрослых» [23. С. 137]. Полагаем, что традиционная лексикография не в полной мере выработала метаязык описания обиходных понятий (наивной картины мира), в значительной мере оно заимствовало его из энциклопедий и терминологических словарей. Это особенно наглядно в представлении значений слов, совпадающих по форме с терминами. Начало энциклопедической традиции в русской лексикографии положил, по-видимому, В. Даль, в словаре которого находим прямые отсылки к элементам научного дефинирования понятий, например, ЛЕБЕДА ж. лобода юж., родовое

название растений *Artiplex*, *Chenopodium*; л. морская *A. Chalinus*, портулак морской; л. садовая, красная, *A. hortensis*; ЛУТОК м. вид утки или нырка, *Mergus abbelius*, пегий, синеклювый. Такой способ характерен и для многих более поздних толковых словарей, в том числе диалектных: ЧЕРНОТАЛЬНИК, а или у, м. Кустарник чернотал, *salix peatandra*; ЧЕРТОПОЛОХ, а или у, м. Растение черноголовник; *eryngium planum* [24]. Однако, по нашим наблюдениям, в лексикографии более позднего (после В. Даля) времени постепенно складывается тенденция дистанцирования от энциклопедической информации и логико-понятийной формы ее экспликации в словаре. Научнообразные дефиниции с фиксацией родового понятия и видовых отличий внутри рода вытесняются описательным способом содержания, стоящего за словом, что соответствует такой форме отражения действительности в сознании, как образ, или обобщенное представление, о которой мы сказали выше. При этом можно заметить, что в таких описаниях фиксируются не сущностные признаки, а признаки поверхностные или значимые для обиходного употребления денотата, заметно также стремление лексикографа зафиксировать лингвистически значимые признаки. Так, в словаре Д.Н. Ушакова находим такие описания птиц: ЯСТРЕБ хищная дневная птица с коротким изогнутым, крючковатым на конце клювом, с длинными, острыми когтями, быстро и ловко ловающая добычу и приносящая большой вред сельскому и охотничьему хозяйству; СТРЕПЕТ степная птица из рода дроф, во время полета производящая резкий шум крыльями; КАНЮК хищная птица, похожая на ястреба, крик которой напоминает плач (зоол.) [25]. В двух последних названиях просматривается стремление отразить содержание, вытекающее из внутренней формы слова. ПЛАТИНА, ы, мн. нет, ж. [исп. *platina*, уменьш. к *plata* – серебро] драгоценный нержавеющий металл белого цвета, ценимый дороже золота [25]. С нашей точки зрения, в таких представлениях содержания слова осуществляется отход от понятийного пласта (понимаемого как ядерный) к концептному содержанию. Соответственно меняется направление параметризации слова. Подробное сопоставление дефинирования в толковых и энциклопедических словарях проведено нами в статье «Об описании значения слов-денотативов» [26].

Параметризация, если ее понимать как выбор параметра лексикографом, зависит как от объективной стороны содержания слова (семантический тип описываемых слов), так и от субъективной – целе-

вой установки лексикографа. Очевидна взаимозависимость названных сторон.

В качестве иллюстрации сказанного приведем наш опыт составления юрислингвистического словаря оскорбительных слов [27, 28]. Необходимость дифференциации инвективной лексики по степени оскорбительности (обидности), продиктованная потребностями юрислингвистической экспертизы, столкнулась со специфической особенностью слов-инвективов – фактическим отсутствием у многих из них понятийного ядра: слова ГАД, ДРЯНЬ, ТВАРЬ, МРАЗЬ и т.п. не поддаются ни дефинированию, ни развернутому описанию в тех смыслах, которые мы представили выше. Единственную возможность дифференциации мы видели в прямой апелляции к языковому и мета-языковому сознанию носителей русского языка путем мысленного эксперимента, в рамках которого испытуемый моделировал позицию инвектума или инвектора. Для осуществления этой цели предлагались вопросы: 1) какое слово из каждой пары слов кажется Вам более обидным (ГАД или ДРЯНЬ, РАЗИНЯ или РАЗЗЯВА, ОСЕЛ или ИШАК и т.п.); 2) из предложенного списка выпишите три наиболее обидных и три наименее обидных слова, по результатам анкетирования каждому слову приписывался определенный индекс инвективности. Здесь уместно заметить, что О.И. Блинова отдавала должное экспериментальным методам семасиологии и лексикографии (см.: [29]); укажем также некоторые известные нам работы в этой области российской лексикографии [30, 31]. Наш опыт экспериментального лексикографирования лексики обобщен в статьях [32, 33].

Возможны и другие нетрадиционные методы проникновения в содержание слова и его семасиологического описания. Таковым мы считаем количественное описание в частотных словарях, составленных в том числе с использованием статистических данных интернета. Частотность слова – это не сугубо количественная его характеристика, за ней, как правило, стоит отражение особенностей функционирования слова, его широта свидетельствует о наличии сильных сем и трансформации понятийно-логического содержания слова в концептуальное. Это обстоятельство мы отметили в ряде статей, посвященных использованию статистик поисковых систем интернета для семасиологических целей. В статье «О новых источниках количественного речевого материала и их семасиологических возможностях» [34] этот момент был проиллюстрирован такими примерами: названия городов

Севастополь и Симферополь имеют существенно разную частотность, несмотря на то что население их примерно равно: у Севастополя в Яндексе зафиксировано – 5.550.680, у Симферополя – 3.681.542. Видимо, концепт «Севастополь» более активен в виртуальном пространстве интернета в силу исторических и современных обстоятельств, занимая весьма значимое место в сознании его пользователей. Этот фактор особенно очевиден в сфере заметно выделенных концептов. Скажем, названия городов Беслан, Буденновск, Гудермес, Кизи, Белокуриха, Adler, Дагомыс, весьма небольших по населению и даже экономике, однако их имена имеют сильное концептуальное содержание, которое создает высокую частотность у их названий. Одни из них являются событийными концептами, другие – культурными (в широком смысле этого слова). Таким образом, частотность является важным параметром в системе параметризации слова; она могла бы составить особый параметр в его лексикографическом описании, например, в виде специальных помет при словарной статье. По-видимому, такое описание является частью дискурсивного представления содержания слова, о котором мы намерены сказать далее.

Специфический способ «пробиться» к концептуальным смыслам слова представлен в нашем лексикографическом проекте «Викилексия». Этот способ экспериментальный, он характеризуется обращением к метаязыковому сознанию носителей языка, которые в словарной статье сами формируют словник словаря и фиксируют своё субъективное отношение к слову. Единица словника обозначена нами как «слова, вызывающее у Вас эмоции и мысли» (сокр. СВЭМ). Таким образом, носители языка выступают в проекте одновременно как субъекты и объекты лексикографирования. Для реализации проекта его участниками предлагалась схема со следующими параметрами: характеристика употребительности слова (кем, где, когда, сколько, как и в каких ситуациях употребляется данное слово); оценочные характеристики, связанные со словом, например: негативно оценивающее слово (бранное, презрительное, обидное, грубое, ироническое, саркастическое), позитивно оценивающее (нежное, шутовское, одобряющее), нейтральное, контекстная характеристика слова (примеры типовых контекстов; личная оценка слова (нравится / не нравится, нужное / ненужное и т.п.), история личных взаимоотношений информанта со словом, происхождение слова (по мнению информанта), персональные данные об информанте (факультативные сведения).

Подробнее проект представлен в статье «“Викилексия” – народный интернет-словарь» [35]. Примеры словарных статей «Викилексия», созданных информантами на основе вопросов анкеты¹:

КИРПИЧ

1.1. Сленговое название устройства, утратившего работоспособность и не подлежащего восстановлению в домашних условиях. Чаще всего кирпичи получаются в результате неудачной прошивки или же в результате случайного программного сбоя. Вернуть устройство к жизни могут только в сервисном центре.

1.3. Негативно оценивающее слово (обидное), личное отношение (нравится, нелюбимое).

2.2. После неправильной прошивки телефона данный девайс превратился в кирпич.

2.4. Когда я начал всерьез заниматься программированием, мне необходимо было выучить жаргонизмы, и одним из таких слов оказалось кирпич.

3.1. Пряженников Илья Витальевич. 45 лет.

БАТОШКА

1.1. Батошка – это слово, обозначающее что-то чрезвычайно маленькое и милое.

1.2. Можно употребить для человека, а также для животного. Как правило, это звучит смешно и мило.

1.3. Данное слово может понравиться многим, так как звучит довольно нежно и шуточно.

1.4. Пример употребления слова: *«какой же ты хорошенький, батошка»*.

1.5. Произносить его нужно с ласковой интонацией либо с интонацией умиления к человеку или животному. Также этим словом можно просто назвать своего питомца, потому что оно звучит очень мило и просто запоминается.

3.1. Слово произошло совершенно случайно. Назвав так человека, это слово запомнилось и вошло в лексику.

4.1. Бадрышева Юлия 18 лет.

---

¹ Не использованные информантом рубрики анкеты пропущены нами.

4. Усиление линии антропоцентрического лексикографирования. Тенденция к отражению концептного содержания в толковых словарях

Продолжаем иллюстрирование линии параметризации лексикографического описания семантики слова. Остановимся на отмеченной нами тенденции к фиксации антропоцентрических компонентов содержания слова. В упомянутой выше статье о лингвокультурологических пометах [6] О.И. Блинова заметила, что пометы в словарной статье не являются сугубо техническим моментом лексикографического описания содержания слова как его вспомогательные элементы; они принципиально важны для понимания внутренних (собственно языковых) аспектов содержания слова, в связи с чем автор актуализирует и необходимость специального отражения в словарях лингвокультурного параметра (ЛКП) семантики слова (ср.: «роль ЛКП в лексикографической области ещё предстоит выявить и изучить» [6. С. 126]). Далее Ольга Иосифовна утверждает, что лексикографические пометы «отражают миры человека, животных, растений, пространства и т.д. <...> За счет ЛКП определяются, оживают принципы номинации слов, высвечивается мотивировочный признак, выявляются пристрастия человека, номинирующие предметы, его окружающие, при выборе номинационного признака» [6. С. 126]. Нетрудно заметить стремление ученого приблизить лексическое значение к антропоцентрическим параметрам смысла. Полагаем, что эта тенденция носит глобальный для лексикографии характер. Ее проявления сейчас многочисленны. Так, последовательно и достаточно полно лингвокультурный параметр содержания слова отражен в словарях Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [36], Е.С. Отина «Словарь коннотативных собственных имен» [37]; имеются и другие опыты лексикографирования в этом направлении, см. например: «Словарь концептов русской культуры для младших школьников» [38], «Когнитивно-дискурсивный словарь в коммуникативной перспективе» [39] (последний отражает «комплекс представлений о концептосфере человека в семантическом поле языка и позволяет объединить уровни словаря и текста» [39. С. 546]).

Линию параметризации, отражающую тенденцию лексикографии к дистанцированию от понятийно-логического ядра содержания слова, особым образом иллюстрирует словарь дискурсивного типа [40],

призванный фиксировать употребление диалектного слова в различных функциональных сферах и разных типах дискурса. Такое полидискурсивное функционирование трактуется как предпосылка семантического развития диалектного слова. Для осуществления представленной цели предлагается словарная статья, построенная по схеме. Она предполагает отражение следующих типов дискурса, в которых фиксируется данное слово по данным интернета: 1) лексикографический; 2) научный: лингвистический, нелингвистический (этнографический, фольклористический, фенологический и т.п.); 3) профессиональный дискурс с возможной конкретизацией, например терминологический (сельскохозяйственный, кулинарный, ремесленный, медицинский); 4) обыденный (повседневный, бытовой); 5) публицистический; 6) художественный; 7) рекламный. Подобным образом, по нашему мнению, содержание слова моделируется как функционально-речевое (дискурсивное) содержание, а семантика как «сгусток смысла», дискретно выделенный из непрерывного семантического поля и зафиксированный дефиницией в словарной статье, может и должен трактоваться как производная от такого коммуникативного функционирования единица. Указанная схема показывает, как это разнообразное дискурсивное функционирование воздействует на вариативность употреблений и далее – на формирование лексико-сематических вариантов данного слова.

5. Мотивационный параметр описания лексики. Особенности «Мотивационного словаря сибирского говора» О.И. Блиновой

Рассмотрим далее параметрическое представление «Мотивационного словаря сибирского говора» [41, 42] – одного из наиболее значимых результатов лексикографической деятельности О.И. Блиновой. Его цель во введении Блинова определяет следующим образом: «представить явление мотивации слов сквозь призму мотивационных парадигм с их компонентами, проиллюстрировав их употребление в текстах и метатекстах, отражающих естественную речь носителей вершининского говора второй половины XX в.» [41. С. 6]. Подробнее содержание и структура словаря представлены в статье О.И. Блиновой «Концепция мотивационного словаря сибирского говора» [43].

Проиллюстрируем словарную статью словаря двумя примерами.

ПЕСНЯ ж. Словесно-музыкальное произведение для пения; то что поют¹.

ЛМ: петь и – запеть, запевать, перепеть, спеть.

СМ: басня ‘краткое иносказательное стихотворение’.

– *Едем туда [на поля], песни поём, едем оттуда – опеть песни. // Песни запоём – боже спаси! Нас как-то в каталажку посадили за песни. А её одной заставили песни петь. Старинну песню. Вот она пела «Из-под камня, камня серого». Одну песню спела. // Песни да басни всё пишут и пишут, не перестают [42. С. 35].*

РЯБИНА, ж. Дерево с пёстрой («рябой») окраской осенних листьев.

ЛМ: рябой (рябый).

СМ: калина ‘дерево’.

– *Рябина, может быть, [называется] от листа: лист рябый. // Рябина? Кто его знает [почему так называют]. Вроде от листа, что рябый. // Деревья у нас растут: боярка, рябина, калина, берёза [42. С. 137].*

С точки зрения параметризации способ представления содержания слова в мотивационном словаре достаточно специфический, он дистанцирован от толкования (имеем в виду способ, представленный в толковых словарях), толкование в нем выполняет вспомогательную функцию, в некотором смысле это продолжение заглавного слова словарной статьи. Слово в «Мотивационном словаре сибирского говора» предстает сквозь призму его мотивационных отношений, но не в их статическом образе, как в словообразовательных и морфемных словарях, а как текстовое слово в его живых текстовых связях, ярко проявляющихся в приведенных контекстах-иллюстрациях. О.И. Блинова называет такой тип связи актуализацией мотивационных отношений в тексте. Словарь ярко демонстрирует то обстоятельство, что они разнообразны по своей функции, генезису и структуре. Используем для иллюстрации их разнообразия известную в семиотике оппозицию синтактики, прагматики и семантики. Некоторые из мотивационных отношений носят синтаксический и синтагматический характер (*Кто ходит за роженицами – баба бабит; лен... из него делают масло дьянное; масло масленное; мужа-то агроном звали. И Матрена*

¹ Ещё один (в данном случае произвольный) пример оппозиции понятийно-логического (дефиниционного) и обиходного способов фиксации содержания слова.

агронома), они выполняют (или отражают) синхронную синтаксическую роль мотивационных отношений в организации связей слов в предложении или словосочетании, другие участвуют в реализации прагма-стилистических аспектов текста (*баба, бабуля, тебя кто так измял?*; – А чем пряли? – *Верётнами. Веретёшко* тако выточено и прядешь и *вертишь*. Одной рукой поддерживашь, а другой *вертишь*¹); третьи имеют семантический характер, что оказывается возможным при сильном участии метаязыковой рефлексии, направленной на уточнение смысла слова с помощью апелляции к значению внутреннего слова, представленного в слове-мотиваторе (*Его даже звали «Прокофий береговой». Ага, на берегу жил; рябина, вроде от листа, что рябый; а тамо-ка раньше большие печки были, «биты» назывались, из глины били*); четвертые, отдаленные от непосредственной семантики, выполняют формально-структурную функцию (*Оне разных пород бывают: алтайки, томки. Алтайка – ссера, томка – скрасна; Она така открытая бабенка, а парненка во второй класс пошел; беззаконство будет, безбожество; отца не было, вот и сураз, безотцовщина, беззаконщина*). В концепции О.И. Блиновой последний тип мотивационных отношений получил название структурной мотивации. Следует заметить, что структурная мотивация далеко не всегда предстает как асемантическая, в ряде случаев заметна актуализация прагматического компонента высказывания (*на ноги носили ботинки, ботиночки с пуговичками... резиночки были*).

6. Принцип комплексности параметров

В предисловии от редактора «Мотивационного словаря сибирского говора» О.И. Блинова формулирует мысль о возможности синтеза параметров в комплексном лексикографировании: «После того как осуществлен глобальный замысел создания полного словаря говора, стала реальной возможностью комплексной лексикографической его параметризации» [41. С. 5]. Эта идея органично вписана в одно из направлений развития современной лексикографии. Так, данное

---

¹ Считаем, что повторы корня и лексем выполняют дискурсивную функцию, придавая тексту связность и цельность, специфическую фольклорную окраску. Чередование вариантов словоформ творительного падежа на -ОЮ и -ОЙ, на наш взгляд, тоже не случайно, оно включено в интонационно-ритмическую организацию устного текста.

направление нашло отражение в статье Г.Ф. Богачёвой, В.В. Морковкина «О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка» [44], в которой представляется словарный проект, осуществляемый в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина (рабочее название проекта – «Всеохватный объяснительный словарь»).

В русле данного направления реализуются ряд лексикографических проектов Кемеровской научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», руководимой автором настоящей статьи [45], которые стали результатом изучения проблемы обыденного метаязыкового сознания [46]: «Словарь обыденных толкований русских слов» [47, 48]; «Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий» [49], «Словарь обыденных толкований политических терминов» [50, 51]. Рамки статьи не позволяют остановиться подробно на характеристике данных проектов. Продолжая логику настоящего раздела, остановимся на одном их аспекте – специфике лексикографической «комплексности» параметров, реализованной в данных словарях. Все названные словари фиксируют показания метаязыкового сознания носителей русского языка, они обобщают ответы на вопросы, полученные при их массовом анкетировании. Информанты записывали рядом с каждым словом – стимулом репрезентации его содержания. С их помощью эксплицировались разные типы содержания, ассоциированного со словом: понятийное и концептное, осознаваемое (метаязыковое) и неосознаваемое, мотивационное и актуальное. Для реализации данной цели предлагались разные формы репрезентации: дефиниционная, контекстная, рефлексивная и ассоциативная, – которым соответствовали разные типы заданий. Для каждого из названных словарей комплексы вопросов представляли собой тактические варианты единой стратегии комплексности. Так, для «Словаря обыденных толкований политических терминов» была разработана анкета, которая содержала вопросы и задания, направленные на получение репрезентаций содержания политических и юридических терминов в дефиниционной, ассоциативной и контекстной формах, данные формы предполагали охват основных типов содержания – понятийного, эмоционально-оценочного и концептного (культурологического). Содержание анкеты с примером (слово *демократ*): 1) Дайте определение термина ..... (демократ); 2) Завершите фразу: На то это и *демократ*, что-

бы.....!; 3) Завершите фразу: Какой он *демократ*, если.....?; 4) Напишите часто встречающуюся Вам фразу, в которой встречается термин *демократ*; 5) Какие слова ассоциируются у Вас со словом *демократ*? Далее для примера представим статью ДЕМОКРАТ, иллюстрирующую комплексную параметризацию его содержания.

ДЕМОКРАТ

Значение: член демократической партии – 15¹; сторонник власти народа – 15; приверженец демократического строя – 14; сторонник демократии – 13; человек демократических взглядов – 12.

Фразы: демократическая партия – 23; социал-демократ – 14; демократия в США – 13; демократическое общество – 12; демократические выборы – 10; настоящий демократ – 9; демократическая Россия – 8; либерал-демократ – 6.

Завершение фразы:

На то и демократ, чтобы... защищать интересы народа – 16; дать власть народу – 9; править страной – 9; бороться за свободу – 8; болтать – 7; говорить свободно – 7; говорить и ничего не делать – 7;

Ассоциации: свобода – 12; свобода слова 9; власть – 8; народ – 7; народная власть – 7.

Разумеется, мы не можем знать, как бы выглядел «Комплексный словарь сибирского говора», если бы теоретическая идея данного словаря была осуществлена на практике, но, зная концепцию параметризации О.И. Блиновой и варианты ее практической реализации в различных типах словарей, мы можем предположить, какой набор параметров он бы включал.

Заключение

Подведем итог. Большой вклад Ольги Иосифовны Блиновой в теорию лексикографии несомненен. Ее положения о том, что лексикография является особым подходом к лексике; параметризация лексической семантики является главной стратегией реализации данного подхода; параметризация является многовекторной категорией; учет многовекторности лежит в основе комплексной лексикографии; од-

---

¹ Цифры обозначают количество ответов с данной репрезентацией содержания термина. Приведены только первые пять наиболее частотных ответов.

ним из важнейших параметров описания лексики являются функциональные характеристика слова, отражаемые в пометах; лексикография является способом сохранения народной речевой культуры [2–4] и отражением языковых связей слов (например, мотивационных, синонимических [52]) и др.), были поддержаны лексикографами в своих исследованиях лексики и в лексикографической практике. Считаем, что у этих идей большое будущее в лингвистической науке и словарной деятельности. Призываю коллег развивать эти идеи в своей научной работе и передавать их новым поколениям филологов.

Литература

1. *Блинова О.И.* Лексикографический метод исследования языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-3-97) : тез. докл. 3-й междунар. науч.-практ. конф. Томск, 1997. С. 148–149.
2. *Блинова О.И.* Лексикографическое исследование духовной и материальной культуры этноса // Этности Сибири: язык и культура : материалы Междунар. конф. Томск, 1997. С. 68–71.
3. *Блинова О.И.* Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
4. *Блинова О.И.* Лексикографический способ сохранения народной речевой культуры // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков : XXII Дульзонские чтения. Томск, 2000. С. 8–10.
5. *Блинова О.И.* Лексикографический метод и сферы его использования в диалектологических исследованиях // Язык и культура в Евразийском пространстве : сб. ст. XVI Междунар. науч. конф. Томск, 2003. С. 110–117.
6. *Блинова О.И.* Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 122–129.
7. *Шароглазова Ю.В.* Лексикографический метод при описании одного аспекта идиостиля В.П. Астафьева // Язык и социальная динамика. 2014. № 14. С. 227–235.
8. *Гутовская М.С.* Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях // Веснік БДУ. Серыя 4 : Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2013. № 2. С. 34–41.
9. *Голев Н.Д.* О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц русского языка // Вопросы лексикографии. 2015. № 2. С. 38–64.
10. *Зайцева Ю.В.* Лексикографическое исследование как метод описания структуры концепта (концепт «teufel») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-2. С. 363–368.
11. *Гавар М.Э.* Лексикографический метод и его применение в исследовании диалектной синонимии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 11–17.

12. *Иванова Е.Н.* Проблемы описания языковой личности в вузовской практике: лексикографический подход // Филологический класс. 2013. № 2 (32). С. 23–25.

13. *Польгер А.* Лексикографический подход к изучению полисемических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 4. С. 788–820.

14. *Топка В.В.* Лексикографическое решение двухкритериальной задачи планирования проекта при ограничении на показатель его надежности // Известия Российской академии наук. Теория и системы управления. 2014. № 6. С. 105–123.

15. *Абаев В.И.* Язык как идеология и язык как техника // Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с.

16. *Новые* версии лексикографической интерпретации языковой реальности : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», 15–17 апреля 2010 г. / отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2010.

17. *Голев Н.Д.* Источниковый потенциал обратного машинного перевода // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2018. Т. 18, № 1. С. 36–44.

18. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение, 1973. 304 с.

19. *Блинова О.И., Гавар М.Э.* Синонимия сибирского говора сквозь призму комплексной лексикографической параметризации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 5–15.

20. *Мотивационный* словарь сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко ; под ред. О.И. Блиновой. Т. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 372 с.

21. *Мотивационный* словарь сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко ; под ред. О.И. Блиновой. Т. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 310 с.

22. *Ветров А.А.* Расчлененность формы как основное свойство понятия // Вопросы философии. 1958. № 1. С. 39–46.

23. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1973. 213 с.

24. *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 3 / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. 250 с.

25. *Толковый* словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 1–4.

26. *Голев Н.Д.* Об описании значения слов-денотативов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. С. 26–34.

27. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 9–46.

28. *Голев Н.Д.* Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 92–98.

29. Блинова О.И. Приём психолингвистического эксперимента в исследовании лексической семантики // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения : международная конференция : тезисы докладов : в 2 ч. / редколлегия: Л.А. Новиков (отв. ред.), Л.Г. Зубкова, В.Н. Денисенко, М.А. Рыбаков (отв. секр.). М., 1997. С. 46–47.

30. Морозова О.Е. Об эксперименте в лексикографии (на материале словаря народно-разговорной речи) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 443–446.

31. Федяева Н.Д. Значение слова нормальный: лексикография и эксперимент // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 112–115.

32. Голев Н.Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 70–78.

33. Голев Н.Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 60–79.

34. Голев Н.Д. О новых источниках количественного речевого материала и их семасиологических возможностях (постановка проблем) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике : материалы I Междунар. конф. (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) : в 4 ч. Ч. 4. Кемерово : Юнити, 2006. С. 9–15.

35. Голев Н.Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 31–68.

36. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2004. 982 с.

37. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Москва ; Донецк : А Темп, 2006. 440 с.

38. Словарь концептов русской культуры для младших школьников / Л.А. Шнайдерман [и др.]. Стерлитамак : Сергеев, 2010. 163 с.

39. Убийко В.И., Батталова А.Р. Когнитивно-дискурсивный словарь в коммуникативной перспективе // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 546–548.

40. Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.

41. Мотивационный словарь сибирского говора : в 2 т. / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1: А–О. 372 с.

42. Мотивационный словарь сибирского говора : в 2 т. / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 2: П–Я. 310 с.

43. Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 5–12.

44. Богачева Г.Ф., Морковкин В.В. О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3. С. 6–12.

45. Социально-когнитивное функционирование языка / гл. ред. Н.Д. Голев ; отв. ред. Е.В. Кишина. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2017. 216 с.

46. Голев Н.Д. Исследование обыденного метаязыкового сознания – новое направление когнитивной лингвистики // Филологические науки. 2018. № 2. С. 27–32.

47. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. Т. 1: А–М. (АБРИКОС – МУРАВЕЙ). (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. 536 с.

48. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48–64.

49. Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3 (41). С. 39–54.

50. Словарь обыденных толкований политических терминов: лексикографический опыт: 50 слов-стимулов: [16+] / авт.-сост. Е.С. Беляева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев, А.О. Закирова и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2019. 142 с.

51. Кишина Е.В. Словарь обыденных толкований политических терминов: теоретическая концепция и лексикографическая реализация // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 270–275.

52. Блинова О.И. Диалектный словарь синонимов в зеркале лексикографической параметризации // Вопросы лексикографии. 2015. № 2 (8). С. 27–37.

Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 9–32. DOI: 10.17223/22274200/21/1

Nikolay D. Golev, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ngolevd@yandex.ru

Keywords: Olga Blinova, lexicographizing, discretization of semantics, parameterization of vocabulary, definition, explanatory dictionary, motivational dictionary.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00202.

The article develops the idea formulated by Olga Iosifovna Blinova, professor of Tomsk State University, according to which lexicography is one of the methods of studying vocabulary. The material of the study included: (1) theoretical works by Olga Blinova, (2) her lexicographic works, (3) lexicographic experiments of the author of the article and their theoretical understanding, (4) works of other authors on related issues. The main research method used in the article is a comparison of concepts and principles

of their implementation in different authors to identify the features of Blinova's lexicographic theory and practice. The author interprets lexicographizing of a word as a specific approach to the description of its semantics, as a way of its modeling, which consists in its discretization – transformation of continuous semantic space of the language into notional quanta, clots of meaning. In the study, this method is contrasted with other methods of language modeling found in applied language descriptions: in the methods of language teaching, in translation and in compilation of computer programs on a linguistic basis in particular. Much attention is paid to the concept of lexical parameterization, which occurs in the process of lexicographic modeling of the semantic reality of the language. The most important principle of semantics modeling is the parameterization of the meaning of a word and vocabulary in general. The article discusses the features of parameterization in explanatory dictionaries against the background of their opposition to other types of dictionaries: encyclopedic, motivational dictionaries, dictionaries of everyday interpretations of words and frequency dictionaries. To identify these features, the definitions of words in explanatory and encyclopedic dictionaries are analyzed. Such important trends in modern lexicography as overcoming the absolutization of the discreteness of semantics and its simplified definition are analyzed. The article explores the tendency of lexicography to an antropocentric modeling of semantics in dictionaries, a particular manifestation of which is the representation of the content of a word as a conceptual content. In more detail, the article highlights the specifics of the motivational dictionary – one of the main lexicographic works by Blinova, who developed the concept of this type of dictionary and implemented it in practice by creating the *Motivational Dialect Dictionary*. The final section of the article analyzes Blinova's idea about the possibility of implementing a project of a complex dictionary, in which the meaning of each word is considered in the mirror of a set of parameters which together give a systematic idea of the functioning, semantics and linguistic connections of the word. The article draws conclusions about the role of Blinova's theoretical heritage for semasiology, dialectology and lexicography of the Russian language.

References

1. Blinova, O.I. (1997) [Lexicographic method of language research]. *Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (SIBRESURS-3-97)* [Natural and intellectual resources of Siberia (SIBRESURS-3-97)]. Abstracts of the Conference. Tomsk: [s.n.]. pp. 148–149. (In Russian).
2. Blinova, O.I. (1997) [Lexicographic study of the spiritual and material culture of an ethnos]. *Etnosy Sibiri: yazyk i kul'tura* [Ethnoses of Siberia: language and culture]. Tomsk: [s.n.]. pp. 68–71. (In Russian).
3. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).
4. Blinova, O.I. (2000) [The lexicographic method of preserving folk speech culture]. *Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur. Prepodavanie natsional'nykh yazykov: XXII Dul'zonovskie chteniya* [Comparative-historical and typological study of languages and cultures. Teaching National Languages: XXII

Dulzon Readings]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 8–10. (In Russian).

5. Blinova, O.I. (2003) [The lexicographic method and the scope of its use in dialectological research]. *Yazyk i kul'tura v Evraziyskom prostranstve* [Language and culture in the Eurasian space]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State University. pp. 110–117. (In Russian).

6. Blinova, O.I. (2014) Reflections on linguoculturological dictionary marks. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (6). pp. 122–129. (In Russian).

7. Sharoglazova, Yu.V. (2014) Leksikograficheskiy metod pri opisaniі odnogo aspekta idiostilya V.P. Astaf'eva [The lexicographic method in describing one aspect of V.P. Astafiev's idiosyle]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika – Language and Social Dynamics*. 14. pp. 227–235.

8. Gutovskaya, M.S. (2013) Kontrastivno-leksikograficheskiy metod ustanovleniya sostavov frazeosemanticheskikh poley v sopostavitel'nykh lingvokognitivnykh issledovaniyakh [A contrastive lexicographic method for establishing the composition of phraseosemantic fields in comparative linguocognitive studies]. *Vestnik BDU. Seryya 4: Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2. pp. 34–41.

9. Golev, N.D. (2015) On dictionaries of folk etymologies and motivational associations as reflection of ontological features of Russian lexical units. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 38–64. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/8/3

10. Zaytseva, Yu.V. (2012) Leksikograficheskoe issledovanie kak metod opisaniya struktury kontsepta (kontsept “teufel”) [Lexicographic research as a method for describing the structure of a concept (concept “teufel”).] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 1-2. pp. 363–368.

11. Gavar, M.E. (2014) Lexicographic method and its application in the research of dialect synonyms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 11–17. (In Russian).

12. Ivanova, E.N. (2013) Problemy opisaniya yazykovoy lichnosti v vuzovskoy praktike: leksikograficheskiy podkhod [Problems of describing a language personality in university practice: a lexicographic approach]. *Filologicheskiy klass*. 2 (32). pp. 23–25.

13. Polguere, A. (2018) A lexicographic approach to the study of copolysemy relations. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 788–820.

14. Topka, V.V. (2014) Leksikograficheskoe reshenie dvukhkriterial'noy zadachi planirovaniya proekta pri ogranichenii na pokazatel' ego nadezhnosti [Lexicographic solution of the two-criteria problem of project planning with a constraint on its reliability indicator]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Teoriya i sistemy upravleniya*. 6. pp. 105–123.

15. Abaev, V.I. (2006) Yazyk kak ideologiya i yazyk kak tekhnika [Language as ideology and language as technology]. In: *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on the theory and history of linguistics]. Moscow: Nauka.

16. Gridina, T.A. (ed.) (2010) *Novye versii leksikograficheskoy interpretatsii yazykovoy real'nosti: materialy Vseros. nauch. konf. "Yazyk. Sistema. Lichnost": Sovremennaya yazykovaya situatsiya i ee leksikograficheskoe predstavlenie*, 15–17 aprelya 2010 g. [New versions of the lexicographic interpretation of linguistic reality: Language. System. Personality: The Modern Linguistic Situation and Its Lexicographic Representation: Conference Proceedings. 15–17 April 2010]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
17. Golev, N.D. (2018) *Istochnikovyy potentsial obratnogo mashinnogo perevoda* [Source potential of reverse machine translation]. *Vestnik Kyrgyzsko-rossiyskogo slavyanskogo universiteta*. 18 (1). pp. 36–44.
18. Zemskaya, E.A. (1973) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Derivation]. Moscow: Prosveshchenie.
19. Blinova, O.I. & Gavar, M.E. (2014) Synonymy of the Siberian dialect through the prism of complex lexicographic parametrisation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 1 (27). pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/8/2
20. Blinova, O.I. (ed.) (2009) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
21. Blinova, O.I. (ed.) (2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
22. Vetrov, A.A. (1958) *Raschlenennost' formy kak osnovnoe svoystvo ponyatiya* [Dismemberment of the form as the main property of the concept]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 39–46.
23. Katsnel'son, S.D. (1973) *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language typology and speech thinking]. Leningrad: Nauka.
24. Palagina, V.V. (ed.) (1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob river basin]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
25. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 volumes. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey.
26. Golev, N.D. (1973) *Ob opisaniy znacheniya slov-denotativov* [On the description of the meaning of denotative words]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Topical issues of lexicology and word formation]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 26–34.
27. Golev, N.D. (2000) *Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak yurislingvisticheskaya problema* [Legalization of natural language as a legal linguistic problem]. *Yurislingvistika – Legal Linguistics*. 2. pp. 9–46.
28. Golev, N.D. (2003) [Legal-linguistic dictionary of invective vocabulary of the Russian language (to the formulation of the problem)]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian Studies]. Conference Proceedings. Vol. 2 (1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–98. (In Russian).
29. Blinova, O.I. (1997) [Psycholinguistic experiment in the study of lexical semantics]. *Funktsional'naya semantika yazyka, semiotika znakovykh sistem i metody ikh*

izucheniya [Functional semantics of language, semiotics of sign systems and methods of their study]. Conference Proceedings. Moscow: [s.n.]. pp. 46–47. (In Russian).

30. Morozova, O.E. (2011) Ob eksperimente v leksikografii (na materiale slovary narodno-razgovornoy rechi) [On an experiment in lexicography (based on the dictionary of folk colloquial speech)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 6-2. pp. 443–446.

31. Fedyaeva, N.D. (2008) Znachenie slova normal'nyy: leksikografiya i eksperiment [The meaning of the word “normal’nyy”: lexicography and experiment]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 4. pp. 112–115.

32. Golev, N.D. (2016) Experimental Research on the Russian Vocabulary and Texts Within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 1. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 70–78. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-70-78

33. Golev, N.D. (2017) Experimental Research on the Russian Vocabulary and Texts Within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 2. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1. pp. 60–79. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-172-179

34. Golev, N.D. (2006) [On new sources of quantitative speech material and their semasiological capabilities (problem statement)]. *Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike* [Changing Russia: New paradigms and new solutions in linguistics]. Conference Proceedings. Kemerovo. 29–31 August 2006. In 4 parts. Part 4. Kemerovo: Yuniti. pp. 9–15. (In Russian).

35. Golev, N.D. (2014) Wikilexia – the public Internet dictionary: innovatory lexicographic project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (6). pp. 31–68. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/6/3

36. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt.

37. Otin, E.S. (2006) *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Moscow; Donetsk: A Temp.

38. Shnayderman, L.A. et al. (2010) *Slovar' kontseptov russkoy kul'tury dlya mladshikh shkol'nikov* [Dictionary of concepts of Russian culture for younger schoolchildren]. Sterlitamak: Sergeev.

39. Ubiyko, V.I. & Battalova, A.R. (2012) The discursive cognitive dictionary in communicative perspective. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 11. pp. 546–548. (In Russian).

40. Golev, N.D. (2019) A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 113–137. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/7

41. Blinova, O.I. (ed.) (2009) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora: v 2 t.* [Motivational dictionary of the Siberian dialect: in 2 volumes]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
42. Blinova, O.I. (ed.) (2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora: v 2 t.* [Motivational dictionary of the Siberian dialect: in 2 volumes]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
43. Blinova, O.I. (2009) Concept of motivational dictionary of Siberian dialect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 5–12. (In Russian).
44. Bogacheva, G.F. & Morkovkin, V.V. (2011) On the all-embracing lexicographic presentation of the lexical core of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3. pp. 6–12. (In Russian).
45. Golev, N.D. (ed.) (2017) *Sotsial'no-kognitivnoe funkcionirovanie yazyka* [The socio-cognitive functioning of the language]. Kemerovo: Kemerovo State University.
46. Golev, N.D. (2018) The study of ordinary metalanguage consciousness in modern Russian linguistics. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 2. pp. 27–32. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.2-18.027
47. Golev, N.D. (ed.) (2012) *Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t.* [Dictionary of the common interpretations of Russian words. The vocabulary of nature: in 2 volumes]. Vol. 1. Kemerovo: Kemerovo State University.
48. Golev, N.D. (2013) Dictionary of the common interpretations of words: The conception and the experience of its implementating. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 48–64. (In Russian).
49. Golev, N.D., Kim, L.G. & Stevanovich, S.V. (2015) A multilingual dictionary as a reflection of the Slavic mental-linguistic unity and cross cultural differences. *Rusin*. 3 (41). pp. 39–54. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/41/3
50. Golev, N.D. et al. (2019) *Slovar' obydennykh tolkovaniy politicheskikh terminov: leksikograficheskiy opyt: 50 slov-stimulov: [16+]* [Dictionary of everyday interpretations of political terms: Lexicographic experience: 50 words-stimuli: [16+]]. Kemerovo: Kemerovo State University.
51. Kishina, E.V. (2016) *Slovar' obydennykh tolkovaniy politicheskikh terminov: teoreticheskaya kontseptsiya i leksikograficheskaya realizatsiya* [Dictionary of everyday interpretations of political terms: Theoretical concept and lexicographic presentation]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 5. pp. 270–275.
52. Blinova, O.I. (2015) The dialect dictionary of synonyms in the mirror of lexicographic parametrization. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (8). pp. 27–37. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/8/2

УДК 811.161.1; 811.374; 81.322.2
DOI: 10.17223/22274200/21/2

М.В. Хохлова

АТРИБУТИВНЫЕ КОЛЛОКАЦИИ В ЗОЛОТОМ СТАНДАРТЕ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СЛОВАРЯХ И КОРПУСАХ ТЕКСТОВ¹

Рассматривается явление ограниченной сочетаемости и ее представление в словарях и корпусах русского языка. Приведен обзор лексикографических проектов и проанализировано, как описаны устойчивые словосочетания в толковых и специализированных словарях, насколько их данные совпадают между собой. Также обсуждаются следующие вопросы: в какой степени словарные коллокации отражены в корпусах текстов (НКРЯ и ruTenTen), и есть ли зависимость между количеством словарей, в которых зафиксировано словосочетание, и его частотностью.

Ключевые слова: коллокации, устойчивая сочетаемость, атрибутивные словосочетания, русский язык, словари, корпуса текстов, база данных

Введение

Изучению лексической сочетаемости при помощи статистических методов посвящено большое количество работ. В последнее время наблюдается бурное развитие разных подходов для извлечения коллокаций, главным образом включающих использование данных о совместной встречаемости и лингвистические фильтры. Результаты автоматического извлечения коллокаций представлены списками n-грамм (обычно биграмм), сопровождающимися числовыми коэффициентами, в которых могут быть репрезентированы единицы разной степени устойчивости: фразеологизмы («бить баклуши»), неоднословные единицы («без сомнения»), устойчивые словосочетания («принять решение»), именованные сущности («Красная площадь»). На русскоязычном материале подобные исследования проводились разными авторами (см., например, [1–4]). В последнее время стали использоваться методы машинного обучения применительно к задаче

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00091).

автоматического выявления словосочетаний [5]. Задача создания списка высокочастотных коллокаций при помощи автоматических методов на основе большого корпуса текстов ставилась в исследовании [6], результаты работы применялись к снятию семантической омонимии.

В связи с развитием подобных методов возникают следующие вопросы: 1) каким образом можно проверить автоматически собранные данные и, следовательно, их оценить; 2) как можно оценить сами использованные методы. Соответственно, необходим некоторый золотой стандарт, который можно было бы применить как при проверке самих результатов, так при оценке работоспособности различных алгоритмов. Следовательно, существует потребность в ресурсах, которые содержали бы выверенные данные. При этом недостаточно использовать сведения только из одного источника (более того, вероятно, для русского языка пока не существует единого ресурса, в котором были бы собраны устойчивые словосочетания в большом объеме). Дополнительно упомянем некоторую сложность при использовании бумажных словарей [7], также рядом авторов отмечается несколько непоследовательный характер отбора и представления словарного материала [8, 9]. Проблема отбора словосочетаний является весьма важной в лексикографии, при этом не только для одноязычных словарей, и даже представляет собой «наиболее спорную и уязвимую часть практически каждого двуязычного словаря» [10. С. 61]. В работе [11] авторы указывают на сложность отбора примеров из корпуса, предлагая для данной задачи использовать списки коллокаций.

Обзор проектов

Информация о сочетаемости может быть представлена в традиционных (печатных, или «бумажных») словарях и в специализированных базах данных. Последние могут по своей сути также являться словарями с дополнительной информацией. Ниже мы остановимся на некоторых проектах, в которых с разной степенью проработанности дана информация о сочетаемости, при этом, безусловно, список ими не ограничивается. Необходимо сделать следующую оговорку: мы в большей степени хотели в него включить те современные проекты, которые или основываются на корпусном материале, или их данные получены при помощи автоматических методов. Тем не менее созда-

ние полноценного обзора подобных проектов (ресурсов) является отдельной задачей.

В основном работы, описывающие сочетаемость с использованием материала электронных корпусов текстов, на протяжении долгого времени затрагивали англоязычный материал. Комбинаторный словарь английского языка [12] был первой попыткой описать сочетаемость с помощью большого количества примеров. В нем описано более 75 тыс. словосочетаний и впервые разграничиваются лексические и грамматические коллокации. К первым относятся сочетания существительных, глаголов, прилагательных и наречий, в то время как вторая группа представлена словосочетаниями с предлогами. Словарь коллокаций «A Dictionary of English collocations» [13] – это одно из первых лексикографических произведений, при составлении которого использовались методы корпусной лингвистики. В нем перечислены все (по мнению автора) коллокации, встречающиеся в Брауновском корпусе. Также можно отметить словарь “The Pattern Dictionary of English Verbs”, который базируется на методологии Corpus Pattern Analysis, предложенной П. Хэнксом [14], и включает семантико-синтаксические шаблоны глагольного управления с иллюстрациями (словосочетаниями и предложениями). В настоящий момент речь также идет об автоматических словарях коллокаций [15].

Русскоязычная лексикографическая традиция имеет богатую историю, однако существует не так много проектов, посвященных сочетаемости в русском языке и основывающихся на корпусном материале или созданных с использованием автоматических методов. Уникальным проектом является Толково-комбинаторный словарь современного русского языка [16], в котором устойчивая сочетаемость описана при помощи лексических функций. Словарь устойчивых глагольно-именных словосочетаний русского языка [17] нацелен на изучающих русский язык и содержит 5 197 словосочетаний с 744 глаголами и 1 345 существительными, большинство из которых биграммы. Словарь коллокаций [18] был первым и единственным проектом, в название которого вынесено понятие, связанное с ограниченной сочетаемостью. В нем приводятся словосочетания для 512 заголовочных единиц, а также имеется англо-русский список ключевых слов. В Словаре сочетаемости слов русского языка [19] представлено 2 500 словарных статей для существительных, глаголов и прилагательных. Авторами делается различие между лексической и семантической сочетаемо-

стью, а также дается определение синтаксической сочетаемости как некоторой валентностной рамки. Существует уникальный лексикографический проект под руководством Ю. Д. Апресяна по созданию активного словаря русского языка [20], который включает обширную информацию о сочетаемости, отраженную отдельно в словарных статьях. Материал отлично структурирован и включает сведения о синтаксических актантах, коллокациях и конструкциях. Тем не менее, поскольку словари по-разному отражают сочетаемость и покрывают примеры, так важно рассмотрение отличных друг от друга источников.

Если говорить об электронных ресурсах, то для русского языка НКРЯ [21] предоставляет ряд инструментов (n-грамм поиск со статистической оценкой, списки устойчивых слов и словосочетаний, лексические графы), также на его основе были разработаны словари, в которых описана ограниченная сочетаемость. В словарь глагольной сочетаемости абстрактных существительных [22] вошли данные, полученные автоматически из синтаксически размеченного корпуса. В нем перечислена информация о более чем 10 000 словосочетаний следующих моделей: 1) N+V; 2) V+N; 3) V+ADJ+N. Авторами также используется аппарат лексических функций для выражения типовых смыслов. В словаре русской идиоматики [23] собраны сочетания со значением высокой интенсивности (наряду с другими он будет более подробно рассмотрен ниже).

Среди остальных ресурсов для русского языка можно назвать FrameBank [24], который включает описание валентностных рамок для глаголов и конструкций. База данных «Collocations, Colligations, Constructions» [25] предоставляет информацию о сочетаемости на основе НКРЯ и корпуса ruWac [26], также упомянем семантический словарь «Lexicograph» [27]. Отдельно следует назвать систему КроссЛексика [9], в которой содержится 1,75 млн словосочетаний. В словаре также отражены семантические связи: синонимия, антонимия, гипонимия и меронимия. В качестве лексикографической основы авторами был рассмотрен ряд двуязычных словарей, а также Словарь русского языка в четырех томах (Малый академический словарь) [28].

Далее будут более подробно рассмотрены некоторые из упомянутых словарных источников.

Постановка задачи

В настоящий момент нами ведется работа над проектом, целью которого является объединение и представление как традиционно описанных

устойчивых словосочетаний (в словарях, базах данных), так и тех, что были получены автоматически¹. Иными словами, речь идет о создании золотого стандарта сочетаемости, дополненного информацией из корпусов текстов. Словосочетания сопровождаются отсылками к словарям, в которых они были зафиксированы, а также ссылками на корпусные источники.

Как справедливо замечают некоторые авторы [23, 29], вопрос о разграничении словосочетаний разной степени связанности (если мы понимаем, что это свойство характерно в разной степени для всех словосочетаний) является до сих пор дискуссионным, поэтому «конкретные случаи идиоматической сочетаемости часто не получают однозначной квалификации, что отражается, в частности, в словарях» [23. С. 2]. Вопрос о том, какие словосочетания включать в компьютерный словарь, также обсуждается, например, в работе [30].

Сочетаемость лексической единицы вслед за [31] нами трактуется предельно широко: под ней понимается способность соединяться с другими единицами в речевой цепочке. Таким образом, нами будут рассматриваться словосочетания разной степени устойчивости. Например, по классификации [32]: идиомы («рабочая лошадь»), фразеологические словосочетания («телячий восторг»), речевые штампы («всего хорошего»), клише («минуту внимания»). Подобный подход к рассмотрению материала нам кажется оправданным, так как разные источники представляют данные разного рода. Соответственно, если бы мы ограничились только одним типом, это привело бы к тому, что, во-первых, в базу данных попало бы лишь небольшое число примеров, во-вторых, ограниченное количество словосочетаний и их узконаправленность сделали бы подобный ресурс малоприменимым для последующего сравнения данных золотого стандарта с автоматически полученными.

Далее обсуждается та часть базы данных, в которую вошли материалы шести словарей (пяти печатных и одного электронного). В рамках нашего исследования поставлены две задачи. Во-первых, проанализировать, каким образом представлены устойчивые словосочетания в разных словарях, насколько они совпадают между собой. Во-вторых, исследовать, в какой степени коллокации определенного типа, которые отражены в словарях, могут быть найдены в корпусах текстов и, следовательно, проследить пересечение между «вручную» собранным материалом и современными корпусами.

---

¹ База данных коллокаций доступна онлайн: <https://collocations.spbu.ru>

Методика исследования

Первоначальный этап выполнения проекта был связан с отбором соответствующих лексикографических источников и с исследованием того, как в них представлена сочетаемость. В данной статье мы ограничимся атрибутивными двухсловными словосочетаниями, построенными по модели «прилагательное / причастие + существительное» (например, *заядлый охотник, каверзный вопрос, крепкая дружба* и др.), уделяя внимание их лексической структуре и их представлению в словарях и корпусах текстов.

Информация об ограниченной сочетаемости может быть найдена в толковых словарях, при этом не существует единой концепции описания данных, а также сами словосочетания могут быть рассмотрены с разной степенью подробности (просто перечислены в виде списка или при помощи полноценных словарных статей с соответствующим толкованием). Так, знак ромба указывает на устойчивые словосочетания в словаре и фразеологизмы в словаре МАС, в то время как в новом Большом академическом словаре русского языка (БАС) [33] для первых используется он же, а вторые вводятся при помощи знака тильды. По-разному представлены и сами словарные статьи: устойчивые словосочетания могут быть перечислены в зонах речений и цитат или выделяться иным образом. Существуют также иные словари, в которых представлены словосочетания, требующие отдельного описания. Некоторые из рассмотренных словарей были созданы для студентов-иностранцев и являются специализированными – в них более широко и подробно (чем в толковых словарях) показаны устойчивые словосочетания.

Таким образом, лексикографические источники, в которых может быть описана лексическая сочетаемость, представлены следующими типами: 1) толковые словари; 2) словари сочетаемости; 3) онлайн-словари и электронные базы данных¹. В нашей статье мы рассмотрим

---

¹ В случае русского языка и описания русскоязычного материала редко приходится говорить исключительно об онлайн-словарях (строго говоря, нам известны только словари Lingvo, а также некоторые другие иностранные проекты, ориентированные на языковые пары, включающие русский язык, например Оксфордские словари), так как сложно провести границу между ними и электронными базами данных. Таким образом, речь все же идет о списках словосочетаний, собранных в виде базы данных.

следующие словари, которые были использованы в качестве источников при создании золотого стандарта атрибутивных словосочетаний:

1. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. (БТС) [34].

2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999. (МАС) [28].

3. Борисова Е.Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М. : Филология, 1995 [18].

4. Регина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. Устойчивые словосочетания русского языка : учеб. пос. для студентов-иностранцев / под ред. Л.И. Широковой. М., 1980 [35].

5. Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М. : Рус. яз., 1987 [36].

6. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> [23].

Выше уже было отмечено, что словарные статьи отличаются как по своей структуре, так и по описанию лексической сочетаемости. Далее мы остановимся на принципах представления данных в лексикографических источниках, их особенностях и на их обработке, включающих формальные правила, которые были использованы для извлечения устойчивых выражений.

Анализ словарных данных

В России печатные словари широко распространены и являются, пожалуй, единственным типом словаря, а электронные словари (которые изначально разрабатываются для онлайн-доступа) занимают небольшую нишу¹. Среди рассмотренных нами источников единственным электронным ресурсом является словарь русской идиоматики [23], в то время как остальные доступны только в бумажном виде.

Извлечение данных из печатных словарей основывалось на структурных выделениях, принятых в словарных статьях. Отметим, что, как оказалось, в рассмотренных словарях (толковых и сочетаемости) зачастую содержится больше словосочетаний, чем то количество, ко-

---

¹ Согласно опросу лексикографов Elexis, только около 20% реализуемых ими проектов будут доступны в печатном виде [37].

торое указывается в предисловии. Например, в Словаре усилительных словосочетаний русского и английского языков [36] указано, что он содержит 10 400 единиц, при этом нами было извлечено на начальном этапе 12 894 словосочетания.

Толковые словари

В ходе исследования были рассмотрены два толковых словаря (МАС и БТС).

Малый академический словарь русского языка.

При анализе словарных статей в МАС на начальном этапе мы обратились к их ромбовой части, так как именно в ней представлена информация об ограниченной сочетаемости (о фразеологических оборотах и об устойчивых сочетаниях) и она оформлена как отдельный раздел. На материале МАС было получено 11 210 словосочетаний для 5 955 заголовочных слов (таким образом, при общем словнике словаря около 80 тыс. слов фразеологическую часть содержат только 7% словарных статей). Так, при лексеме «качественный» знаком ромба были отмечены два словосочетания: *качественный анализ* и *качественное прилагательное*. В самой словарной статье также содержатся примеры, иллюстрирующие три значения заголовочного слова: *качественные различия*, *качественный ремонт*, *качественные изменения*. Химический термин «качественный анализ» приводится как пример для второго значения слова «анализ» («определение состава и свойств какого-л. вещества, исследование их») в соответствующей статье, но не выделяется специальным образом. То же самое справедливо для словарной статьи «прилагательный»: *относительные прилагательные* и *качественные прилагательные* приводятся как иллюстрации. Граница между свободными или частотными (воспроизводимыми в речи) словосочетаниями, которые используются как примеры, и устойчивыми сочетаниями или терминами в ромбовой части также не всегда четко проводится авторами словаря. Например, для «абстрактный» в качестве типичного словосочетания указано *абстрактное понятие*, в то время как *абстрактное искусство* приводится за ромбом.

Большой толковый словарь русского языка.

БТС является преемником двух основополагающих проектов в отечественной лексикографии – Большого и Малого академических словарей – и основывается на том же материале. Нами также была

проанализирована заромбовая часть словарных статей, из которой было извлечено 8 205 словосочетаний. Авторы подчеркивают, что в данном разделе представлены фразеологизмы, в то время как «устойчивые словосочетания, сохраняющие ощутимую, ясную связь с каким-либо значением толкуемого слова, помещаются при данном значении в блоке иллюстрации» [34. С. 18]. Результаты показали, что не менее половины примеров совпадают с данными МАС. Например, *абсолютный ноль, бросить свет, придержать язык*. Можно также отметить, что ряд примеров являются устаревшими, книжными или сниженными по стилю. Например, *панургово стадо, воровские грамоты, отставной козы барабанищик*.

Словари сочетаемости

Как уже отмечалось выше, часть словарей, в которых представлена ограниченная сочетаемость, нацелена на иностранцев, изучающих русский язык. Этим объясняется специфика отбора материала и его отражение в источниках.

Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков.

В словаре [36] приводятся русские и английские усилительные словосочетания. Анализ, проведенный автором словаря, показал, что «усилительные словосочетания обладают высокой частотностью в обоих языках в самых разных текстах, особенно общественно-политических, где они встречаются в среднем через 80–100 слов» [36. С. 5]. Объем текстов составил 5 млн словоупотреблений для каждого языка. Словарь содержит прямую и реверсивную части, каждая из которых в свою очередь разделяется на русско- и англоязычную. Заглавным словом в прямом словаре является усиливаемое слово. Например, в словарной статье «экзамен»¹ (см. рис. 1) приводятся следующие коллокации: *важный, ответственный, решающий, серьезный, сложный* и др. Предусмотрены пометы для обозначения бранной, разговорной, устаревшей и другой лексики.

---

¹ Далее нами будут по возможности рассмотрены словарные статьи для одних и тех же лексем из разных словарей, чтобы облегчить их сравнение. На рис. 1–3 сохранено представление словарных статей в печатных словарях, в том числе разбивка по строкам и выделение шрифтом.

ЭКЗАМЕН, -а, м – examination 1 важный, ответственный, решающий, серьёзный, сложный, строгий, суровый, трудный, тяжёлый
 см. тж. экзаменовать, испытать, испытание, проверить, проверка

Рис. 1. Словарная статья для лексемы «экзамен»
 в Словаре усилительных словосочетаний русского и английского языков

В реверсивном словаре в качестве заглавных слов используются слова-усилители. В качестве синтагматических партнеров для прилагательного «твёрдый» перечислены следующие лексемы: *вера, власть, воля, гарантия, дисциплина, знание* и др.

Нами были рассмотрены словосочетания из реверсивной русско-язычной части словаря, так как она является более полной по сравнению с прямой частью. Заглавное слово или словосочетание (т.е. слово-усилитель) указывается при помощи прописных букв и полужирного шрифта, в то время как через запятую списком приводятся слова, для усиления которых может быть использовано данное заглавное слово. Словарные статьи, обозначенные знаком //, были исключены из рассмотрения, так как указывают на синонимы для заголовочных слов (в реверсивной части они даны в обратном порядке), объединяющие в своем значении значение самого слова и слова-усилителя. Например, «//ГУЛЛИВЕР высокий»; «//ОБОЖАТЬ любить»; «//ЭРУДИЦИЯ знания».

После проверки и удаления ошибок распознавания итоговый список составили 12 835 словосочетаний, из них 7 228 относятся к атрибутивным. Всего в атрибутивных словосочетаниях присутствуют 1 558 существительных и 717 прилагательных. Одному существительному соответствует в среднем 4,64 словосочетаний, в то время как на одно прилагательное приходится около 10 коллокаций. К наиболее частотным существительным относятся следующие: *успех* (41)¹, *тоска* (38), *борьба* (38), *сила* (36), *любовь* (34), *интерес* (32), *холод* (30), *мороз* (30), *ненависть* (29), *рост* (27), *радость* (27), *красота* (27), *ум* (24), *восторг* (24), *талант* (23), *победа* (23) и *значение* (23). При 742 существительных (47,63%) указано только одно прилагательное, которое с ними сочетается.

209 прилагательных имеют только один коллокат-существительное (т.е. 29,15% от всех прилагательных, зафиксированных в сло-

¹ Здесь и далее в скобках указывается число коллокаций с данной лексемой.

варных статьях). В качестве наиболее частотных прилагательных можно указать следующие: *большой* (340), *огромный* (251), *страшный* (216), *глубокий* (209), *полный* (166), *ужасный* (154), *сильный* (131), *колоссальный* (100), *поразительный* (86), *громадный* (83), *крупный* (79), *серьёзный* (77) и *широкий* (71).

Словарь коллокаций.

Список, составленный на материале словаря коллокаций [18] содержит 3 290 словосочетаний. Коллокации приводятся в нем при помощи заглавных букв, дополнительно отмечена семантическая информация (см. рис. 2).

ЭКЗАМЕН

1. ПРОВОДИТЬ/провести ЭКЗАМЕН какой/ по чему у кого.

Экзамен проводил молодой преподаватель. ПРИНИМАТЬ/принять ЭКЗАМЕН какой/ по чему у кого ПРОФЕССОР принимал экзамен по философии.

2. СДАВАТЬ/сдать ЭКЗАМЕН какой/ по чему кому Он сдал все экзамены на пять.

ДЕРЖАТЬ нет св пас ЭКЗАМЕН по чему

Завтра он держит самый важный экзамен.

3. ЭКЗАМЕН ИДЕТ нет св по чему/ какой

В институте или выпускные экзамены. ЭКЗАМЕН ПРОХОДИТ/ пройдет

Экзамены прошли незаметно. 8.1. ВЫДЕРЖИВАТЬ/выдержать нет пас

ЭКЗАМЕН какой/по чему Он выдержал экзамен и был принят.

9.1. ПРОВАЛИВАТЬСЯ/провалиться НА ЭКЗАМЕНЕ какой/по чему

Школьник провалился на экзамене по математике.

Рис. 2. Словарная статья для лексемы «экзамен» в Словаре коллокаций

Цифры отражают один из 11 стандартных смыслов, являющихся модификациями лексических функций, а также их сочетания. Например, цифра 1 означает «действие или состояние главного (активного) участника ситуации» [18. С. 5] («проводить экзамен», «провести экзамен», «принимать экзамен», «принять экзамен»), в то время как цифра 2 передает «действие или состояние второстепенных участников ситуации» [18. С. 5] («сдавать экзамен», «сдать экзамен», «держат экзамен»). Для извлечения данных при обработке словаря так же, как и в случае словаря [36], использовались шрифтовые выделения. Итоговый перечень при рассмотрении видовых пар как отдельных записей составил 5 334 единицы. В него вошли как коллокации, которые приведены в словарных статьях заглавными буквами, так и те единицы, которые были выделены нами вручную на основе анализа

иллюстративных примеров (в них коллокации не были отмечены специальным образом). Например, *вероломное нападение, выпускной экзамен, производительность труда, согревающий компресс*. Подобные словосочетания (всего 230 единиц) были дополнительно отмечены знаком * как содержащиеся в словаре, но при этом не указанные авторами как коллокации.

Всего в словаре было найдено 606 атрибутивных словосочетаний, в которых представлено 271 существительное. Таким образом, в среднем на одно существительное приходится 2,24 словосочетаний. К существительным, имеющим от 6 до 10 словосочетаний, относятся следующие: *положение* (10), *память* (9), *мысль* (9), *влияние* (9), *характер* (8), *интерес* (8), *обстановка* (7), *место* (7), *внимание* (7), *взгляд* (7), *отношение* (6), *образование* (6), *время* (6), *впечатление* (6), *вопрос* (6) и *борьба* (6). 307 прилагательных образуют атрибутивные коллокации, при этом они имеют более ограниченную сочетаемость по сравнению с существительными. Одно прилагательное в среднем зафиксировано в двух словосочетаниях. К наиболее частотным из них относятся следующие: *глубокий* (31), *высокий* (27), *острый* (16), *широкий* (15), *большой* (14), *тяжелый* (13), *полный* (12) и *низкий* (12).

Словарь устойчивых словосочетаний русского языка.

Словарь устойчивых словосочетаний русского языка [35] предназначен для иностранных учащихся и содержит около 3 000 устойчивых словосочетаний. При описании данного класса единиц авторы ориентируются на фразеологические сочетания в понимании В.В. Виноградова [38] и фразеологические выражения в трактовке Н.М. Шанского [39]. Выбор тем был обусловлен программой по русскому языку для студентов-иностранцев, материалом послужили учебники и учебные пособия для студентов-иностранцев, а также газеты и научно-популярные журналы. Анализ показал, что примеры содержат большое количество устаревшей лексики (например, *разрядка напряженности, трудящиеся массы*)¹, а также вхождение одних и тех же словосочетаний несколько раз в разных словарных статьях (например, при лексеме «видный» указано только одно словосочетание *видное место*, при этом дается отсылка к статье «место»).

---

¹ Сами авторы указывали на тот факт, что в словаре присутствует большое количество составных наименований, отражающих явления действительности (*общественная собственность, социалистическая собственность, идеологическая борьба* и др.) [35. С. 13].

Устойчивые атрибутивные словосочетания представлены в словаре гнездовым способом при заголовочном слове – прилагательном (в большинстве случаев) или существительном (см. рис. 3).

ЭКЗАМЕН ○ **Держать экзамен.** См. **держать**
Идёт экзамен. См. **идти**
Принимать экзамен. См. **принимать.**
Проводить экзамен. См. **проводить**
Сдавать экзамен. См. **сдавать**

Рис. 3. Словарная статья для лексемы «экзамен»
 в Словаре устойчивых словосочетаний русского языка

Иллюстративные примеры нами не рассматривались, так как синтагматические партнеры лексем достаточно полно представлены в самих словарных статьях. Всего было извлечено 608 атрибутивных словосочетаний, построенных по модели «прилагательное/причастие + существительное»¹. В данном списке было зафиксировано 308 существительных. Одному существительному соответствует около двух словосочетаний. К наиболее частотным существительным относятся: *сила* (19), *связь* (16), *вопрос* (14), *роль* (12), *движение* (12), *интерес* (9), *жизнь* (9), *место* (8), *задача* (8), *проблема* (7), *время* (7) и *борьба* (7). В сводном списке словосочетаний зафиксировано 155 прилагательных, на каждое из которых приходится в среднем около четырех словосочетаний. К наиболее частотным прилагательным относятся следующие: *глубокий* (43), *высокий* (37), *широкий* (33), *большой* (24), *яркий* (15), *серьёзный* (13), *острый* (13), *общественный* (13), *крупный* (13), *экономический* (12), *тяжёлый* (12), *полный* (12), *низкий* (12), *народный* (12), *политический* (11), *горячий* (11) и *общий* (10).

Словарь русской идиоматики.

Словарь русской идиоматики [23] является наиболее современным из всех рассмотренных, при этом он доступен в электронном виде, что существенно облегчило его обработку. Словник основан на данных НКРЯ и бумажных словарей и включает широкий круг словосо-

¹ В словаре также содержатся атрибутивные словосочетания, построенные по моделям: 1) «существительное + существительное в родительном падеже» (*взрыв смеха, круг вопросов, дело мира*); 2) «существительное + предлог + существительное в косвенном падеже» (*право на самоопределение, борьба за мир, воля к борьбе*).

четаний: фразеологические единицы, коллокации, идиоматические выражения и семантически мотивированные свободные словосочетания. В словаре представлены сочетания слов со значением высокой степени и разных синтаксических моделей, например, *крупный авторитет*, *полностью убедить*, *абсолютно верно*, *безумно трудно*, *удивительно смешной* и др. В качестве степенных слов включены наречия и прилагательные. Из словаря было извлечено 10 150 записей, из них 6 935 составляют атрибутивные словосочетания.

Всего в списке представлено 1 888 существительных, на каждое из которых в среднем приходится около четырех коллокаций. Наиболее частотные существительные в основном передают чувства: *сила* (56), *успех* (46), *тоска* (42), *радость* (35), *любовь* (31), *страх* (29), *ненависть* (29), *красота* (27), *усилие* (26), *страсть* (26), *желание* (26), *восторг* (26), *ярость* (25), *холод* (25), *интерес* (25) и *боль* (25). Всего 427 прилагательных, индекс составляет 16,24 словосочетания на одно прилагательное. То есть в данном словаре наиболее полно представлена сочетаемость, на одно прилагательное приходится максимальное число словосочетаний по сравнению с другими рассмотренными словарями. К наиболее частотным прилагательным относятся следующие: *большой* (342), *великий* (235), *огромный* (230), *глубокий* (197), *настоящий* (182), *полный* (165), *сильный* (152), *крупный* (143), *высокий* (131), *значительный* (120), *абсолютный* (113), *страшный* (110), *колоссальный* (99), *необыкновенный* (98), *невероятный* (91), *поразительный* (85), *совершенный* (80), *исключительный* (79), *максимальный* (69) и *крайний* (60).

Объединение словарных данных

Следующий этап работы заключался в том, чтобы объединить коллокации из разных словарей и проанализировать пересекающиеся данные (насколько нам известно, это первая попытка сравнить таким образом словарный материал). На начальной стадии было извлечено более 20 тыс. коллокаций¹. Далее результаты были лемматизированы при помощи морфоанализатора MyStem [40]. Таблица 1 демонстрирует количество атрибутивных коллокаций, найденных в каждом источнике. Больше всего словосочетаний данного синтаксического типа

---

¹ Данные словосочетания мы будем называть *словарными коллокациями*.

было извлечено из словарей усилительных словосочетаний [36] и русской идиоматики [23].

Таблица 1

Количество извлеченных коллокаций по словарям

Борисова, 1995	Кустова, 2008	Убин, 1987	МАС	Регинина, Тюрина, Широкова, 1980	БТС
606	6935	7228	3278	608	1384

После фильтрации данных и удаления одинаковых записей начальный список был сведен к 15 101 единице.

Далее было произведено сравнение словарей между собой (см. табл. 2). Анализ показал, что словари МАС и БТС демонстрируют минимальное пересечение со словарями сочетаемости. Например, объединенный список МАС и словаря [23] содержит более 10 тыс. позиций, и только 55 из них представлены в обоих источниках (менее 1% всего списка). Это можно объяснить тем, что в словаре русской идиоматики описаны коллокации со значением высокой степени, в то время как МАС ориентирован на всестороннее представление лексики в целом и также делает акцент на фразеологических единицах.

Таблица 2

Попарное сравнение словарей

	Борисова, 1995	Кустова, 2008	Убин, 1987	МАС	Регинина, Тюрина, Широкова, 1980	БТС
Борисова, 1995		173	210	30	156	14
Кустова, 2008			3 465	55	154	11
Убин, 1987				45	199	15
МАС					29	745
Регинина, Тюрина, Широкова, 1980						3
БТС						

При попарном сравнении словарей следующие две пары показывают наибольшее совпадение: 1) словари усилительных словосочетаний [36] и русской идиоматики [23]; 2) МАС и БТС. Наибольшее пересечение коллокаций из первой пары словарей может быть объяснено значительным объемом извлеченных примеров по сравнению с другими словарями и, как следствие, наибольшим совпадением. В случае второй пары источников мы видим то, что уже наблюдали при предварительной обработке: согласно введению к БТС он был создан на материале МАС. Учитывая число выделенных коллокаций из БТС, объем пересечения оказывается около 54%.

Нами была введена метрика под названием «словарный индекс» для того, чтобы обозначить количество словарей, в которых представлено то или иное словосочетание. Большие значения данного индекса предполагают, что коллокация воспроизводима в речи довольно часто и, следовательно, должна быть выучена (если мы говорим об изучающих русский язык). Теоретически, максимум равен количеству рассмотренных словарей, т.е. в нашем случае 6, но на практике максимальное число словарей, в которых коллокация была зафиксирована, оказалось равным 4. В табл. 3 дан обзор результатов.

Таблица 3

Словарный индекс

Словарный индекс	Количество коллокаций
4	61
3	243
2	4 203
1	10 594

Тот факт, что ни одно из словосочетаний не представлено одновременно во всех словарях, может свидетельствовать о субъективности отбора примеров для словарей, а также об их недостаточном объеме¹. Максимальное пересечение данных (51 из 61 словосочетания с данным словарным индексом, т.е. 83,61%) наблюдается между словарями коллокаций [18], русской идиоматики [23], усилительных слово-

¹ Словари сочетаемости для других языков охватывают более обширный материал. Например, можно отметить Оксфордский словарь коллокаций для английского языка [41], который насчитывает 250 тыс. единиц, или словарь для немецкого языка [42], в котором приводится 192 тыс. словосочетаний.

сочетаний [36] и устойчивых словосочетаний [35]. К этим коллокациям относятся, например, сочетания с прилагательными *глубокий* (16) (*глубокая благодарность, глубокий интерес, глубокое удовлетворение*), *острый* (7) (*острая борьба, острая дискуссия, острая полемика*) и *широкий* (6) (*широкий выбор, широкая известность, широкое сотрудничество*).

Как и ожидалось, наиболее многочисленной оказалась группа коллокаций со словарным индексом 1. При этом данные словосочетания зафиксированы во всех шести словарях (см. табл. 4).

Таблица 4

Количество уникальных словосочетаний в словарях

Показатель	Борисова, 1995	Кустова, 2008	Убин, 1987	МАС	Регинина, Тюрина, Широкова, 1980	БТС
Количество словосочетаний	277	3316	3626	2445	296	634

Две трети от общего объема уникальных словосочетаний представлено в словаре русской идиоматики [23] и в словаре усилительных словосочетаний [36], что может быть объяснено их большим объемом, при этом МАС содержит наибольшее количество подобных коллокаций от общего объема словаря (74,59%).

Анализ коллокаций

Мы проанализировали ключевые слова и коллокаты (т.е. главные и зависимые единицы), которые присутствуют в объединенном списке.

Ключевые слова.

В целом коллокации содержат 3 606 существительных, из которых 1 550 (около 43%) встречаются только один раз, т.е. формируют только одну коллокацию. Оставшиеся существительные имеют от 2 до 97 коллокаций. Топ-50 включает те, которые отражают чувства и абстрактные понятия, например, *сила* (97), *успех* (59), *борьба* (55), *тоска* (54), *любовь* (49), *интерес* (46), *дело* (43), *болезнь* (42), *радость* (40), *память* (40), *красота* (38), *значение* (37), *чувство* (36), *система* (36), *ненависть* (36), *ум* (35), *страсть* (34), *роль* (34), *холод* (33), *усилие* (32). В словаре КроссЛексика иные существительные имеют

наибольшее количество определений [9]: *человек, лицо, работа, глаза, женщина, взгляд, вид, режим, голос*. Для сравнения отметим, что среди примеров в системе КроссЛексика есть существительные, которые относятся к наиболее частотным по словарю [43]. В этом их отличие от собранных нами данных: последние в основном входят во вторую–четвертую сотню частотного списка.

Коллокации.

Всего в список вошло 2 841 прилагательное, из них 1 551 (т.е. около 55%) является уникальным. Оставшиеся прилагательные принимают участие в разнообразных коллокациях, превышающих несколько сотен. Большая часть прилагательных, которые чаще всего являются определениями, имеют значение большой степени, интенсивности или размера. И тут это можно объяснить тем, что они представляют собой примеры из словаря [23]. Например, *большой* (461), *огромный* (309), *великий* (275), *глубокий* (265), *страшный* (260), *сильный* (217), *полный* (215), *настоящий* (184), *высокий* (183), *ужасный* (173), *крупный* (170), *значительный* (130), *колоссальный* (120), *необыкновенный* (119), *абсолютный* (116), *широкий* (99), *поразительный* (98), *громадный* (94), *невероятный* (91), *тяжелый* (89). Наблюдается совпадение с высокочастотными прилагательными, представленными в системе КроссЛексика и в частотном словаре русского языка [43].

Необходимо отметить, что в отличие от существительных прилагательные показывают большую вариативность при построении коллокаций. В среднем на одно прилагательное приходится 5,3 коллокаций, в то время как на одно существительное – 4,2 коллокаций.

Сравнение с корпусами текстов

Объединение словарных коллокаций из разных источников предполагает не только единый лексикографический формат, но и релевантность данных. При описании материала лексикографу необходимо выбрать те примеры, которые основаны на их репрезентативности в корпусах, покрытии в словарях и также пригодности для пользователей языка и их целей. В ходе исследования мы хотим проверить следующую гипотезу: большие частоты коллокаций в корпусе соответствуют высоким показателям вышеупомянутого словарного индекса. То есть мы ожидаем увидеть прямо пропорциональную зависимость между словарными и корпусными данными и, следовательно, положительную корреляцию между словарями и корпусами.

Для оценки выделенных словосочетаний относительно корпусов текстов были случайно выбраны 20 коллокаций из групп со словарными индексами 2, 3 и 4 (см. табл. 5).

Таблица 5

Примеры коллокаций из групп с разными словарными индексами

№	Словарная коллокация	Борисова, 1995	Кустова, 2008	Убин, 1987	МАС	Регинина, Тюрина, Широкова, 1980	БТС	Словарный индекс
1	адская боль	0 ¹	1	1	0	0	0	2
2	великое переселение	0	1	0	1	0	1	3
3	высокий результат	1	1	1	0	1	0	4
4	высокое мастерство	0	1	1	0	1	0	3
5	глубокая древность	0	1	1	0	1	0	3
6	горячая любовь	1	1	1	0	1	0	4
7	жгучий стыд	1	1	1	0	0	0	3
8	жизненный путь	1	0	0	1	1	0	3
9	звериная скука	0	1	1	0	0	0	2
10	звериная жестокость	0	1	1	0	0	0	2
11	львиная часть	0	0	0	1	0	1	2
12	острая нужда	1	1	1	0	1	0	4
13	острая дискуссия	1	1	1	0	1	0	4
14	путеводная нить	0	0	0	1	0	1	2
15	широкая известность	1	1	1	0	1	0	4

В качестве материала были использованы следующие корпуса: подкорпус со снятой омонимией объемом 6 млн слов и основной корпус объемом 321 млн слов НКРЯ [21], а также интернет-корпус *ruTenTen* объемом 14,5 млрд слов [44]. В таблицах 6–8 представлены относительные частоты отобранных коллокаций.

На основе вышеприведенных данных (см. табл. 6) мы видим, что даже для высокого словарного индекса результаты оказываются неоднородными. В подкорпусе со снятой омонимией не были найдены 4 словосочетания, хотя они присутствуют в нескольких словарях.

¹ При помощи цифр 1 и 0 обозначено наличие или отсутствие словосочетания в словаре.

Таблица 6

Коллокации со словарным индексом 4

№	словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	большая разница	1,33	2,06	1,85
2	большое значение	7,33	9,27	12,65
3	большой успех	5,16	7,61	4,92
4	высокий результат	1,00	0,53	3,83
5	высокий урожай	0,00	0,92	0,75
6	глубокое уважение	0,50	1,88	1,10
7	глубокое удовлетворение	0,83	0,55	0,34
8	глубокий смысл	2,17	1,52	1,23
9	горячая любовь	0,17	1,20	0,24
10	крепкая дружба	0,17	0,22	0,29
11	острая нужда	0,00	0,42	0,16
12	острая дискуссия	0,00	0,28	0,33
13	острая критика	0,33	0,25	0,21
14	полная свобода	2,17	4,76	2,24
15	слабое место	1,50	2,20	3,14
16	широкая известность	1,00	1,00	1,26
17	широкая дискуссия	0,17	0,15	0,15
18	широкая поддержка	0,00	0,25	0,39
19	широкий размах	0,50	0,72	0,31
20	яркий пример	2,50	2,83	4,84

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена варьируется от 0,81 до 0,82, что свидетельствует о сильной положительной связи частот словосочетаний в каждой из трех пар корпусов. Средняя частота для коллокации в подкорпусе НКРЯ составила 1,34, в основном корпусе НКРЯ – 1,93, в корпусе ruTenTen – 2,01, различия между данными не являются статистически значимыми ($p > 0,05$ согласно критерию Фридмана). При этом словосочетания с лексемой «большой» (*большое значение* и *большой успех*) имеют существенно более высокие частоты.

Частоты словосочетаний со словарным индексом 3 (см. табл. 7) также показывают высокую связанность (коэффициент ранговой корреляции Спирмена принимает значения от 0,63 до 0,79), при этом отличия между ними на материале трех корпусов статистически значимы ($p < 0,05$ согласно критерию Фридмана). Согласно *post hoc* критерию Немењи различия наблюдаются между данными основного корпуса НКРЯ и корпуса ruTenTen ($p < 0,05$). Таким образом, в случае словосочетаний с индексом 3 частоты более разнообразны.

Таблица 7

Коллокации со словарным индексом 3

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	большая беда	0,83	1,76	0,60
2	большая польза	0,50	2,42	1,13
3	большая важность	0,33	0,93	0,25
4	большая помощь	0,66	0,98	1,23
5	великое переселение	0,33	0,45	0,34
6	высокое мастерство	0,50	0,38	0,68
7	высокая требовательность	0,17	0,14	0,13
8	гигантский шаг	1,00	0,62	0,14
9	глубокая древность	1,83	1,80	1,62
10	глубокое влияние	0,33	0,19	0,17
11	жгучий стыд	0,50	0,23	0,04
12	жизненный путь	2,83	4,03	3,87
13	коренной интерес	0,50	0,20	0,14
14	лютая ненависть	0,83	0,45	0,21
15	лютый мороз	1,50	0,73	0,42
16	набитый дурак	0,00	0,13	0,01
17	последние известия	2,00	2,23	0,24
18	равные права	1,00	1,45	1,63
19	тесная дружба	0,50	0,81	0,16
20	тяжёлая задача	0,00	0,21	0,13

Для коллокаций, отобранных из двух словарей (табл. 8), мы видим, что 12 словосочетаний из 20 (60 %) не были найдены в шестимиллионном подкорпусе НКРЯ, а 3 из них не зафиксированы также в основном корпусе. Коэффициент корреляции Спирмена уменьшился для двух пар корпусов (0,63 для корпусов НКРЯ и 0,53 для корпуса со снятой неоднозначностью НКРЯ и ruTenTen) и увеличился для основного корпуса НКРЯ и ruTenTen (и стал равен 0,92). Таким образом, мы можем отметить почти идентичное ранжирование в последнем случае. Как и со словарным индексом 4, различия в частотах между корпусами для данных словосочетаний не являются статистически значимыми ($p > 0,05$ согласно критерию Фридмана).

Частоты коллокаций с разными словарными индексами (за исключением словарных индексов 3 и 4) отличаются в одних и тех корпусах (различия статистически значимы, $p < 0,05$ согласно критерию Краскела–Уоллиса). Таким образом, можно отметить, что частота встречаемости словосочетаний в корпусах неуклонно падает с уменьшением количества словарей, в которых эти словосочетания зафиксированы.

Таблица 8

Коллокации со словарным индексом 2

№	словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	адская боль	0,50	0,17	0,15
2	безграничная тоска	0,00	0,01	0,01
3	безмерная глубина	0,17	0,03	0,01
4	жгучая злость	0,00	0,00	0,01
5	жестокое наказание	0,00	0,71	0,21
6	звериная скука	0,00	0,00	0,01
7	звериная жестокость	0,00	0,07	0,04
8	исключительное многообразие	0,00	0,01	0,01
9	львиная часть	0,00	0,12	0,13
10	местный падеж	0,00	0,02	0,01
11	нервная система	9,66	9,46	17,72
12	неукротимая злоба	0,17	0,05	0,01
13	огромный диапазон	0,00	0,07	0,09
14	отчаянная храбрость	0,00	0,23	0,04
15	полный восторг	0,33	0,98	0,88
16	поразительная предосторожность	0,00	0,00	0,01
17	путеводная нить	0,17	0,40	0,17
18	тотальная слежка	0,00	0,04	0,08
19	ужасная гроза	0,17	0,11	0,02
20	цепная реакция	1,50	1,97	1,32

Далее были отобраны случайным образом 20 словосочетаний, которые присутствуют только в одном из словарей (т.е. их словарный индекс был равен 1), и была проверена их частотность по трем корпусам. Таблицы 9–14 демонстрируют полученные результаты.

Несмотря на то что словарь русской идиоматики [23] был составлен на основе НКРЯ, только половина коллокаций была зафиксирована в подкорпусе со снятой морфологической неоднозначностью (табл. 9). Словосочетания, полученные на основе данного словаря, характеризуются крайне низкими частотами в обоих корпусах и показывают минимальные значения по сравнению с другими словарями. В корпусах средние значения частот составляют 0,09, 016 и 0,10 ipm¹ для корпусов НКРЯ и ruTenTen соответственно (различия не являются значимыми, $p > 0,05$ согласно критерию Фридмана), также низкими

¹ ipm – количество употреблений на 1 млн слов корпуса (англ. instances per million words).

оказываются значения стандартного отклонения, т.е. можно предположить некоторую однородность атрибутивных словосочетаний в данном словаре.

Таблица 9

Коллокации из Словаря русской идиоматики

№	словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	всесторонний анализ	0,17	0,21	0,46
2	крайнее беспокойство	0,00	0,09	0,02
3	сказочное богатство	0,17	0,19	0,08
4	огромная величина	0,67	0,47	0,08
5	сплошной восторг	0,00	0,04	0,02
6	значительная высота	0,17	0,63	0,23
7	твердая дисциплина	0,00	0,06	0,02
8	большое изобилие	0,00	0,15	0,06
9	великая красота	0,00	0,12	0,03
10	невероятная ловкость	0,17	0,01	0,02
11	прирожденный педагог	0,00	0,05	0,01
12	истовая преданность	0,00	0,00	0,01
13	грандиозный проект	0,50	0,40	0,50
14	недожинная сила	0,33	0,21	0,13
15	отчаянный смельчак	0,00	0,08	0,04
16	великая страсть	0,17	0,15	0,04
17	крупный торговец	0,17	0,18	0,09
18	необычайный успех	0,17	0,16	0,04
19	поразительная целеустремленность	0,00	0,00	0,01
20	прожженный шалопай	0,00	0,00	0,01

Словосочетания, извлеченные из словаря [36], также характеризуются низкими частотами в корпусах (табл. 10) и отсутствием статистически значимых различий ($p > 0,05$ согласно критерию Фридмана).

Словарь устойчивых словосочетаний [35] показывает наиболее высокие результаты для частот (табл. 11), т.е. можно предположить, что в данном источнике отражены более частотные коллокации по сравнению с другими словарями, например, *высшее образование* и *духовная жизнь*. Различия в частотах между корпусами статистически незначимы ($p > 0,05$ согласно критерию Фридмана).

Анализ данных словаря [18] (табл. 12) позволяет предположить, что извлеченные из него коллокации по своим частотным характеристикам занимают промежуточное положение: 8 словосочетаний не были зафик-

сированы в подкорпусе со снятой омонимией, и 5 коллокаций имеют только одно вхождение. Различия в частотах между корпусами статистически значимы ($p < 0,05$ согласно критерию Фридмана).

Таблица 10

**Коллокации из Словаря усилительных словосочетаний
русского и английского языков**

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	активная кампания	0,00	0,04	0,08
2	близкий приятель	0,00	0,43	0,06
3	глубокая критика	0,33	0,05	0,01
4	доблестный защитник	0,00	0,12	0,05
5	долголетний опыт	0,00	0,12	0,05
6	жестокий обстрел	0,00	0,07	0,01
7	колючий мороз	0,00	0,01	0,01
8	молниеносный удар	0,00	0,12	0,07
9	надёжный помощник	0,50	0,16	0,53
10	огромная очередь	0,83	0,43	0,70
11	основное условие	0,83	0,90	1,87
12	протяжный стон	0,50	0,27	0,05
13	решительный характер	0,17	0,23	0,06
14	стойкое сопротивление	0,00	0,05	0,03
15	существенный признак	0,00	0,57	0,57
16	томительное ожидание	0,50	0,83	0,27
17	утонченный вкус	0,17	0,16	0,21
18	чрезмерная гордость	0,00	0,02	0,02
19	штормовой ветер	0,33	0,18	0,32
20	язвительная насмешка	0,00	0,12	0,03

Таблица 11

Коллокации из Словаря устойчивых словосочетаний русского языка

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	внутренняя проблема	0,33	0,47	0,96
2	военная сила	1,83	2,82	1,51
3	высшее образование	13,33	7,85	19,34
4	генеральный план	1,17	1,00	3,79
5	глубокий лиризм	0,00	0,03	0,02
6	деловой человек	2,67	2,66	2,98
7	дружественное отношение	1,17	0,95	0,63
8	духовная жизнь	4,66	8,03	4,17
9	историческая дата	0,00	0,15	0,22

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
10	крупный капиталист	0,00	0,22	0,06
11	культурный уровень	0,50	1,32	0,91
12	материалистическая философия	0,17	0,20	0,08
13	международная обстановка	0,83	0,91	0,39
14	мирный договор	1,67	2,38	1,79
15	народный поэт	0,00	0,47	0,25
16	теплый прием	0,33	0,25	0,79
17	низкая стоимость	0,33	0,39	3,36
18	ответная речь	0,33	0,36	0,09
19	широкое признание	0,17	0,33	0,50
20	яркая личность	0,67	0,44	0,58

Таблица 12

Коллокации из Словаря коллокаций

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	всестороннее образование	0,00	0,07	0,04
2	въездная виза	0,33	0,21	0,39
3	грустная мысль	0,50	0,83	0,36
4	душевное равновесие	0,83	1,29	1,09
5	жаркий спор	0,17	0,57	0,41
6	заметный успех	0,17	0,19	0,25
7	замечательная возможность	0,00	0,07	0,71
8	клеветническая кампания	0,00	0,07	0,05
9	многолетняя дружба	0,00	0,29	0,12
10	нежная привязанность	0,00	0,19	0,06
11	необъяснимая грусть	0,00	0,02	0,01
12	положительная оценка	0,83	0,47	1,35
13	предупредительный сигнал	0,17	0,11	0,16
14	серьёзная авария	0,00	0,26	0,52
15	сырая погода	0,50	0,50	0,37
16	твёрдая вера	0,50	0,66	0,21
17	удобный случай	4,66	4,92	1,53
18	чрезвычайное положение	0,17	0,87	1,42
19	чудесная идея	0,00	0,02	0,02
20	широкий рынок	0,17	0,04	0,20

Результаты подтверждают уже отмеченную выше схожесть данных в рассмотренных толковых словарях, хотя источники несколько отличаются по тому, как в них представлены уникальные словосочетания. Для коллокаций из БТС (табл. 13) распределение частот в кор-

пусах характеризуется выбросами и большим размахом значений (например, *акционерное общество, органическое вещество, почтовый ящик*).

Различия между корпусами в наблюдаемых частотах для коллокаций из толковых словарей так же, как и в большинстве примеров, не являются статистически значимыми ($p > 0,05$ согласно критерию Фридмана).

Таблица 13

Коллокации из БТС

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	акционерное общество	6,66	5,47	14,37
2	богемское стекло	0,17	0,04	0,06
3	бриллиантовая свадьба	0,17	0,01	0,07
4	волнистый попугай	0,00	0,01	0,24
5	гашёная марка	0,00	0,01	0,01
6	житейское дело	0,67	0,67	0,15
7	золотая молодёжь	0,33	0,67	0,36
8	красная книга	0,50	0,89	2,70
9	нашатырный спирт	1,00	1,12	0,73
10	органическое вещество	3,00	3,33	2,69
11	парниковый эффект	0,17	0,62	0,70
12	подземное царство	0,33	0,54	0,43
13	почётный гражданин	1,00	1,73	2,70
14	почтовый ящик	5,66	3,75	6,25
15	саблезубый тигр	0,17	0,23	0,16
16	сборная таблица	0,00	0,00	0,01
17	согласный звук	0,33	0,19	0,11
18	спускаемый аппарат	0,00	1,06	0,45
19	старая вешалка	0,00	0,01	0,01
20	экстраординарный профессор	0,00	0,29	0,08

Словосочетания из МАС характеризуются меньшими отклонениями от средних значений (табл. 14).

Обсуждение результатов

Словарные коллокации являются в статистическом смысле редкими (и даже уникальными в определенной степени) явлениями. Около 34% рассмотренных примеров отсутствуют в подкорпусе НКРЯ со

снятой омонимией, т.е. можно предположить, что объема в 6 млн словоупотреблений недостаточно для изучения явления ограниченной сочетаемости¹.

Таблица 14

Коллокации из МАС

№	Словарная коллокация	НКРЯ, снят.	НКРЯ, осн.	ruTenTen
1	бутылочный цвет	0,17	0,08	0,01
2	вегетативное размножение	0,00	0,08	0,23
3	военный поселенец	0,00	0,04	0,02
4	вольная земля	0,00	0,24	0,02
5	грибной дождь	0,17	0,09	0,03
6	действующая армия	0,83	3,88	0,96
7	жесткая вода	0,17	0,16	0,45
8	затяжной прыжок	0,00	0,12	0,08
9	зимний сад	0,50	1,20	3,00
10	конституционная монархия	0,33	0,60	0,44
11	кровеное давление	1,67	0,90	2,23
12	местное время	0,67	0,63	2,74
13	мягкий вагон	0,83	0,30	0,03
14	обратный билет	1,17	0,53	0,43
15	плоская стопа	0,17	0,01	0,03
16	поджелудочная железа	0,83	0,93	0,01
17	прогулочный шаг	0,17	0,11	0,13
18	растительный орнамент	0,17	0,17	0,44
19	частотный словарь	0,00	0,13	0,06
20	чистое небо	1,33	1,41	0,68

При этом около 12% проанализированных коллокаций отличаются также очень низкими частотами (менее 0,01 ipm) даже в сверхбольшом интернет-корпусе ruTenTen. Присутствие коллокаций в нескольких словарях указывает на их более высокие частоты и, следовательно, воспроизводимость в речи. Основной корпус НКРЯ содержит большее количество примеров, но они также имеют низкие частоты, а наблюдаемые различия между корпусами статистически незначимы для всех рассмотренных словарей ($p > 0,05$ согласно критерию Уилкоксона). Таким образом

¹ Строго говоря, частота, отличная от 0 и равная, например, 1 ipm (т.е. 6 примерам для подкорпуса со снятой неоднозначностью НКРЯ), является недостаточной, т.к. для описания лексической единицы согласно [45] необходимо в среднем 50 примеров для английского языка.

мы можем заключить, что увеличение объема корпуса важно и необходимо при изучении устойчивых словосочетаний.

Сравнение частотных данных для словосочетаний со словарным индексом 1 (т.е. отмеченных только в одном из словарей) показало, что в целом между ними нет статистически значимых различий. Тем не менее в ряде случаев они присутствуют – с увеличением объема корпуса также увеличивается количество словарей, словосочетания из которых отличаются. Для корпуса со снятой неоднозначностью НКРЯ различия между частотами словосочетаний были обнаружены в словаре русской идиоматики [23] и словаре устойчивых словосочетаний [35] (в этом случае $p < 0,05$ согласно критерию Краскела–Уоллиса и *post hoc* тесту). Основной корпус НКРЯ наряду с предыдущим примером продемонстрировал значимые различия для еще одной пары словарей: устойчивых словосочетаний [35] и усилительных словосочетаний [36]. Для корпуса *ruTenTen* наблюдается больше различий в частотах словосочетаний, представленных в разных словарях: в дополнение к упомянутым двум парам также наблюдаются значимые отличия для словарей русской идиоматики [23] и коллокаций [18].

За исключением нескольких коллокаций (*большое значение, большой успех, высшее образование и нервная система*), примеры оказываются низкочастотными на материале трех корпусов. Подтверждается гипотеза о том, что с уменьшением словарного индекса относительные частоты встречаемости коллокаций в корпусе убывают (исключения составляют уникальные коллокации в словаре устойчивых словосочетаний [35], частоты которых, наоборот, превышают остальные¹). Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что в словарь [35] вошли более частотные словосочетания по сравнению с другими источниками, в то время как словарь русской идиоматики [23] содержит наименее воспроизводимые единицы.

Оба рассмотренных толковых словаря показывают крайне небольшое пересечение с другими лексикографическими источниками. Это можно объяснить тем фактом, что словари направлены на описание разной лексики: например, в словаре русской идиоматики [23] присутствуют только словосочетания с высокой степенью, в то время как МАС и БТС нацелены на более полное представление лексики,

---

¹ Это может быть объяснено разнообразием типов словосочетаний в данных словарях и, следовательно, большим разбросом частот.

при этом в исследованной нами заромбовой части представлены фразеологизмы.

Заключение

Нами были рассмотрены атрибутивные словосочетания, характеризующиеся определенной устойчивостью, и их представление в ряде словарей русского языка. К сожалению, несмотря на обработку нескольких источников, объем выделенных данных пока является недостаточным, поэтому важно анализировать иные словари и лексикографические источники. Пересечение данных, отраженных в разных источниках, является крайне низким (в особенности между толковыми словарями и словарями сочетаемости). Всего было обработано более 15 тыс. примеров, из которых менее 0,5% содержится в четырех из шести рассмотренных словарей. Сочетания, полученные из разных источников, демонстрируют разную природу. Коллокации, которые отмечены в нескольких словарях, оказываются более частотными и, как следствие, могут быть предсказаны автоматическими методами. Однако в целом проанализированные примеры характеризуются низкой встречаемостью в корпусах (подавляющее число словосочетаний, извлеченных из словарей, являются уникальными, т.е. представлены только в одном источнике). Результаты показывают, что весьма важным является объем данных, а само явление устойчивой сочетаемости необходимо исследовать на материале больших корпусов.

Литература

1. Хохлова М.В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // *Slavica Helsingiensia* 34. Инструментарий русистики: Корпусные подходы / под ред. А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 343–357.
2. Язунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 30–40.
3. Pivovarova L., Kormacheva D., Kopotev M. Evaluation of collocation extraction methods for the Russian language // *Quantitative Approaches to the Russian Language* / ed. by M. Kopotev, O. Lyashevskaya, A. Mustajoki. London ; New York : Routledge, 2018. P. 137–157.
4. Khokhlova M. Similarity between the Association Measures: a Case Study of Noun Phrases // *Proceedings of the Twelfth Workshop on Recent Advances in Slavonic*

Natural Languages Processing, RASLAN 2018 / ed. by A. Horák, P. Rychlý, A. Rambousek. Brno : Tribun EU, 2018. P. 21–27.

5. *Enikeeva E., Mitrofanova O.* Russian Collocation Extraction Based on Word Embeddings // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23) : в 2 т. М. : Изд-во РГГУ, 2017. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3908/enikeevaevmitrofanovaaoa.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

6. *Кобрицов Б.П., Ляшевская О.Н., Шеманаева О.Ю.* Снятие лексико-семантической омонимии в новостных и газетно-журнальных текстах: поверхностные фильтры и статистическая оценка // Интернет-математика 2005. Автоматическая обработка веб-данных. М., 2005. С. 38–57.

7. *Василичина А.А., Зарибян М.С., Казакова П.Н., Сударикова Е.А.* Полисемия глаголов перемещения, движения и локализации (по результатам семантической разметки базы данных Активного словаря русского языка). URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3471/vasilisina.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

8. *Азарова И.В., Синопальникова А.А., Яворская М.В.* Принципы построения wordnet-тезауруса RussNet // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2004» (Верхневолжский, 2–7 июня 2004 г.). М., 2004. С. 542–547.

9. *Большаков И.А.* КроссЛексика – большой электронный словарь сочетаний и смысловых связей русских слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 45–50.

10. *Берков В.П.* Двухязычная лексикография. 2-е изд. М. : АСТ, 2004. 236 с.

11. *Atkins B.T.S., Rundell M.* The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford U.P., 2008. 554 p.

12. *Benson M., Benson E., Ison R.* The BBI Combinatory Dictionary of English: A Guide to Word Combinations. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1986. 462 p.

13. *Kjellmer G.* A dictionary of English collocations: based on the Brown corpus: in three volumes. Oxford ; New York : Clarendon Press: Oxford University Press, 1994. 2304 p.

14. *Hanks P.* Mapping meaning onto use: a Pattern Dictionary of English Verbs // Proceedings AACL 2008, Utah. 2008. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/projects/cpa/Pattern%20Dict%20Utah.ppt> (дата обращения: 09.07.2021).

15. *Pezik P.* Graph-Based Analysis of Collocational Profiles // Phraseologie im Wörterbuch und Korpus (Phraseology in Dictionaries and Corpora) / ed. by Vida Jesenšek and Peter Grzybek. ZORA 97. Maribor ; Bielsko-Biała ; Budapest ; Kansas ; Praha : Filozofská fakulteta, 2014. P. 227–43.

16. *Мельчук И.А., Жолковский А.К. и др.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена : Wiener Slavistischer Almanach, 1984. 992 с.

17. *Дерибас В.М.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М. : Русский язык, 1983. 256 с.

18. *Борисова Е.Г.* Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М. : Филология, 1995. 150 с.

19. *Денисов П.Н., Морковкин В.В.* Словарь сочетаемости слов русского языка. 3-е изд., испр. М. : АСТ, 2002. 688 с.

20. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактинова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В.* Проспект активного словаря русского языка. URL: http://san.ruslang.ru/prospect_theory.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

21. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.07.2021).

22. *Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю.* Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка. М., 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php.

23. *Кустова Г.И.* Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 09.07.2021).

24. *Lyashevskaya O.* Bank of Russian Constructions and Valencies // Proceedings of the Seventh conference on International Language Resources and Evaluation (LREC'10). Valletta, 2010. P. 1802–1805.

25. *Kopotev M., Escoter L., Kormacheva D., Pierce M., Pivovarova L., Yangarber R.* CoCoCo: Online Extraction of Russian Multiword Expressions // The 5th Workshop on Balto-Slavic Natural Language Processing (10–11 September 2015, Hissar, Bulgaria). Sofia : INCOMA Ltd, 2015. P. 43–45.

26. *Sharoff S., Nivre J.* The proper place of men and machines in language technology: Processing Russian without any linguistic knowledge // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М. : РГГУ, 2011. С. 657–670.

27. *База данных «Lexicograph».* URL: <http://lexicograph.ruslang.ru> (дата обращения: 09.07.2021).

28. *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.

29. *Calzolari N., Fillmore Ch., Grishman R., Ide N., Lenci A., MacLeod C., Zampolli A.* Towards Best Practice for Multiword Expressions in Computational Lexicons // Proceedings of LREC – 2002. P. 1934–1940.

30. *Лукашевич Н.В., Добров Б.В., Чуйко Д.С.* Отбор словосочетаний для словаря системы автоматической обработки текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог–2008». М., 2008. С. 339–344.

31. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М. : РГГУ, 2001. 798 с.

32. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки славянской культуры, 1996. 289 с.

33. *Большой академический словарь русского языка % в 20 т.* М. : Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Наука, 2004–.

34. *Большой толковый словарь русского языка: А–Я* / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.

35. *Регинина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. Устойчивые словосочетания русского языка : учеб. пособие для студентов-иностранцев / под ред. Л.И. Широковой. М. : Рус. яз., 1980. 296 с.*

36. *Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М. : Рус. яз., 1987. 306 с.*

37. *Kallas J., Koeva S., Langemets M., Tiberius C., Kosem I. Lexicographic Practices in Europe: Results of the ELEXIS Survey on User Needs // Electronic lexicography in the 21st century. Proceedings of the eLex 2019 conference. 1–3 October 2019, Sintra, Portugal. Brno : Lexical Computing CZ, s.r.o., 2019. P. 519–536.*

38. *Виноградов В.В. Русский язык. М. : Высшая школа, 1972. 613 с.*

39. *Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак-тов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.*

40. *MyStem*. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem/> (дата обращения: 09.07.2021).

41. *Oxford Collocations Dictionary for Students of English, 2nd edition / ed. by Colin MacIntosh. Oxford : Oxford University Press, 2009. 992 p.*

42. *Quasthoff U. Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2011. 551 S.*

43. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 09.07.2021).*

44. *Jakubiček M., Kilgarriff A., Kovář V., Rychlý P., Suchomel V. The TenTen Corpus Family // Proceedings of the 7th International Corpus Linguistics Conference CL 2013, the United Kingdom, July 2013. P. 125–127 (2013).*

45. *Sinclair J. Corpus and Text – Basic Principles // Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice. Oxford : Oxbow Books, 2005. P. 1–16. URL: <http://users.ox.ac.uk/~martinw/dlc/chapter1.htm> (дата обращения: 09.07.2021).*

Attributive Collocations in the Gold Standard of Russian Collocability and Their Representation in Dictionaries and Corpora

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 33–68. DOI: 10.17223/22274200/21/2

Maria V. Khokhlova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.khokhlova@spbu.ru

Keywords: collocations, collocability, attributive collocations, Russian language, dictionaries, text corpora, database.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-00091.

The article discusses how collocations are represented in Russian dictionaries and how information about them can be covered in a collocation database that is being developed. Such a resource (gold standard) can be in demand when developing applications for teaching or learning Russian as a foreign language and solving other theoretical and applied issues. The aim of the study was twofold: firstly, to analyze how ex-

planatory and specialized dictionaries of the Russian language represent collocations and hence to what extent their data coincide with each other, and, secondly, to investigate how these dictionary collocations are reflected in text corpora. This allows tracing the relation between manually collected data and modern corpora. For the study, the author used the disambiguated subcorpus and the main corpus of the Russian National Corpus (RNC) with a volume of 6 million and 321 million words, respectively, as well as the large Internet corpus ruTenTen with a volume of more than 14.5 billion words. The author considered attributive phrases built according to the “adjective/participle + noun” model. She analyzed 120 collocations with different dictionary index, i.e. the number of dictionaries in which this phrase is given. The following hypothesis was tested: high collocation frequencies correspond to the fact that the item is recorded in several dictionaries. In the analysis, nonparametric analogues of analysis of variance (Friedman and Kruskal-Wallis tests) were used to assess the statistical significance of differences in quantitative data. The frequencies of collocations in corpora of different volume and in different dictionaries were compared. In total, more than 15 thousand examples were processed, less than 0.5% of them were presented in four of the six reviewed dictionaries (five printed and one electronic). The results show data heterogeneity, items selected for a dictionary do not coincide with their frequency characteristics and thus word combinations turn out to be low-frequency. About 34% of the examples are absent in the RNC corpus with removed ambiguity, and about 12% of analyzed collocations are rare (less than 0.01 ipm) even in the ruTenTen corpus. The presence of collocations in several dictionaries indicates their higher frequencies and hence reproducibility in speech. Explanatory dictionaries and collocation dictionaries show the smallest intersection of data. The results show that the amount of data is a crucial issue, and the very phenomenon of collocability should be studied on large corpora.

References

1. Khokhlova, M.V. (2008) Eksperimental'naya proverka metodov vydeleniya kollokatsiy [Experimental verification of collocation identification methods]. *Slavica Helsingiensia*. 34. pp. 343–357.
2. Yagunova, E.V. & Pivovarova, L.M. (2010) Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The nature of collocations in Russian. Experience of automatic extraction and classification based on news texts]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 6. pp. 30–40.
3. Pivovarova, L., Kormacheva, D. & Kopotev, M. (2018) Evaluation of collocation extraction methods for the Russian language. In: Kopotev, M. et al. (eds) *Quantitative Approaches to the Russian Language*. London; New York: Routledge. pp. 137–157.
4. Khokhlova, M. (2018) Similarity between the Association Measures: a Case Study of Noun Phrases. In: Horák, A., Rychlý, P. & Rambousek, A. (eds) *Proceedings of the Twelfth Workshop on Recent Advances in Slavonic Natural Languages Processing, RASLAN 2018*. Brno: Tribun EU. pp. 21–27.
5. Enikeeva, E. & Mitrofanova, O. (2017) Russian Collocation Extraction Based on Word Embeddings. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po mate-*

rialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Moskva, 31 maya – 3 iyunya 2017 g.) [Computational linguistics and intelligent technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (Moscow, 31 May – 3 June 2017)]. Vol. 16 (23): in 2 vols. Moscow: RSUH. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/3908/enikeevaevmitrofanovaoa.pdf> (Accessed: 09.07.2021).

6. Kobritsov, B.P., Lyashevskaya, O.N. & Shemanaeva, O.Yu. (2005) Snyatie leksi-ko-semanticheskoy omonimii v novostnykh i gazetno-zhurnal'nykh tekstakh: poverkhnostnye fil'try i statisticheskaya otsenka [Removing lexical and semantic homonymy in news and newspaper and magazine texts: Surface filters and statistical evaluation]. In: *Internet-matematika 2005. Avtomaticheskaya obrabotka veb-dannykh* [Internet mathematics 2005. Automatic processing of web data]. Moscow: Yandex. pp. 38–57.

7. Vasilisina, A.A., Zarifyan, M.S., Kazakova, P.N. & Sudarikova, E.A. Polisemiya glagolov premeshcheniya, dvizheniya i lokalizatsii (po rezul'tatam semanticheskoy razmetki bazy dannykh Aktivnogo slovarya russkogo yazyka). [Online] Available from: <http://www.dia-log-21.ru/media/3471/vasilisina.pdf> (Accessed: 09.07.2021).

8. Azarova, I.V., Sinopal'nikova, A.A. & Yavorskaya, M.V. (2004) [Principles of building the RussNet wordnet thesaurus]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Dialog 2004 Conference Proceedings. Verkhnevolzhskiy. 2–7 June 2004. Moscow: RSUH. pp. 542–547. (In Russian).

9. Bol'shakov, I.A. (2009) [KrossLeksika: A large electronic dictionary of combinations and semantic connections of Russian words]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Dialog 2009 Conference Proceedings. Vol. 8 (15). Moscow: RSUH. pp. 45–50. (In Russian).

10. Berkov, V.P. (2004) *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual lexicography]. 2nd ed. Moscow: AST.

11. Atkins, B.T.S. & Rundell, M. (2008) *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford: OUP.

12. Benson, M., Benson, E. & Ilson, R. (1986) *The BBI Combinatory Dictionary of English: A Guide to Word Combinations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

13. Kjellmer, G. (1994) *A dictionary of English collocations: based on the Brown corpus: in three volumes*. Oxford; New York: Clarendon Press: Oxford University Press.

14. Hanks, P. (2008) Mapping meaning onto use: a Pattern Dictionary of English Verbs. *Proceedings ACL 2008*. Utah. [Online] Available from: <https://nlp.fi.muni.cz/projects/cpa/Pattern%20Dict%20Utah.ppt> (Accessed: 09.07.2021).

15. Pezik, P. (2014) Graph-Based Analysis of Collocational Profiles. In: Jesenšek, V. & Grzybek, P. (eds) *Phraseologie im Wörterbuch und Korpus (Phraseology in Dictionaries and Corpora)*. ZORA 97. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha: Filozofská fakulteta. pp. 227–43.

16. Mel'chuk, I.A. et al. (1984) *Tolkovo-kombinatornyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy leksiki* [Explanatory-combinatorial dictionary of the modern Russian language. Experiments in the

semantic and syntactic description of Russian lexis]. Vienna: Wiener Slavistischer Almanach.

17. Deribas, V.M. (1983) *Ustoychivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka* [Russian stable verb-nominal phrases]. Moscow: Russkiy yazyk.

18. Borisova, E.G. (1995) *Slovo v tekste. Slovar' kollokatsiy (ustoychivyykh sochetaniy) russkogo yazyka s anglo-russkim slovarem klyuchevykh slov* [Word in the text. Dictionary of Russian collocations (stable combinations) with the English-Russian dictionary of key words]. Moscow: Filologiya.

19. Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (2002) *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Collocation dictionary of Russian words]. 3rd ed. Moscow: AST.

20. Apresyan, V.Yu. et al. (2010) *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospectus of the active dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: http://san.ruslang.ru/prospect_theory.pdf (Accessed: 09.07.2021).

21. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru> (Accessed: 09.07.2021). (In Russian).

22. Biryuk, O.L., Gusev, V.Yu. & Kalinina, E.Yu. (2008) *Slovar' glagol'noy sochetaemosti nepredmetnykh imen russkogo yazyka* [Dictionary of verb collocations of non-objective Russian nouns]. [Online] Available from: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php.

23. Kustova, G.I. (2008) *Slovar' russkoy idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoy stepeni* [Dictionary of Russian idioms. Collocations of words with the meaning of a high degree]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (Accessed: 09.07.2021).

24. Lyashevskaya, O. (2010) Bank of Russian Constructions and Valencies. *Proceedings of the Seventh conference on International Language Resources and Evaluation (LREC'10)*. Valletta. pp. 1802–1805.

25. Kopotev, M. et al. (2015) oCoCo: Online Extraction of Russian Multiword Expressions. *The 5th Workshop on Balto-Slavic Natural Language Processing* (10–11 September 2015, Hissar, Bulgaria). Sofia: INCOMA Ltd. pp. 43–45.

26. Sharoff, S. & Nivre, J. (2011) *The proper place of men and machines in language technology: Processing Russian without any linguistic knowledge. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 25–29 maya 2011 g.)* [Computational linguistics and intelligent technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (Bekasovo, 25–29 May 2011)]. Vol. 10 (17). Moscow: RSUH. pp. 657–670.

27. Lexicograph Database. [Online] Available from: <http://lexicograph.ruslang.ru> (Accessed: 09.07.2021).

28. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.

29. Calzolari, N. et al. (2002) Towards Best Practice for Multiword Expressions in Computational Lexicons. *Proceedings of LREC*. pp. 1934–1940.

30. Lukashevich, N.V., Dobrov, B.V. & Chuyko, D.S. (2008) [The selection of word combinations for the dictionary of the automatic text processing system]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics

and intellectual technologies]. Dialog–2008 Conference Proceedings. Moscow: RSUH. pp. 339–344. (In Russian).

31. Testeleys, Ya.G. (2001) *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [An introduction to general syntax]. Moscow: RSUH.

32. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic aspects]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

33. Gorbachevich, K.S. et al. (eds) (2004–present) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 20 t.* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: In 20 volumes]. Moscow: Institute for Linguistic Research, RAS; Nauka.

34. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: A–Ya* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Ya]. St. Petersburg: Norint.

35. Reginina, K.V., Tyurina, G.P. & Shirokova, L.I. (1980) *Ustoychivye slovosochetaniya russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya studentov-inostrantsev* [Stable phrases of the Russian language: Textbook for foreign students]. Moscow: Rus. yaz.

36. Ubin, I.I. (1987) *Slovar' usilitel'nykh slovosochetaniy russkogo i angliyskogo yazykov* [Dictionary of amplifying phrases of Russian and English]. Moscow: Rus. yaz.

37. Kallas, J. et al. (2019) Lexicographic Practices in Europe: Results of the ELEX-IS Survey on User Needs. *Electronic lexicography in the 21st century*. Proceedings of the eLex 2019 Conference. Sintra, Portugal. 1–3 October 2019. Brno: Lexical Computing CZ, s.r.o. pp. 519–536.

38. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk* [The Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.

39. Shanskiy, N.M. (1985) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak-tov* [Phraseology of the modern Russian language: Textbook for philology students]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola.

40. *MyStem*. [Online] Available from: <https://yandex.ru/dev/mystem/> (Accessed: 09.07.2021).

41. MacIntosh, C. (ed.) (2009) *Oxford Collocations Dictionary for Students of English*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

42. Quasthoff, U. (2011) *Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

43. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the Russian National Corpus)]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (Accessed: 09.07.2021).

44. Jakubiček, M. et al. (2013) The TenTen Corpus Family. *Proceedings of the 7th International Corpus Linguistics Conference CL 2013*. United Kingdom. pp. 125–127.

45. Sinclair, J. (2005) Corpus and Text – Basic Principles. In: Wynne, M. (ed.) *Developing Linguistic Corpora: A Guide to Good Practice*. Oxford: Oxbow Books. pp. 1–16. [Online] Available from: <http://users.ox.ac.uk/~martinw/dlc/chapter1.htm> (Accessed: 09.07.2021).

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/21/3

М.А. Бобунова

КОНТРАСТИВНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФОРМА

Рассматривается контрастивный авторский словарь, материалом для которого была выбрана поэзия А.А. Фета и Ф.И. Тютчева. Описаны этапы подготовки контрастивного словаря, который имеет оригинальную композицию как на макроструктурном, так и на микроструктурном уровнях. Отмечается экспериментальный характер словаря, и намечаются перспективы подготовки других жанров контрастивных словарей, отражающих тенденции современной авторской лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, авторский словарь, контрастивный словарь, экспериментальный словарь, поэтический текст

Исследователи неоднократно писали о «лексикографическом буме», который произошел на рубеже XX–XXI вв., что подтверждается появлением в это время большого количества разнообразных словарей. Именно в этот период стала оформляться контрастивная лексикография как особое направление в лексикографической практике.

Контрастивные словари оказались востребованы, прежде всего, как необходимое справочное средство в процессе изучения и преподавания иностранных языков, а также в переводческой деятельности [1–3]. Так, И.А. Стернин в статье «Контрастивный анализ и лексикография» говорит о трех вариантах контрастивных словарей: 1) семный контрастивный словарь; 2) контрастивный толково-переводный двуязычный словарь; 3) контрастивный дифференциальный двуязычный словарь [4. С. 15–17]. Каждый из указанных вариантов имеет свои особенности на макро- и микроструктурном уровнях. В частности, первый представляет «посемное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами, а также лакунами» [4. С. 15]. В случае безэквивалентности сем используется знак

«0»), а несовпадающие семы выделяются жирным шрифтом для наглядности.

Свое видение контрастивного словаря представили авторы Русско-немецкого словаря лексических параллелей [5], в котором описываются внешне сходные в разных языках слова с полным или частичным совпадением/несовпадением значений. Такие языковые единицы В.В. Дубичинский и Т. Ройтер называют лексическими параллелями (ЛП). Выделяя полные, неполные и ложные ЛП, авторы словаря используют специальные графические обозначения. Интерлексмы (лексические единицы с совпадающими значениями) обозначены знаком равенства, идиолексмы (единицы, отражающие национально-культурное своеобразие лексики) – знаком «звездочка», ложные ЛП – знаком $\triangle$. Для обозначения смысловых различий, связанных с расширением или сужением значения, используются знаки «больше» и «меньше».

Как видим, общим для контрастивных словарей в переводной лексикографии является параметрическая структура двухчастной словарной статьи и использование разных графических средств для наглядного представления той или иной информации.

Контрастивные словари стали появляться и в фольклорной лексикографии. Идея создания таких словарей на материале фольклорных текстов родилась в начале XXI в. Работая над созданием словаря языка фольклора, курские лингвофольклористы были уверены в том, что в одном словаре невозможно полно и адекватно описать словарный состав народно-поэтического языка, поэтому развивали мысль о возможности подготовки системы и серии словарей [6]. Это было обусловлено жанровым многообразием русского фольклора, который записывался в разное время, на разных территориях, от разных исполнителей. В ряду разрабатываемых словарных проектов [7] значилась и контрастивный словарь.

Мы считали, что контрастивная фольклорная лексикография имеет два основных направления: (1) в рамках одной устно-поэтической традиции для внутреннего сопоставления и (2) в рамках устно-поэтических традиций разных этносов для внешнего сопоставления. Кроме того, каждое из направлений предполагает создание контрастивных словарей на разных основаниях. Так, первая группа может быть представлена контрастивными жанровыми словарями, контрастивными территориально дифференцированными словарями, контрастивными идиолектными словарями и др.

Основной единицей контрастивных словарей языка фольклора является двухместная, трехместная и «более-местная» лексикографическая ячейка, содержащая соотносительные по концепту словарные статьи, имеющие вид концептограммы – графоподобной модели, отражающей существенные связи анализируемых слов в конкретном тексте, а материалом описания становятся отдельные группы слов.

Наибольшего успеха курские исследователи добились в реализации второго направления. Были сформулированы базовые понятия кросскультурной лингвофольклористики, выявлены инструменты кросскультурного анализа фольклорного текста и разработана технология создания контрастивного словаря [8], а в приложении к диссертации М.А. Бобунова представлен фрагмент такого справочника на материале русского и английского песенного фольклора [9].

По мнению лингвофольклористов, такая форма подачи материала и параметрическая структура словарной статьи дают наглядное представление об общем и специфическом для каждой фольклорной традиции. Контрастивный словарь позволяет выявлять концептуальные и лексические лакуны, а также говорить о разных видах асимметрии (количественной, лексической, морфологической, словообразовательной, синтагматической, функциональной и культурной).

Апробированную на фольклорном материале методику контрастивного описания мы решили применить к художественному тексту. Так возникла идея контрастивного авторского словаря.

Известно, что жанр словаря определяется поставленными задачами. Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург разграничивают синхронические задачи изучения особенностей языка писателя на фоне литературного языка эпохи; диахронические задачи, ставящие целью проследить за эволюционными преобразованиями в жизни национального языка на материале произведений авторов, принадлежащих разным историческим периодам; задачи, выходящие за рамки собственно лингвистических интересов и касающиеся проблем мировоззренческого плана. Также выделяются задачи сопоставительного анализа двух и более идиолектов авторов-современников [10. С. 4]. Именно такую задачу должен был решать контрастивный словарь, первый опыт которого был опубликован в 2005 г. [11]. Поскольку наш словарь вышел малым тиражом и не был доступен всем заинтересованным пользователям, главная задача данной статьи заключается в знакомстве широкого круга читателей журнала с возможным контрастивным лексикогра-

фическим описанием поэтического языка. В статье формулируются значимые положения о макро- и микроструктуре нашего словаря и намечаются возможные перспективы.

В качестве материала для пробного выпуска словаря была выбрана оригинальная поэзия А.А. Фета и Ф.И. Тютчева. Данный выбор не случаен. Фет и Тютчев являются примером «извечной русской парности», которая служит концептуальной идеей и главным композиционным принципом эссе А. Битова «Вольная птица»: <> Юг – Север; Восток – Запад; суша – море; Москва – Петербург; Маркс – Энгельс; Лермонтов – Пушкин; Толстой – Достоевский; Фет – Тютчев [12. С. 474–475]. Имена указанных поэтов в учебниках и антологиях обычно ставятся рядом, а филологи неоднократно обращают внимание на близость поэтической манеры Фета и Тютчева. В частности, И.И. Ковтунова пишет, что «в стихах Фета можно встретить тематические, образные и ритмико-синтаксические параллели с поэзией Тютчева» [13. С. 85]. Правда, известно и другое мнение о том, что «весомых оснований считать похожими их поэтические системы (за исключением разве что расхожего стереотипа, сложившегося еще среди современников поэтов) нет» [14. С. 118]. Учитывая разные взгляды, мы полагали, что контрастивный словарь как раз и поможет подтвердить или опровергнуть существующий стереотип.

Следующим этапом подготовки контрастивного словаря (после выбора авторов) является формирование базы фактического материала. В 2004 г., когда задумывался наш словарь, мы остановились на сборниках: Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах [15] и Фет А.А. Сочинения в двух томах [16]. Позже наш выбор (в качестве источника текстов Тютчева как не самого полного и авторитетного собрания) был подвергнут критике [14. С. 120], однако следует сказать, что мы выбирали соотносимые по объему издания, а на тот момент не было полного собрания сочинений Фета, которое стало издаваться с 2002 г. (заметим, что на сегодня опубликовано пять томов из планируемых двадцати).

На материале выбранных сборников с помощью специальной компьютерной программы NewSlov были составлены алфавитно-частотные словники. Словник стихотворений А. Фета включает 5 218 лексем (34 794 словоупотребления), а словник поэзии Ф. Тютчева – 4 211 лексем (21 563 словоупотребления).

Далее нам предстояло определиться с отбором лексики для словаря и со структурой словарной статьи. Разрабатываемый нами кон-

трастивный авторский словарь имеет оригинальную композицию как на макроструктурном, так и на микроструктурном уровнях.

Важным вопросом макроструктуры словаря является отбор лексики и порядок расположения словарных статей. Преследуя цель создать надежную базу для сопоставительного изучения лексиконов разных поэтов, мы полагали, что для контрастивного словаря наиболее перспективным будет тематический способ группировки лексем. Известно, что тематическая структура словаря (в большей степени, чем алфавитная) позволяет выявить системность и внутреннюю иерархичность отдельных фрагментов поэтической картины мира и дает возможность увидеть их место в идиолекте поэтов.

Как и в контрастивном словаре языка фольклора, мы использовали кластерный подход к группировке лексем в словаре. Новое в начале XXI в. существительное *кластер* (англ. *cluster* – ‘кисть, пучок, гроздь; группа; рой; скопление, концентрация’) нам показалось вполне подходящим для терминологического обозначения группы слов различной частеречной принадлежности, семантически, словообразовательно и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента языковой картины мира (подробнее см.: [17. С. 115–121]).

Поскольку контрастивный словарь был первым опытом (что нашло отражение в его заглавии), мы ограничились описанием восьми кластеров, представляющих три больших фрагмента: Мир природы, Мир человека и Характеристики мира. Первый фрагмент включает пять кластеров («Небесная сфера», «Атмосферные явления», «Вода и водные пространства», «Растительный мир», «Животный мир»), второй – один («Человек телесный»), третий – два («Время» и «Цвет»).

Кластеры могут различаться по объему. Большие кластеры мы членили на субкластеры, которые могут объединять слова по разным признакам. Например, в кластере «Мир живой природы» мы выделили следующие субкластеры: «Птицы», «Животные», «Насекомые», «Рыбы», «Пресмыкающиеся». Так, субкластер «Животные» представлен общими и конкретными названиями млекопитающих (*зверь; белка, заяц, кот, тигр*), словами, называющими части тела животного, его конечности, роговые образования и другие (*грива, копыто*), существительными, обозначающими совокупность живых существ (*стадо, табун*), глаголами, называющими характерные для животных действия (*лаять*), прилагательными, образованными от названий живот-

ных (*львиный, слоновый*), и словами, характеризующими животный мир (*лай, ржание, рысь, четвероногий*).

При распределении слов по кластерам учитывалась семантика лексем. Например, существительное *игла* оказалось в субкластере «Животный мир», поскольку в сочетании *иглы ежа* реализует значение ‘колючие образования на теле у некоторых животных’. Заметим, что некоторые многозначные слова могут относиться к разным кластерам, например прилагательное *розовый* («Растительный мир» и «Цвет»). Безусловно, при формировании кластеров (субкластеров) возникало немало проблем, особенно при характеристике сложных слов (*голубоглазый, чернобровый, золотолиственный*), что требовало от авторов словаря определенного решения, которое часто давалось нелегко. Однако, несмотря на возникающие сложности, кластерный подход нам представлялся оптимальным для описания авторских идиологмов.

Всего в нашем словаре более 700 заголовочных единиц, которые можно легко отыскать с помощью алфавитного указателя, сопровождающего словарь.

Словарные статьи в авторском словаре представляют собой двухместную лексикографическую ячейку и имеют параметрический характер. Если соотносительной статьи нет, ячейка приобретает левоили правосторонний «лакунарный» вид. Приведем примеры.

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Ворон (2) Вот с поляны <i>ворон</i> черный Прилетел и сел на ней, Сел и каркнул и крылами Замахал он веселей («Вот от моря и до моря...») А: чёрный 1 Vs: кричать ликовать кружиться 1, прилететь сесть каркнуть замахать крылами чутя 1	Ворон (3) А над колодезем, на вздернутом шесте, Где старая бадья болталась, как подвеска, Закаркал <i>ворон</i> вдруг, чернея в высоте, – Закаркал как-то зло, отрывисто и резко («Не спрашивай, над чем задумываюсь я...») А: зловещий 1, один лишь 1 Vs: закаркать 1, крикнуть 1, махать крылами 1
Гусь (2) Ручных <i>гусей</i> и уток стая Вдруг одичала и летит (В деревне) А: ручной 1 S: стая гусей и уток 1 V _o : окрылить гусей и уток 1	
	Дятел (1) В глухой дали стучит топор, Вблизи стучит вертлявый <i>дятел</i> (Лес)

Мы считали, что такая лексикографическая форма позволит наглядно увидеть лакуны – не зафиксированные в поэтических сборниках того или иного автора лексемы. Правда, в рецензии на словарь

Б.В. Орехов упрекнул в этом составителей, полагая, что «наибольшей эффективности достигал бы такой составленный по предложенной методике контрастивный словарь, в котором большинство образующих статьи слов у двух сравниваемых авторов совпадало» [14. С. 119]. С этим замечанием трудно согласиться, поскольку, на наш взгляд, важно не только проследить за сходством / отличием сочетаемости одних и тех же лексем, но и представить общую картину использования слов той или иной тематической группы конкретной языковой личностью.

Кроме того, предлагаемый нами подход позволяет увидеть морфологическую и словообразовательную асимметрию. Так, в отличие от Фета, который употребляет эпитет *алый*, Тютчев для обозначения данного оттенка красного цвета прибегает к глаголам *алеть* и *заалеть*. Ср.:

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Алеть (2) Алели щеки, как заря («Сей день, я помню...») S _з : восток 1, щеки 1 F: алеть, как заря	
	Алый (4) Заря сквозит оттенком алым, Подернут блеском небывалым Покрытый снегом косягор («Опять незримые усилья...») S: блеск 2, оттенок 1, уста 1
Заалеть (2) Кричит он [петух] живо, бодро, смело: Уж месяц на небе потух, Струя в Босфоре заалела (Рассвет) S _з : Восток 1, струя 1	

И Тютчев, и Фет используют колоратив *зеленый*, а также однокоренные слова *зелень*, *зеленеть*, но только в поэзии Фета встречаются прилагательные *зеленоватый*, *позеленелый*, *зелено-медный*, *зелено-серый*, а в стихотворениях Тютчева – глагол *зазеленеть*.

Конечно, предлагаемый нами подход заметно увеличивает объем словаря, но в то же время позволяет решать разные исследовательские задачи.

При описании поэтической речи нами была использована зонная структура словарной статьи, разработанная для словаря ЯФ [17. С. 139–155]. Обязательными компонентами словарной статьи являются идентифицирующая и синтагматическая части. Идентифицирующая часть включает заглавную языковую единицу, количество словоупо-

треблений и иллюстрацию – минимальный контекст с указанием названия стихотворения. Дефиниция (с опорой на авторитетные толковые словари) дается лишь в тех случаях, когда лексема оказывается устаревшей, областной или традиционно-поэтической, значение которой может быть непонятно рядовому читателю. Например: *денница* ‘Трад.-поэт. Утренняя заря’ [18. С. 387]; *зефир* ‘Трад.-поэт. Лёгкий ветерок’ [18. С. 610].

Главная часть словарной статьи – синтагматическая, отражающая все текстовые связи слова в пределах стихотворной строки или смежных строк. Это зона словарной статьи различна для слов разной частеречной принадлежности. Например, для прилагательных значимым является указание определяемых существительных (S:), а также связь с другими прилагательными (A:). Например:

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Сизый (4) S: дым 1, ночь 1, тень 1, чешуя 1 A: лунный [ночь] 1, холодный [чешуя] 1	Сизый (5) S: дымка 1, клуб дыма 1, перья 1, румянец 1, тучи 1
Снежный (3) S: Альпы 1, бахрома 1, сугроб 1	Снежный (5) S: даль 1, ковёр 1, пелена 2, равнина 1
Южный (4) S: взгляд 1, демон 1, зима 1, небо 1 A: могучий южный [демон] 1, тёплая южная [зима] 1	Южный (4) S: море 1, ночь 1, роза 1, создание 1

Для существительных важны атрибутивные (A:), субстантивные (S:) и глагольные связи, которые в словаре дифференцировались: а) анализируемое существительное – субъект предложения, глагол – предикат [V_s] и б) глагол управляет существительным [V_o]. Приведем примеры соответствующих зон словарных статей.

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Солнце (31) A: зимнее 1, золотое 1, палящее 1, пламенно-живое 1	Солнце (39) A: вешнее 2, красное 1, палящее 1, радостное 1, тёплое 2, холодное 1, яркое 1
Сумрак (12) A: глубокий 1, зыбкий 1, лазурный 1, немой 1, роковой 1, сладкий 1, сонный 1, тихий 2	Сумрак (16) A: непроглядный 1

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Луч (45) S: благовест лучей 1, зарево лучей 1, луч денницы 1, луч месяца 1, луч огневицы 1, луч солнца 1, слава лучей 1	Луч (50) S: блеск лучей 2, луч лета 1, луч солнца 3, луч утра 1, мириады лучей 1, чистота лучей 1, язык лучей 1
Туман (13) S: мгла тумана 1, туман болезни 1	Туман (16) S: волны тумана 1, туман Апеннин 1
Озеро (8) V _з : дышать 1 V _о : глядеться в озеро 2, струиться в озере 1	Озеро (3) V _з : уснуть 1 V _о : бежать [река] вдоль озера 1, протянуть в тростник [лебедь] над озером 1
Прохлада (4) V _з : литься 1 V _о : дышать прохладой 2, смотреть на прохладу 1	Прохлада (8) V _з : дышать и не дышать 1, плыть 1 V _о : дохнуть прохладой 1, задышать под прохладой 1, искать прохлады 1, дуть прохладой 1

Если лексема представлена одним словоупотреблением (или несколькими в случае контактного повтора), мы ограничивались иллюстрацией и синтагматические связи не описывали, поскольку они очевидны.

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Лебединый (1) Дремлет сладко-беззаботно, Не смущая дивных снов И тревогой мимолетной <i>Лебединых</i> голосов («Тихо в озере струится...»)	Лебединый (1) Хоть восторг не дает нам молчать, Но восторженных скоро забудут, А певца по поднебесью мчат <i>Лебединые</i> крылья всё будут! (На юбилей А.Н. Майкова)

Факультативными компонентами словарной статьи являются: а) парадигматическая часть (=), включающая варианты слова (вариантность мы понимали широко и помещали в эту зону акцентологические варианты, морфологические варианты и диминутивы); б) словообразовательная часть (при описании слов, требующих словообразовательной справки); в) функциональная часть (участие слова в устойчивых поэтических приемах, например в составе сравнительной конструкции – **Сomp**); г) дополнительно-информационная часть (+), содержащая информацию о связях, лежащих за пределами системы внутритекстовых отношений. Приведем примеры.

Таким образом, разработанный нами контрастивный авторский словарь – это строго лингвистический словарь со всеми достоинства-

ми и ограничениями словарей такого типа. Полагаем, что параметрическая структура словарной статьи дает исследователю возможность эффективного сопоставления одних и тех же лексем в различных художественных дискурсах, а отсутствие в словаре субъективных трактовок семантической структуры слова открывает простор для творческой интерпретации фактического материала любым пользователем.

ТЮТЧЕВ	ФЕТ
Ветер (10) =: ветерок 5	Ветер (36) =: ветерок 5
Солнце (31) =: солныц 1	Солнце (39) =: солнышко 5
Океан (3) Сопр: Как <i>океан</i> объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами (Сны); И страх кончины неизбежной Не свет с древа ни листа: Их жизнь, как <i>океан</i> безбрежный, Вся в настоящем разлита (Весна)	Океан (4) Сопр: Как <i>океан</i> , разверзлись небеса («Как нежишь ты, серебряная ночь...»)
Волна (42) +: цитата из Пушкина: И вот: свободная стихия, – Сказал бы наш поэт родной, – Шумишь ты, как во дни былые, И катишь волны голубые, И блещешь гордою красой! (Чёрное море)	Волна (39) Сопр: И по небу веки проходят, Как <i>волны</i> безбрежного моря (Соловей и роза); Хочу нестись к тебе, лететь, Как <i>волны</i> по равнине водной («Не избегай; я не моллю...»); Как <i>волна</i> обнажает утес («Полночные образы реют...»)

Печатный вариант словаря сопровождается электронными материалами, включающими мегатексты Тютчева и Фета (представленные в текстовом формате корпусы текстов с определенной системой паспортизации), алфавитно-частотные словники, частотные словари и специальную компьютерную программу, позволяющую быстро отыскать нужное слово и составить конкорданс любой группы лексем. Данные материалы хранятся в архиве научно-исследовательской лаборатории фольклорной лексикографии Курского государственного университета.

После выхода словаря в разных публикациях курских исследователей было показано, что контрастивный словарь оказывается надежной базой сопоставительных исследований с применением разных методик, например: «аппликации» словников для выявления общих и индивидуальных наименований, «аппликации» частотных словарей

для установления приоритетных тем и мотивов, «аппликации» словарных статей для отражения специфики лексической семантики (см., например: [19]).

Так, можно ограничиться сравнением конкретной группы слов. Покажем это на примере кластера «Растительный мир», который представлен в словаре 130 ячейками: 120 лексем – Фет, 55 – Тютчев; совпадающих лексем – 45.

Словарь наглядно демонстрирует богатство данного фрагмента поэтического лексикона в поэзии А. Фета. Нами зафиксировано около 30 наименований пород деревьев (*береза, верба, дуб, ель, каштан, кедр, кипарис, клен, липа, пихта, слива, сосна, тополь, яблоня, ясень*), названия разных видов цветов (*георгин, гиацинт, ландыш, мак, незабудка, роза, фиалка*), травянистых растений (*камыш, крапива, тмин, резеда*) и злаков (*овес, рожь*). Фет создает запоминающиеся образы пушистой вербы, печальной березы, густой липы, изумрудного ясеня, стройного тополя, широколиственного дуба, однако самым частотным конкретным наименованием оказалось существительное *ива* (19 словоупотреблений). Это дерево у Фета не просто элемент пейзажа, а символ вселенской скорби: *Но ива, длинными листьями Унав на лоно ясных вод, Дружней с мучительными снами И дольше в памяти живет <...> Всю землю, грустно-сиротлива, Считая родиной скорбей, Плакучая склоняет ива Везде концы своих ветвей* (Ивы и березы). Ср.: у Тютчева ива упоминается один раз.

В отличие от Фета, Тютчев чаще обращается к существительным, обозначающим общие понятия и части растений: *Сияет солнце, воды блещут, На всем улыбка, жизнь во всем, Деревья радостно трепещут, Купаясь в небе голубом* («Сияет солнце, воды блещут...»); *Древа кругом покрылись новым цветом* (Могила Наполеона); *Он быстро, быстро вянет – так, Но с новым летом – новый злак И лист иной* («Сижу задумчив и один...»).

Из наименований цветов и Тютчев и Фет отдают предпочтение розе (Тютчев – 13 словоупотреблений, Фет – 52), однако, несмотря на общие мотивы, о чем свидетельствуют синтагматические связи слов, можно говорить о разных «портретах» этого цветка. Тютчев концентрирует внимание на запахе и благоуханье роз, а у Фета роза становится символом красоты и любви: *Но в дуновении мороза Между погибшими одна, Лишь ты одна, царица роза, Благоуханна и пышна* (Осенняя роза). Молодая владычица сада *блистает слезами, вздыха-*

ет, гордится красотой, раскрывает уста и улыбается. Материалы словаря подтверждают, что «в лирике Фета представлена своеобразная энциклопедия розы, где этот самый популярный литературный цветок представлен чуть ли не во всем многообразии фонов и интерпретаций» [20. С. 40].

Главной особенностью фетовской природы (в большей степени, чем тютчевской) является ее одушевленность, что подтверждают атрибутивные, субстантивные и глагольные связи, широко представленные в контрастивном словаре: *сонные былинки, умирающий дуб, дремлющий клен, спящий лес, юный лист, надменная сосна, румяная роза; хоровод деревьев, дыхание цветов.* Деревья *поют*, кусты *спят*, лес *проснулся* и *грустит*, лист *шепчет*, цветы *дышат* и *роняют слезы*, сад *обнажает чело*, ель *завесила рукавом* тропинку, незабудки *глядят* в даль степей, сирень *дрожит в слезах*.

Как видим, материалы словаря позволяют «осознать удивительный факт, что между двумя русскими лириками, которых считали чуть ли не “поэтическими близнецами”, гораздо больше отличий, чем сходства» [19. С. 49]. Различия наблюдаются и в составе слов, представляющих тот или иной кластер, и в дистрибутивных возможностях совпадающих лексем, и в их употребительности в поэтическом тексте.

Таким образом, контрастивный словарь позволяет решить целый ряд задач: от сопоставительного анализа отдельных лексем и групп слов до описания идиолекта и идиостиля каждого автора.

Предлагаемый нами контрастивный авторский словарь можно отнести к разряду экспериментальных справочников. В свое время С.Е. Никитина и Н.В. Васильева, работая над словарем стилистических терминов, так охарактеризовали понятие «экспериментальный»: «“Экспериментальный” применительно к нашему словарю значит новый, опробованный на ограниченном материале, ориентированный на продолжение, проверку, на постановку аналогичных экспериментов на других терминологических массивах. Экспериментальный словарь – это исследование терминологии, осуществляемое в словарной форме особого типа» [21. С. 3]. То же можно сказать и о нашем словаре, идея которого, к сожалению, на данный момент не получила дальнейшего развития, хотя и отражает тенденции современной авторской лексикографии [22, 23], что и побудило нас к написанию данной статьи.

Думается, что форма сопоставительного лексикографического описания идиолектов может быть проверена на творчестве других

писателей. В свое время А. Белый, анализируя поэзию Пушкина, Тютчева и Баратынского, задавался вопросами: «Каково отношение Пушкина – к воде, воздуху, солнцу, небу и прочим стихиям природы? <...> Каково отличие солнца Пушкина от солнца Тютчева?» [24. С. 482]. Ответить на эти и подобные вопросы как раз может помочь контрастивный авторский словарь.

Идея сопоставительного описания кажется перспективной и для подготовки других жанров контрастивного словаря, например, контрастивного словаря эпитетов, контрастивного словаря ономастической лексики, контрастивного словаря цвета и др. Это новое направление работы курских исследователей, материалом анализа которых станет творчество писателей-земляков (К.Д. Воробьева, Е.И. Носова и др.). Хотя контрастивный словарь относится к разряду сводных словарей, созданных на материале творчества разных авторов, в виде контрастивного словаря может быть представлен, например, и словарь вариантов поэтических текстов одного писателя. Так, в издающемся двадцатитомном собрании сочинений А. Фета представлены разные редакции его стихотворений. Эти варианты отличаются и лексическим составом, и объемом, и стилистическими особенностями, что позволяет использовать контрастивную лексикографическую форму для сопоставления оригинального текста и редакторской правки. Данный аспект работы тоже представляется интересным.

Предлагая свое видение структуры словаря, мы полагаем, что возможны другие формы контрастивного лексикографического описания, которые зависят и от материала исследования, и от поставленных задач, и от креативности составителей, ведь, по мнению В.В. Морковкина, процветание лексикографии «определяется не только мастерством, с которым воплощаются идеи, уже имеющиеся в международном научном фонде, но и степенью участия в обогащении этого фонда» [25. С. 131].

Обратим внимание на то, что идеи курских лингвофольклористов уже вдохновили других ученых на поиски новых подходов к контрастивному лексикографическому описанию фольклорного материала. В 2020 г. в г. Славянске-на-Кубани вышел в свет «Контрастивный словарь народных песен казаков Кубани (в контексте русских и украинских народных традиций): Мир человека», информация о котором представлена в журнале «Вопросы лексикографии» [26]. Полагаем, что и авторская лексикография тоже может пополниться проектами принципиально новых видов контрастивного словаря.

А. Белый справедливо заметил, что «в руках чуткого критика словаря – ключи к тайнам духа поэтов» [24. С. 480]. Это действительно так, поскольку только словарь может дать полное представление о богатстве языковых ресурсов того или иного мастера слова и стать эффективным инструментом анализа художественной речи. Это подтверждают многочисленные писательские словари, появившиеся в последнее время. Свое место в их ряду может занять и контрастивный словарь, который открывает широкие возможности как для описания конкретного авторского идиолекта, так и для выявления своеобразия языка сравниваемых писателей и на этой основе – специфики их мировосприятия.

Литература

1. *Ленец К.В., Ставицкая Л.О.* Краткий русско-украинский словарь контрастивной лексики. Киев : Довира, 2002. 289 с.
2. *Ловцевич Г.Н.* Кросскультурный терминологический словарь как средство репрезентации терминологии гуманитарных наук. Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2009. 264 с.
3. *Чубур Т.А.* Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации: На материале языковых наименований «незанятости трудовой деятельностью» в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 241 с.
4. *Стернин И.А.* Контрастивный анализ и лексикография // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 12. Харьков : Підручник НТУ «ХПИ», 2011. С. 14–18.
5. *Дубичинский В., Ройтер Т.* Русско-немецкий словарь лексических параллелей: Более 700 заголовочных пар. Харьков ; Клагенфурт, 2008. 168 с.
6. *Бобунова М.А.* О системе и серии словарей языка фольклора // Традиционная культура. 2010. № 2. С. 39–45.
7. *Бобунова М.А.* Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте русских лингвофольклористов) // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 141–153.
8. *Хроленко А. Т., Бобунова М. А., Бобунов А. М.* Кросскультурная лингвофольклористика: становление, методология. Курск : Изд-во КГУ, 2008. 108 с.
9. *Бобунов А.М.* Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 262 с.
10. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. М. : Азбуковник, 2003. С. 4–16.
11. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. 197 с.
12. *Битов А.* Путешествие из России. М. : Вагриус, 2003. 478 с.

13. *Ковтунова И.И.* Очерки по языку русских поэтов. М. : Азбуковник, 2003. 206 с.
14. *Орехов Б.В.* [Рец. на кн.:] М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. Тютчев и Фет: Опыт контрастивного словаря // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 117–120.
15. *Тютчев Ф.И.* Сочинения в двух томах. М. : Правда, 1980. Т. 1–2.
16. *Фет А.А.* Сочинения в двух томах. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1–2.
17. *Бобунова М.А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 1.
19. *Клима И.С.* О чем рассказал словарь («время» в поэтическом идиолекте А. Фета и Ф. Тютчева) // Курское слово. 2008. № 5. С. 49–54.
20. *Шарафадина К.И.* «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 48 с.
21. *Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М. : Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. 172 с.
22. *Шестакова Л.Л.* Авторская лексикография на рубеже веков // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 116–129.
23. *Шестакова Л.Л.* Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.
24. *Белый А.* Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. М. : Академический проект, 2001. С. 480–485.
25. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. статей. М. : Наука, 1988. С. 131–136.
26. *Литус Е.В.* Проект контрастивного словаря народных песен казаков Кубани // Вопросы лексикографии. 2021. № 19. С. 75–91.

An Author's Contrastive Dictionary as an Experimental Lexicographical Form
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 69–86.
DOI: 10.17223/22274200/21/3

Mariya A. Bobunova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation).
E-mail: bobunova61@mail.ru

Keywords: lexicography, author's dictionary, contrastive dictionary, experimental dictionary, poetic text.

At the turn of the 21st century, a new trend appeared in lexicographic practice. It was named contrastive lexicography. Contrastive dictionaries proved useful first of all as necessary reference books in learning and teaching foreign languages, and translating. In another domain, folklore lexicography, contrastive dictionaries became dictionary projects of linguafolklorists from Kursk, Russia. The method of comparative de-

scription tested on the folk material was applied to the literary text. This led to the idea of creating an author's contrastive dictionary. The poetry by Fyodor Tyutchev and Afanasy Fet was chosen as the material of the tentative dictionary. The article describes the stages of the dictionary compilation and its original micro- and macro-structure. An essential macro-structural issue of the dictionary is the choice of words and the order of entries. It is accentuated that the topical, not alphabetic, structure of the dictionary enables to reveal the consistency and the inner hierarchy of single fragments of the poetic world picture and helps to identify their place in the poets' idiolects. The authors of the dictionary employed the cluster approach. The cluster is understood as a group words which belong to different parts of speech and are linked semantically, functionally and derivationally. The dictionary comprises eight clusters which represent three massive fragments: World of Nature, World of Human and World's Characteristics. Special attention is paid to dictionary entries of a double unit type. If an entry contains no comparative part, the unit turns into a left- or right-sided "lacuna" type entry. For poetic language description, the authors of the dictionary used the parameter structure of a dictionary entry; this structure comprises compulsory and optional components. The syntagmatic zone of a dictionary entry, which reflects all textual word links within the poetic line and the neighboring lines, was thoroughly analyzed. The research potential of an author's contrastive dictionary is illustrated by several examples. It is noted that this dictionary is experimental and there are prospects for contrastive dictionaries of different genres, in line with the trends of modern author's lexicography. Contrastive dictionaries are concluded to be of use in studying the author's idiolect and in revealing the compared writers' language uniqueness.

References

1. Lenets, K.V. & Stavitskaya, L.O. (2002) *Kratkiy russko-ukrainskiy slovar' kontrastivnoy leksiki* [Brief Russian-Ukrainian dictionary of contrastive lexis]. Kyiv: Dovira.
2. Lovtsevich, G.N. (2009) *Krosskulturnyy terminologicheskiy slovar' kak sredstvo reprezentatsii terminologii gumanitarnykh nauk* [Cross-cultural terminology dictionary as a means to represent the terminology of the humanities]. Vladivostok: Far Eastern State University.
3. Chubur, T.A. (2005) *Natsional'naya spetsifika semantiki slova i problemy ee leksi-kograficheskoy fiksatsii: Na materiale yazykovykh naimenovaniy "nezanyatosti trudovoy deyatel'nost'yu" v russkom i angliyskom yazykakh* [The national specificity of word semantics and the problems of its lexicographic registration: Based on the material of language denominations "unemployment" in Russian and English]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Stermin, I.A. (2011) *Kontrastivnyy analiz i leksikografiya* [Contrastive analysis and lexicography]. In: *Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. trudov po leksikografii* [Word and Dictionary. Vocabulum et vocabularium: Collected research works on lexicography]. Vol. 12. Kharkiv: Pidruchnik NTU "XPI". pp. 14–18.
5. Dubichinskiy, V. & Royter, T. (2008) *Russko-nemetskiy slovar' leksicheskikh paraleley: Bolee 700 zagolovochnykh par* [The Russian-German dictionary of lexical parallels: more than 700 header pairs]. Kharkiv; Klagenfurt: [s.n.].

6. Bobunova, M.A. (2010) O sisteme i serii slovarey yazyka fol'klora [On the system and series of dictionaries of folklore language]. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 2. pp. 39–45.

7. Bobunova, M.A. (2018) The Russian folklore word as reflected in dictionaries (concerning the lexicographic experience of linguofolklorists from Kursk). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 141–153. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/8

8. Khrolenko, A.T., Bobunova, M.A. & Bobunov, A.M. (2008) *Krosskul'turnaya lingvofol'kloristika: stanovlenie, metodologiya* [Cross-cultural linguistic folklore studies: formation, methodology]. Kursk: Kursk State University.

9. Bobunov, A.M. (2012) *Kontrastivnyy slovar' yazyka russkogo i angliyskogo pesennogo fol'klora kak baza krosskul'turnogo issledovaniya* [The contrastive dictionary of the Russian and English song folklore as the basis of cross-cultural research]. Philology Cand. Diss. Kursk.

10. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (2003) Opyt tipologizatsii avtorskikh slovarey [The experience of typologization of authorial dictionaries]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov* [Russian authorial lexicography of the 19th–20th centuries]. Moscow: Azbukovnik. pp. 4–16.

11. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2005) *Tyutchev i Fet: opyt kontrastivnogo slovarya* [Tyutchev and Fet: An experience of a contrastive dictionary]. Kursk: Kursk State University.

12. Bitov, A. (2003) *Puteshestvie iz Rossii* [A journey from Russia]. Moscow: Vagrius.

13. Kovtunova, I.I. (2003) *Ocherki po yazyku russkikh poetov* [Essays on the language of Russian poets]. Moscow: Azbukovnik.

14. Orekhov, B.V. (2006) M.A. Bobunova, A.T. Khrolenko. Tyutchev i Fet: Opyt kontrastivnogo slovarya [Book Review: Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. Tyutchev and Fet: An experience of a contrastive dictionary. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 117–120.

15. Tyutchev, F.I. (1980) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Writings in two volumes]. Moscow: Pravda.

16. Fet, A.A. (1982) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Writings in two volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

17. Bobunova, M.A. (2004) *Fol'klornaya leksikografiya: stanovlenie, teoreticheskie i prakticheskie rezul'taty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk: Kursk State University.

18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.

19. Klimas, I.S. (2008) O chem rasskazal slovar' ("vremya" v poeticheskom idiolekte A. Feta i F. Tyutcheva) [What the dictionary told about ("Time" in the poetic idiolect of A. Fet and F. Tyutchev)]. *Kurskoe slovo*. 5. pp. 49–54.

20. Sharafadina, K.I. (2004) *"Yazyk tsvetov" v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny XIX veka (istochniki, semantika, formy)* ["The language of flowers" in Russian poetry and literary usage of the first half of the 19th century (sources, semantics, forms)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

21. Nikitina, S.E. & Vasil'eva, N.V. (1996) *Ekspertimental'nyy sistemnyy tolkovyy slovar' stilisticheskikh terminov. Printsipy sostavleniya i izbrannye slovarnye stat'i* [Experimental systemic explanatory dictionary of stylistic terms. Compilation principles and selected entries]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
22. Shestakova, L.L. (2007) Avtorskaya leksikografiya na rubezhe vekov [Author lexicography at the turn of the century]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 116–129.
23. Shestakova, L.L. (2019) Current state of Russian author lexicography. *Voprosy yazykoznanija*. 2. pp. 126–150. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0004309-8
24. Belyy, A. (2001) Pushkin, Tyutchev i Baratynskiy v zritel'nom vospriyatii prirody [Pushkin, Tyutchev and Baratynsky in the visual perception of nature]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika: antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow: Akademicheskij proekt. pp. 480–485.
25. Morkovkin, V.V. (1988) Antropotsentricheskij versus lingvotsentricheskij podkhod k leksikografirovaniyu [Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v nor-mativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 131–136.
26. Litus, E.V. (2021) The Project of a Contrastive Dictionary of the Kuban Cossacks' Folk Songs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 19. pp. 75–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/19/4

УДК 811.511.132

DOI: 10.17223/22274200/21/4

Г.В. Федюнева

НОВООТКРЫТЫЙ РУКОПИСНЫЙ СЛОВАРЬ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИИ КОМИ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Описывается структура и лексический состав недавно открытого памятника зырянского языка II половины XVII в. и выясняется его место в истории коми лексикографии. Особенности словаря рассматриваются в сравнении с более поздними словарными материалами 20–70-х гг. XVIII в. Поднимаются вопросы классификации исторических словарей коми языка, систематизации подходов к их описанию, выявляются лакуны в исследованиях, не проводившихся с середины прошлого века.

Ключевые слова: историческая лексикография, памятники письменности, рукописный словарь-разговорник, коми-зырянский язык, лексика

Введение

Зырянско-русский словарь находится в составе рукописного сборника, который, благодаря авторской надписи «Сия книга рекома я Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своєю рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219), определенно датируется 1668 г. и атрибутируется древнерусскому книжнику Прохору Коломнятину. Рукопись была обнаружена в фондах Государственного исторического музея (Музейское собрание, № 2803) и предварительно описана с точки зрения имеющихся в ней текстов и их атрибуции исследователем древнерусских рукописей Н.В. Савельевой.

Сборник содержит подборки нравоучительных статей, извлеченных из разных печатных и рукописных источников, посвященных описанию правил благочестивой монастырской жизни, восхвалению добродетелей, иноческого подвижничества, осуждению пороков и т.д. В отличие от подобного рода компилятивных монастырских сборни-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 «Памятники русской лексикографии в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г.: исследование и подготовка текстов к публикации».

ков XV–XVII вв. в «Цветник» включены оригинальные лексические материалы, организованные по словарному принципу, а также русско-национальные словари-разговорники карельского, коми-зырянского и крымско-татарского языков [1, 2].

Новооткрытый лексикон является важным событием в истории изучения коми языка, формирования его письменной традиции. Он относится к группе памятников светского содержания, является самым ранним из них и существенно дополняет известные на данный момент словарные собрания, немногочисленные и фрагментарные.

Надо сказать, что коми язык имеет долгую письменную историю, началом которой считается создание оригинального коми алфавита (*анбура*) миссионером и первым пермским епископом Стефаном Храпом (около 1340–1396 гг.). Известные к настоящему времени памятники традиционно делятся на памятники древнепермского, или древнекоми языка 1-й половины XIV – 2-й половины XVII в. и памятники коми-зырянского языка XVII–XVIII вв.

По содержанию их можно разделить на светские и церковные, что не противоречит собственно языковой и хронологической классификации. К памятникам церковного содержания относятся все памятники первой группы и их более поздние списки (так называемые коми-зырянские переделки XVIII в.), к светским – словарные материалы коми-зырянского языка XVIII в.

Памятники коми письменности, так или иначе связанные с древнепермской азбукой Стефана Пермского и переводами церковных текстов, в большинстве своем опубликованы и изучены [3–6], чего нельзя сказать о лексикографических памятниках коми-зырянского языка. Их изучение связано исключительно с диссертационной работой З.И. Кузнецовой, в которой вместе с церковными памятниками XVIII в. дан краткий обзор словарных материалов, выявленных из разных архивных и музейных собраний [4. С. 19–42].

Из истории коми лексикографии

Началом лексикографической истории коми языка традиционно считается XVII в. [4. С. 17; 7. С. 227; 8. С. 174 и др.], поскольку к этому периоду относятся два памятника, содержащих коми лексику. Это Церковный устав 1608 года, в котором наряду с римским, египетским, еврейским и эллинским языками приведены названия месяцев на рус-

ском и пермском языках¹, и молитва «Отче наш» на коми языке, опубликованная в книге Николаса Витсена по материалам его поездки в Московию в 1664–1665 гг. [10. С. 811–812]. Однако вряд ли эти памятники могут рассматриваться в лексикографическом аспекте. Коми названия месяцев, как и молитва, сохраняют преемственную связь с памятниками древнепермского языка XIV–XVII вв. и по своему содержанию должны быть отнесены к церковным памятникам (о памятниках см. [11. С. 22–23; 12; 13. С. 17; 14]).

Все известные к настоящему времени словари и словарные материалы по коми языку относятся к 20–70 гг. XVIII в. и связаны с именами ученых, прежде всего, иностранных – членов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, а также шведского военнопленного Ф.И. Страленберга и русского академика И.И. Лепехина – участников так называемых академических экспедиций.

Их деятельность иногда рассматривается как один из этапов становления коми письменной традиции, хотя они были лишь внешними фиксаторами; материалы лингвистических отчетов, как правило, не предназначались для публикации или коммуникативного использования.

В основном это небольшие списки слов и выражений, собранные в полевых условиях из разных источников, часто в общем контексте с материалами других языков. Входным словом обычно выступает русское или немецкое слово, соответственно, коми слово передается в русской или латинской графике. Как правило, эти записи не паспортизированы, объединяют слова разных диалектов, содержат много искажений и плохо поддаются языковой атрибуции. По мнению В.И. Лыткина, для исторической фонетики и грамматики они не представляют большого интереса, так как звуки в них переданы весьма неточно [15. С. 52].

Тем не менее они важны для исторической лексикологии и лексикографии и должны быть подвергнуты более серьезному историко-лингвистическому обследованию, включая полный археографический и текстологический анализ, лингвистическую и культурно-историческую интерпретацию, а также более обстоятельное освещение в научной литературе².

---

¹ РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 449. Имеется также отдельный список, опубликованный в Вологодских губернских ведомостях за подписью П. К-ва [9].

² На сегодня более полно описан язык коми словарных материалов Г.Ф. Миллера [16].

Особняком стоит русско-коми словарь-разговорник, опубликованный¹ в III томе «Дневных записок...» И.И. Лепехина [17. С. 250–259]. Он приведен вместе с названиями букв стефановской азбуки и переводом божественной литургии (так называемый лепехинский список), которые Лепехин нашел во время своей экспедиции по Коми краю летом 1771 г. «у некоторых любопытных людей» в с. Подкиберское.

В отличие от других словарных материалов XVIII в., а также черновых экспедиционных бумаг самого Лепехина [7. С. 233–236], этот словарь получил достаточно хорошее освещение. В.И. Лыткин перепечатал и использовал его как подсобный материал при чтении древнепермских текстов в своей работе, которая остается если не единственной, то самой значимой и цитируемой в области пермской палеографии [3. С. 148–161]. В ней Лыткин считает, что материал словаря был записан самим И.И. Лепехиным с помощью переводчика и, исходя из этого, комментирует текст словаря, приписывая графико-орфографические особенности и неточности перевода Лепехину [3. С. 160–161. Пп. 9–11, 22, 23, 27, 30, 31].

Позже он меняет свое мнение. По-видимому, это связано с тем, что в собрании В.М. Ундольского З.И. Кузнецовой был обнаружен такой же словарь, датированный 1798 г., который она интерпретирует как отдельный список, хотя «он почти тождествен с вышеупомянутым лепехинским словариком» [7. С. 236]. В последующих работах, посвященных истории коми литературного языка, В.И. Лыткин, ссылаясь на работы Кузнецовой, уже говорит о двух списках словаря, которые могут восходить к общему источнику, хотя сделаны разными переписчиками и, возможно, в разное время. Он также присоединяется к ее мнению, что подобного рода рукописные словарики и разговорники имели широкое хождение в XVIII в. [4. С. 37; 7. С. 237; 13. С. 20; 18. С. 305].

Между тем словарь Ундольского, как и другие лексикографические памятники XVIII в., в диссертации З.И. Кузнецовой, посвященной в основном языку поздних рукописных списков «Божественной литургии», получил лишь самое предварительное описание. Он не был опубликован, рассмотрен в сравнении со словарем Лепехина: отмечены только редкие пропуски слов и расхождения в их написании, большинство из которых, на наш взгляд, может быть результатом описки переписчика.

---

¹ Оригинал считается утраченным.

Сегодня материалы по коми языку из фонда В. Ундольского находятся в свободном доступе. Кроме божественной литургии на коми-зырянском и «Службы за упокой» на древнепермском языках они включают 1) рукописный коми-зырянский словарь под названием «Словарь зырянской краткй», л. 34–39 об.; 2) коми-пермяцкий словарь (50 слов в 2 столбца с переводом на русский), л. 39 об. (конец) – 40; 3) Числительные 1–19, 20–90, 100–900, 1000–5000, 10000, 50000 и 100000, л. 40 об. [19].

Все словарные материалы написаны одним почерком, следуют непосредственно друг за другом, в самом конце сразу после числительного 100 000¹ сбоку подпись В. Ундольского. Перечень числительных тот же, что у Лепехина, а список коми-пермяцких слов идентичен со словами, записанными Лепехиным в коми-пермяцкой деревне Селища «от старика, сединами украшенного» [17. С. 196–197]. Это наводит на мысль о том, что словарь Ундольского, датированный 1798 г., возможно, не является «отдельным списком», а переписан со словаря Лепехина, опубликованного в 1780 г.

Так или иначе очевидно, что эти словарные материалы нуждаются в дополнительных исследованиях как в отношении археографии и текстологии, так и их происхождения и открытия.

Русско-коми словарь Лепехина, который он представляет как «собранныя слова», приписываемые к публикуемой обедне «гѣмь наипаче, что они цѣлыя содержать рѣчи, из чего о свойствѣ ихъ (зырян – Г.Ф.) языка удобнѣе понимать можно, нежели изъ простаго словъ собранія» [17. С. 250], в контексте данной статьи представляет интерес также с точки зрения его структуры и лексического состава.

В основе разговорника, по-видимому, лежит русский словник, который был переведен с помощью информанта и записан человеком, не знавшим коми языка. Во многих случаях коми текст не соответствует русскому, иногда вовсе не понятен без него, имеется много ошибок в написании слов, например на с. 253²:

(1) *говори што то въ бочкахъ – вузторъ токо бочкаясынъ*, букв. товар (немного) только в бочках;

(2) *и ты пошли цѣловальника, подъячева – итѣ исты акалыснъ дагижызесь*; по реконструкции Лыткина: и тэ ысты окалыс'эс да

¹ Ошибка в переводе, видимо, при переписке: сюрсь «тысяча» вместо сѣ сюрс «сто тысяч».

² Здесь и далее примеры приводятся из публикации И.И. Лепехина [17].

гижыс'эс [3. С. 157. П. 90], букв. ты пошли целующего (!) и пишущего (!);

(3) *подъячева даль – аги жомысь*; Лыткин, комментируя этот абзац, пишет, что русский перевод Лепехина не соответствует коми тексту, который обозначает «а написанное» [3. С. 160. П. 11], хотя, скорее, следует предположить, что, как и в предыдущем абзаце, информант попытался перевести слово *подъячий* словом *гижысь* «пишущий» и др.

По структуре и адресной направленности словарь напоминает иноязычно-русские и русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв., которые составлялись с практическими целями и ориентировались на живую разговорно-обиходную речь административных и торговых центров. Такие пособия содержали списки слов с толкованием их значений и образцы диалогов бытового или делового содержания, лексику торговых сделок, сопутствующих купле-продаже ситуаций и т.д. [20. С. 90–91; 21. С. 99; 22 и др.].

Лепехинский словарь-разговорник содержит около 200 слов разных лексико-семантических разрядов и 100 коротких выражений. Слова не выделены в тематические группы, хотя тенденция к тематическому изложению материала наблюдается.

В начале приведено больше двух десятков слов и выражений церковного обихода вроде: *Богъ духъ святой* – *Ень вежай ловь*, букв. Бог святой дух; *Сынъ божий* – *Пи Енлонъ*, букв. сын бога; *Крещения день* – *вавежданъ лунъ*, букв. воду освящающий день; *День пасхи* – *ижидь лун*, букв. большой день и т.д. [17. С. 250–251]. Сразу после этого, без дополнительного оглавления, дана лексика – около сорока слов и выражений, связанная с человеком: части тела, рост, возрастные характеристики и т.д. [17. С. 251–252]. Затем – двадцать пять фраз, связанных с торговлей вроде: *пошто ты сюда приѣхал и с какимъ товаромъ?*; *на которой улицъ ты стоишь?*; *ты просишь даромъ*; *въ суконномъ ряду*; *мясной рядъ*; *говори правду* и т.д. [17. С. 253–254]. После этого материал тематически не структурирован. Небольшие группы семантически близких слов разбросаны в разных частях словаря следующим образом: названия диких животных и термины охоты [17. С. 254, 257]; домашних животных и их товарные характеристики [17. С. 26, 255]; предметов одежды [17. С. 255]; металлов [17. С. 255, 256]; предметов домашней утвари [17. С. 256–259]; диких и домашних птиц [17. С. 256]; построек и их частей [17. С. 257,

259]; культурных растений [17. С. 259]; природных явлений, времен года [17. С. 259]; церковных понятий [17. С. 259].

Слова и короткие словосочетания даны вперемешку с высказываниями, иногда связанными с той иной тематической группой. Довольно большое место отведено общим вопросам и репликам из диалогов вроде: *надень сапоги да поди, а отца твоего как зовут? как далеко? и я ему сказалъ* и т.д. [17. С. 255–256, 258]. Многие выражения, по замечанию В.И. Лыткина [13. С. 21], хорошо характеризуют социально-бытовые явления того времени, например, *поди заранья прочь доколь ты не битъ; естли у тебя отпускная? ежели есть то съ нею поди къ боярину* и т.д. [17. С. 257, 259].

Как и все имеющиеся на настоящее время памятники письменности (кроме словарных материалов академических экспедиций, собранных из разных источников), словарь отражает лексику нижневыхогского диалекта с некоторыми вкраплениями из соседних вымского, удорского и ижемского диалектов. В нем представлена общепотребительная разговорно-бытовая лексика, в целом характерная и для современного языка. Имеется также 28 русских заимствований: Крестость, ангиль, верба, Троица [17. С. 250]; здвиженья, пречистая, осложа, пропркьяс, баярь [17. С. 251]; бочкоясыын ‘в бочках’ [17. С. 253]; грехьясь ‘грехи’ [17. С. 254]; сапогъ, подошва, шляпа [17. С. 255]; пудь, люсьва ‘ложка’ [17. С. 256]; звѣръ, звѣр, пищалень ‘с пищалью’, пачь ‘печь’, лавычъ ‘лавка’, драцецясь ‘драница’, заругъ ‘тын’ [17. С. 257]; паличъ ‘палица’, милуй то ‘милует’ [17. С. 258]; молотторъ ‘молоток’, вовтаръ ‘алтарь’, трапезда ‘трапеза’, кумъ ‘клеть’ [17. С. 259].

Вместе с тем словарь содержит лексику, по утверждению З.И. Кузнецовой, уже утраченную коми-зырянским языком к XVIII в. в связи с окончательным переводом богослужения в конце XVII в. на церковнославянский язык [4. С. 197]. Это следующие слова: Богородица – Енмость вердысь [17. С. 251], ср. удм. *вордскыны* ‘родиться’, коми диал. иж. *вердны* ‘рожать, родить’, иж. вым. *верчысь* ‘роженица’, вым. *вердѹмѹ* ‘родной, родная’ [3. С. 160. П. 1; 23. С. 44, 45], совр. *вердысь* ‘кормящий, кормящая’; смерть – сурымъ [17. С. 252], слово полностью утрачено, имеется в других финно-угорских языках [3. С. 160. П. 8]; улица – пурьсь [17. С. 253]; слово отсутствует, ср. диал. ‘огороженный с двух сторон участок, проезд’ [23. С. 234]; двери – оись [17. С. 254], совр. *ѳдзѳс* ‘дверь’, диал. уд. *оис* ‘открытый’ [3.

С. 160. П. 12]; Въ Москвѣ – Канкарыд [17. С. 256], в современном языке отсутствует; ср. *кан* ‘царь’, *каналѡм* ‘царствование’, *кан пи* ‘царевич’, сохранившиеся в списках обедни XVIII в. [4. С. 194]; в слове «солоница» – солаль той [17. С. 257] сохранилось древнее слово *той* ‘береста’ [24. С. 280] и др.

По некоторым графико-орфографическим признакам и базовому диалекту памятник сближается с младшими тестами древнепермской обедни. По этому поводу Лыткин высказал предположение, что самый ранний список разговорника, как и списки литургии 2-й половины XVII в., мог быть оформлен стефановской азбукой. На это указывает смешение букв, допущенное при его переписке кириллицей и объясняемое близостью начертаний этих букв в *анбуре* [13. С. 20–21]. Тем не менее, разговорник датируется временем его обнаружения И.И. Лепёхиным, лексика и фонетические особенности, в частности, появление чередования *л ~ в*, однозначно свидетельствуют о его принадлежности XVIII в.

Структура и лексические особенности словаря Прохора Коломнятина

Зырянский лексикон, названный автором сборника «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго»¹, небольшой по объему (л. 185 об.–188 об.), расположен непосредственно за карело-русским словарем (л. 177–185 об.). Рукопись написана крупным полууставом с использованием графических приемов кириллического письма XVII в.

В отличие от словаря Лепехина, который организован в два столбца – «по Руски» и «по Зирянски» [17. С. 250], лексический материал дан сплошным текстом, выделяются только заглавие, первые буквы коми слов и обведенная буква «т» («толкование») перед русскими переводами, выписанные киноварью. По языковым особенностям памятник сближается с современными вымскими говорами, что кардинально отличает его от всех других памятников коми языка, в основе которых лежит нижневычегодский диалект.

Письмо достаточно четкое, почти без помарок, последовательно проставлены диакритические знаки придыхания и ударения, использованы сокращения слов и выносные буквы.

---

¹ Что значит «сирѣчь сирскаго», пока остается не ясным.

В некоторых коми словах встречаются описки и пропуски букв, например, (л. 186) Комы ѳтикуръ, совр. *комын ѳти* (к) ур ‘тридцать одна копейка’; Дасъ кватуръ, совр. *дас квайт* ур ‘шестнадцать копеек’; Веты мун какъ ѳусур, совр. *ветымын кѳкъямыс* ур ‘пятьдесят восемь копеек’; (л. 187) Дасъ ѳтѳкъшакъ, совр. *дас ѳти* (к) *шайт* ‘одиннадцать рублей’; Сюркъ шать, совр. *сюрс шайт* ‘тысяча рублей’; Дасъ суръ, совр. *дас сюрс* ‘десять тысяч’; (л. 187 об.) Секакъ ѳмы сюрс, совр. *сѳ кѳкъямыс сюрс* ‘сто восемь тысяч’; Вунъ, совр. *вудж, вуж* ‘лук’; Пых, совр. *пыш* ‘конопля’; Пиронъ совр. *пирѳг* ‘пирог’; (л. 188) Лѳкъмеканъ, совр. *лок мекѳд* ‘иди со мной’. Имеется также несколько неточных переводов.

Между счетными единицами Комынууръ, совр. *комын ур* ‘тридцать копеек’ – (т) 10 алтынъ, и Комы ѳтикуръ, совр. *комын ѳти ур* ‘тридцать одна копейка’ – (т) 11 а(л)/(186 л.), ошибочно вписано название главы: <Г>лава 1 ѳ небесномъ, которое должно находиться на (л. 178) карельского словаря, но там отсутствует. После этой вставки крупный устав примерно полстраницы выглядит более мелким и не таким четким. В самом начале (л. 188) также есть отрывок другого текста: «...ное знаменіе буде луна ѳавитсѳ сокре <стом>...», написанный той же рукой.

Большую часть рукописи занимает денежный счет, подробно расписанный от «денги» до «тысячи рублей» (л. 185 об. – 187 об.). За ним без дополнительной рубрикации приведен список разговорно-бытовой лексики, заканчивающийся переводом молитвы «Трисвятое» (л. 187 об.–188 об.).

В денежном счете использованы все – простые, сложные и составные – количественные числительные от единицы до тысячи, которые полностью соответствуют числительным современного коми языка. Мезуративными единицами, как и в современном языке, выступают коми слова ур ‘копейка’ и шайт ‘рубель’, а также русское заимствованное *деньга, денга*. С одной стороны, приведенная система напоминает древнекоми денежный счет [25], с другой – близка к современной.

Значения чисел даны в кириллической цифровой системе с использованием «титло» над буквой и сокращением названий денежных единиц *денга* – (д), *алтын* – а(л), *рубль* – ру(б), например, (л. 185 об.) Дасъ денга – (т) I (д); Дасъ окъ // (л. 186) мѳсуръ – (т) и ѳ а(л); (л. 187) Сѳ шать – (т) пѳ ру(б) и т.д. Только числа первого десятка переведены русскими числительными, например, (л. 185 об.) Кѳкъ денга – (т) двѳ де(нг)и; Кѳимъ

денга – (т) три денги; Вить дѣнга – (т) п(л)т) денегъ; Какъямьсь денга – (т) два гроша; (л. 186 об.) Кызурь – (т) двѣ гривны.

В некоторых случаях мезуративные слова также даны полностью, без сокращений, например, (л. 185 об.): По(л)дѣнги – (т) денга; Нѣль денга – (т) грошь; Квѣть денга – (т) алтнѣ; (л. 186 об.) Дасурь – (т) гривна. Неламынурь – (т) по(л)тина. Нѣль шать – (т) дѣ рубли; (л. 187 об.) Се сюрсь – (т) *а́ ты́сащей рублевѣ.

Система счисления изложена достаточно логично, хотя содержит ряд непоследовательностей, например повторы числительных с разным толкованием, ср. (л. 185) Дасъ сизимурь – (т) 6 а(л) и (л. 186) Дасъ сизимурь – (т) 17 а(л), совр. *дас сизим ур* ‘семнадцать копеек’; (л. 187) Се сюрсь – (т) 100 000 ру(б) и (л. 187 об.) Се сюрсь – (т) 1 000 ты́сащей рублевѣ, совр. *сѣ сюрс* ‘сто тысяч’. Имеются несоответствия в переводе, напр., Неламынурь – (т) по(л)тина (л. 186 об.), совр. *нелямын ур* ‘сорок копеек’. После значения 100 000 в счислении наблюдается сбой, например, (л. 187 об.): Куи(м) се сюрсь – (т) 200 000 ру(б), совр. *коми кумсѣ сюрс* ‘триста тысяч’; Нѣльла се сюрсь – (т) 300 000 ру(б), совр. *нѣльсѣ сюрс* ‘четыреста тысяч’ и т.д. В некоторых сложных и составных числительных нарушен порядок следования компонентов, например, (л. 187 об.) Сесизимь – (т) 600 000 ру(б), где использовано числительное *сѣ сизим* ‘сто семь’ вместо *сизимсѣ* ‘семьсот’ и др.

Непосредственно за денежным счетом следует список обиходно-бытовой лексики – около 100 слов и словоформ с «толкованием» их значений на русский язык. В отличие от других словарей «Цветника», тематически структурированных [1. С. 58–60], он не имеет разделов или каких-либо специальных помет, а также не содержит типовых фраз, реплик из диалогов и связных текстов, характерных для разговорников, в том числе для словаря-разговорника Лепехина. Можно наблюдать лишь некую тенденцию к тематическому изложению материала, впрочем, далеко не последовательную. В общем виде можно выделить следующие лексико-семантические группы слов:

(1) термины родства и гендерной идентичности, например, (л. 187 об.) Аа – (т) отѣць, Вокъ – (т) братъ, Чожинь – (т) тѣтка, Чой – (т) сестра, Котырь – (т) жена, Ны – (т) дѣвка;

(2) названия домашних животных, например, (л. 187 об.) Мось – (т) корова; (л. 188) Ижъ – (т) овца, Кукань – (т) телѣ, Понь – (т) пѣсь, Кань – (т) кошка;

(3) названия диких животных: (л. 187 об.) Вурдь – (т) вы(д)ра, Урь – (т) бѣлка; (л. 188) Рүць – (т) лисица, Нйзь божь – (т) собольи хвосты, (л. 188 об.) Мой – (т) бобрь, Мой – (т) бобрь. Лачакь – (т) росаамаха. Кынь – (т) песцы. Кочь – (т) за'ець. Чюжьморь – (т) горноста́й;

(4) названия домашних и диких птиц: (л. 188) Курокь – (т) курица, Ай курокь – (т) пету(х), Дюдюкь – (т) гу(с), Дозморь – (т) тетеревь, Байдыкь – (т) куропа(т), Юось – (т) лебедь;

(5) названия культурных растений: (л. 187 об.) например, Йдь – (т) ячмень, Шобьды – (т) пшеница; Зырь – (т) овесь, Рудекъзе – (т) ро(ж), Пыхь – (т) конопля, Анькочь – (т) горо(х);

(6) названия хозяйственной утвари и культовых предметов: (л. 187 об.) Вунь – (т) лукь; Ню – (т) стрѣлы, Сесь – (т) хому(т); (л. 188) Пурть – (т) но(ж), Черь – (т) топорь; (188 об) Эмь – (т) иглы; Энь – (т) образы; (л. 188) Пёрьна – (т) кре(с)ть;

(7) названия пищи и кухонной посуды: (л. 187 об.) Нань – (т) хлѣ(б), Чери – (т) рыба.; (л. 188) Шить – (т) штѣ, Рокь – (т) каша, Пызь – (т) мука; (л. 188) Бекарь – (т) ставець, Былидь – (т) блюдо, Дарь – (т) поварна, Кырьнинь – (т) горшокь;

(8) названия дома и его частей, например, (л. 188) Керька – (т) избѣ, Кумь – (т) клѣ(т), Ошинь – (т) окно, Пызань – (т) столъ, Лавицы – (т) лавки;

(9) названия одежды (л. 187 об.): Пась – (т) шуба, Оза(м) – (т) каотá(н), (л. 188) Чюнькичь – (т) персте(н);

(10) названия частей тела: (л. 188) Синь – (т) глаза, Кырымь – (т) руки; Кокь – (т) но́ги. Тощь – (т) брада.

Кроме существительных словарь содержит шесть глаголов: (л. 188) Вай – (т) дай, Сеть – (т) подай, Кольи – (т) проводи; Локь мекань – (т) пойдѣ со мною, Вай – (т) привези, (187 об.) Вүзо – (т) продай, приведенных в форме повелительного наклонения.

Сразу после лексики дан перевод молитвы *Святый Боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас*, предваряемый словами: Позырянски Святый Боже Вѣжа юмо, вѣжа кутомо, вѣжа чарыдо, кутышты темълно, совр.: *Вежа Енмѣ, вежа кувтѣмѣ, вежа крепидѣ кутышит тѣ миянѣс*.

Он полностью соответствует переводу этой молитвы в древнепермских (XV–XVII вв.) и коми-зырянских (XVIII в.) текстах, за исключением слова кутышты 'поддержки' (совр. *кутны* 'держать', *кутышитны* 'поддержать', 'подержать'), приведенного на месте архаичного слова мылышты 'помилуй' других памятников.

В целом лексика молитвы, как и всего корпуса словаря, является общеупотребительной и относится к активному словарному фонду современного коми языка. К диалектно маркированной можно отнести слова, встречающиеся преимущественно в северо-западном диалектном ареале, более последовательно – в говорах вымско-вычегодского бассейна:

Óрсъ – (т) пле(т), ср. вым. нв. иж. уд. *орс* ‘плеть’, в других диалектах – *плеть*; Чéрива – ўха, ср. вым. нв. уд. вв. *черива*, в остальных *юк-ва* ‘уха’; Кúрокъ – (т) кúрица, ср. вым. нв. уд. *курöг*, в остальных диалектах *чипан* ‘курица’; Лю́ска – (т) лóшќа, ср. уд. *люска*, повс. *пань* ‘ложка’; Бекáръ – (т) ставецъ, ср. вым.нв.вс.лл.сс. *бекар*, вым. иж. вв. печ. скр. *тасьті* ‘тарелка, столовая чашка’; Чóжинь – (т) тётка, ср. вым. скр. вв. *чожинь*, уд. *тиожинь*, сс. *чожöнь*, лет. *тиожень* ‘тетка’, ‘жена брата матери’ и др. [23. С. 228, 274, 336, 412, 414, 451].

Слово Аа – (т) ‘отець’ имеет диалектную семантику: вым. иж. уд. *ай*, *айе(й)* ‘отец’, повс. *ай* ‘самец’. Слово Ёнъасъ – (т) жóнка содержит *и*-овый анлаут, характерный для вым. нв. иж. уд. диалектов, в остальных диалектах – *энька* ‘свекровь’ [23. С. 10, 447].

Кроме диалектизмов, словарь содержит следующие русские заимствования: Озá(м) – (т) каэ́та(н), Пíронь – (т) блины́, Лю́ска – (т) лóшќа, Бьлидь – (т) блю́до, Кырьнинь – (т) горшо́к, Ко́шь – (т) ко́вш, Сьнивоць – (т) сьни́, Кúмь – (т) клѣ(т), Лáвицы – (т) лавки, По(л)дéнги – (т) денга, а также два непонятных слова, не поддающихся интерпретации с точки зрения коми языка: Бурáсь – (т) другъ и Сь – (т) челомъ (л. 187 об.).

Заключение

Зырянский словарь в составе авторского сборника инока Прохора Коломятина на сегодня остается самым ранним лексикографическим памятником коми языка; его открытие позволяет удревнить документированную историю коми лексикографии более чем на полвека.

В словаре представлена в основном общеупотребительная разговорно-бытовая лексика, включающая числительные, существительные и несколько глаголов. Несмотря на то что словарь был составлен свыше трехсот пятидесяти лет назад, эта лексика практически без изменений сохраняется в активном словарном фонде современного коми языка. Отдельные лексические и фонетико-морфологические диа-

лектизмы позволяют соотнести язык памятника с вымскими говорами северо-западной группы коми-зырянских диалектов.

Материал словаря отражает живой коми-зырянский язык 2-й половины XVII в. Он мог быть записан непосредственно со слов носителя (или носителей) коми языка, возможно, самим составителем сборника, учитывая его склонность к лексикографии. Словарь не имеет видимой адресной направленности, думается, он не предназначался ни для обучения, ни для коммуникативного использования, а был записан с целью фиксации чужой иноязычной речи.

Типологически словарь Коломнятина близок к лексическим материалам ученых-путешественников XVIII в., которые часто фиксировали наиболее употребительную лексику с «толкованием» на русский язык, используя ее в этнографическом описании иноязычных народностей.

От древнерусских словарей-разговорников, в том числе русско-коми словаря Лепехина-Ундольского, в основе которого, по-видимому, лежит русский словник, он отличается тем, что не содержит лексических групп и типичных для диалогов фраз, необходимых при общении; тенденция к тематическому изложению материала объясняется объективной структурой общеупотребительного словаря любого языка.

Яркой особенностью зырянского словаря Коломнятина является денежный счет, занимающий больше половины текста. В отличие от словарей и словарных материалов, записанных путешественниками, а также разговорников, которые часто сопровождаются списком наиболее употребляемых числительных, в нем приведен перечень денежных единиц с использованием коми терминов *ур* ‘копейка’, *шайт* ‘рубль’, русские соответствия которым даны в денгах, грошах, алтынах, рублях и других денежных единицах, что представляет несомненный интерес для этноисторических и палеографических исследований.

Литература

1. Савельева Н.В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. СПб., 2019. № 3. С. 54–63.

2. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб. : Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2020. Т. 67. С. 468–552.

3. Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 174 с.

4. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола ; Тарту, 1967. 272 с.
5. Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21.
6. Морозов Б.Н. Устьвымский книгописный центр. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Арг. Сыктывкар, 2013. № 3. С. 4–16.
7. Кузнецова З.И. Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 213–241.
8. Современный коми язык. Лексикология / отв. ред. А.И. Туркин. М. : Наука, 1985. 208 с.
9. Старинные русские и пермские названия месяцев // Вологодские губернские ведомости. 1855. № 50. Неофициальная часть. С. 411–414.
10. Vitsen N. Noord end Oost Tatarije. Vol. II. Amsterdam, 1705. 358 с.
11. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык: Пособие при изучении зырянами русского языка. Санкт-Петербург, 1889. 436 с.
12. Сидоров А.С., Лыткин В.И. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. Таллин, 1966. № 2. С. 123–129.
13. Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар, 1980. С. 10–21.
14. Туркин А.И. Об одном малоизвестном памятнике письменности // Festschrift für Raia Bartens. Helsinki, 1993. – С. 277–281.
15. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 135 с.
16. Кузнецова З.И. Лексический материалы по коми языку в работах Г.Ф. Миллера // Советское финно-угроведение. 1976. № 1. С. 59–62.
17. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... : в 4 ч. Ч. 3. СПб. : Изд-во Акад. наук, 1780. 410 с.
18. Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М. : Наука, 1969. С. 302–351.
19. Российская государственная библиотека, фонд рукописей. Ф. 310. № 59. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48> (дата обращения: 03.08.2021).
20. Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVI–XVII века: Исследования, тексты, комментарии. Л. : Наука, 1968. 156 с.
21. Мжелская О.С. Из названий товаров на Псковском рынке (XVI–XVII вв.) // Историческая лексикология и лексикография : сб. ст. / под ред. О.А. Черепановой. Вып. 8. СПб., 2010. С. 99–117.
22. Волков С.С., Мжелская О.С. Словарь иноязычно-русских и русско-иноязычных разговорников XVI–XVII веков // Проблемы лексикографии : сб. ст. / под ред. А. С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб., 1997. С. 163–182.
23. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

24. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970. 389 с.

25. *Забоев А.С.* Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. 1978. № 1. С. 103–109.

Сокращения

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** – верхневычегодский, **вс.** – верхнесельский, **вым.** – вымский, **иж.** – ижемский, **лл.** – лузско-летский, **нв.** – нижневычегодский, **печ.** – печорский, **скр.** – присыктывкарский, **сс.** – среднесельский, **уд.** – удорский.

Прочие: **букв.** – буквальный, **диал.** – диалектный, **п.** – пункт, **пп.** – пункты, **совр.** – современный коми язык, **ср.** – сравните, **удм.** – удмуртский.

A New Handwritten Dictionary of the Komi-Zyryan Language in the History of Komi Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 87–104. DOI: 10.17223/22274200/21/4

Galina V. Fedyuneva, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: fedyuneva@yandex.ru

Keywords: historical lexicography, written monuments, handwritten dictionary-phrasebook, Komi-Zyryan language, vocabulary.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00200.

The article presents an analysis of the lexical composition of the newly discovered Zyryan-Russian dictionary of the 17th century and clarifies its place in the history of Komi lexicography. The article solves the problems of classification of lexicographic monuments and systematization of approaches to their description, and reveals gaps in research that has not been conducted since the mid-20th century. The currently known lexicographic monuments of the Komi language are limited to the dictionary materials of D.G. Messerschmidt, F.I. Stralenberg, G.F. Miller, P.S. Pallas and I.I. Lepekhin; the materials were collected during their expeditions in the 1720s–1770s. Unlike the church monuments of the Old Komi language of the 14th–17th and 18th centuries, the materials have not yet received a thorough archaeographic description, textual analysis and cultural and historical interpretation. The new Zyryan-Russian dictionary, discovered as part of the manuscript collection of the monk Prokhor Kolomnyatin and accurately dated (1668), is the earliest monument in the history of Komi lexicography today. The dictionary is interesting because it belongs to the period almost undocumented by written evidence and differs from all existing monuments in its dialect basis. The article describes the structure of the dictionary, thoroughly analyzes the lexical composition and presents most of its content, and reveals parallels with the dictionary materials of

other monuments. The Russian-Komi dictionary-phrasebook that I.I. Lepekhin found and published in his *Diary Notes* is considered in more detail. Later V.I. Lytkin reprinted and deciphered the phrasebook, as well as made commentaries on it in his *Old Permic Language* (1952); thus, it became an auxiliary material for the reconstruction of the Old Komi language of the 14th–17th centuries. The dictionary dates back to the 18th century, although it has not been subjected to serious cultural-historical and chronological attribution. The newly discovered monument, unlike Lepekhin’s dictionary created by the type of translated old Russian dictionaries-phrasebooks based on the Russian questionnaire, reflects the live Komi-Zyryan language of the second half of the 17th century. It does not contain typical phrases, phrases from dialogues and connected texts that are typical of translated phrasebooks. There is only a certain tendency towards a thematic presentation of the material, although not always consistent. Like the dictionary materials contained in the draft papers of Russian and foreign travellers of the 18th century, the vocabulary of the new dictionary was written by the author of the collection directly from the words of a native speaker (or native speakers) of the Komi language in order to fix it and, apparently, was not intended for communicative use. Unlike the existing dictionary materials, which often contain short lists of Komi numerals, the new dictionary contains a consistent detailed money vocabulary list, from “denga” to “thousand rubles”. Numerical values are given in the Cyrillic numeral system using letters, which is undoubtedly of interest for ethnohistorical research and Russian paleography.

References

1. Savel’eva, N.V. (2019) Unknown Samples of Lexicographical Legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaya literatura – Russian Literature*. 3. pp. 54–63. (In Russian).
2. Savel’eva, N.V. & Kozintsev, M.A. (2020) Tyurksko-russkiy slovarnyy fond v sbornike inoka Prokhora Kolomnyatina 1668 g. [Turkic-Russian vocabulary in the collection of the monk Prokhor Kolomnyatin in 1668]. In: *Trudy otдела drevnerusskoy literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 67. St. Petersburg: Institute of Russian Literature, RAS (Pushkin House). pp. 468–552.
3. Lytkin, V.I. (1952) *Drevnepermskiy yazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar’* [Old Permic language. Reading of texts. Grammar. Dictionary]. Moscow: USSR AS.
4. Kuznetsova, Z.I. (1967) *Yazyk pis’mennykh komi pamyatnikov XVIII veka* [The language of 18th-century written Komi monuments]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola; Tartu.
5. Morozov, B.N. & Simonov, R.A. (2008) Ob otkrytii tsifrovoy sistemy Stefana Permskogo (XIV v.) [On the discovery of the digital system by Stephen of Perm (14th century)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 3–21.
6. Morozov, B.N. (2013) Ust’vymskiy knigopisnyy tsentr. Novye pamyatniki drevney komi pis’mennosti kontsa XV – nachala XVI v. [Ust-Vymsky Book Writing Center. New monuments of old Komi writing of the late 15th – early 16th centuries]. *Art. Syktyvkar*. 3. pp. 4–16.

7. Kuznetsova, Z.I. (1958) Obzor pamyatnikov pis'mennosti XVIII v. [Review of the 18th-century monuments of writing]. In: *Istoriko-filologicheskiiy sbornik* [Historical and philological collection]. Vol. 4. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 213–241.

8. Turkin, A.I. (ed.) (1985) *Sovremennyy komi yazyk. Leksikologiya* [Modern Komi language. Lexicology]. Moscow: Nauka.

9. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. (1855) Starinnye russkie i permskie nazvaniya mesyatsev [Old Russian and Permian names of months]. 50. Unofficial Part. pp. 411–414.

10. Vitsen, N. (1705) *Noord end Oost Tatarije*. Vol. II. Amsterdam.

11. Lytkin, G.S. (1889) *Zyryanskiy kray pri episkopakh permskikh i zyryanskiy yazyk: Posobie pri izuchenii zyryanami russkogo yazyka* [The Zyryan land under the bishops of Perm and the Zyryan language: A guide for the study of Russian by the Zyryans]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

12. Sidorov, A.S. & Lytkin, V.I. (1966) Drevnekomi nazvaniya mesyatsev [Old Komi names of months]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 2. pp. 123–129.

13. Lytkin, V.I. (1980) Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti [Ancient monuments of Komi writing]. In: *Istoriya komi literatury* [History of Komi literature]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 10–21.

14. Turkin, A.I. (1993) Ob odnom maloizvestnom pamyatnike pis'mennosti [On one little-known monument of writing]. In: *Festschrift für Raia Bartens*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. pp. 277–281.

15. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Part I. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

16. Kuznetsova, Z.I. (1976) Leksicheskiy materialy po komi yazyku v rabotakh G.F. Millera [Lexical materials on the Komi language in the works of G.F. Miller]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1. pp. 59–62.

17. Lepekhin, I.I. (1780) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva...: v 4 ch.* [Diary notes of the travel of Ivan Lepekhin, a doctor and an associate of the Academy of Sciences, to different provinces of the Russian state: In 4 parts]. Part 3. St. Petersburg: Academy of Sciences.

18. Lytkin, V.I. (1969) Komi-zyryanskiy yazyk [Komi-Zyryan language]. In: *Zakonmernosti razvitiya literaturnykh yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu. Tyurkskie, finno-ugorskie i mongol'skie yazyki* [Development patterns of the literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era. Turkic, Finno-Ugric and Mongolian languages]. Moscow: Nauka. pp. 302–351.

19. Russian State Library, Manuscript Fund. Fund 310. 59. [Online] Available from: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48> (Accessed: 03.08.2021).

20. Alekseev, M.P. (1968) *Slovari inostrannykh yazykov v russkom Azbukovnike XVI–XVII veka: Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Dictionaries of foreign languages in the Russian dictionary of the 16th–17th centuries: Research, texts, comments]. Leningrad: Nauka.

21. Mzhel'skaya, O.S. (2010) Iz nazvaniy tovarov na Pskovskom rynke (XVI–XVII vv.) [From the names of goods in the Pskov market (16th–17th centuries)]. In:

Mzhel'skaya, O.S. (ed.) *Istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Historical lexicology and lexicography]. Vol. 8. St. Petersburg: Philological Faculty, St. Petersburg State University. pp. 99–117.

22. Volkov, S.S. & Mzhel'skaya, O.S. (1997) Slovar' inoyazychno-russkikh i russo-inoyazychnykh razgovornikov XVI-XVII vekov [Dictionary of foreign language-Russian and Russian-foreign language phrasebooks of the 16th–17th centuries]. In: Gerd, A.S. & Sergeev, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Issues of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 163–182.

23. Zhilina, T.I., Sakharova, M.A. & Sorvacheva, V.A. (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [A comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

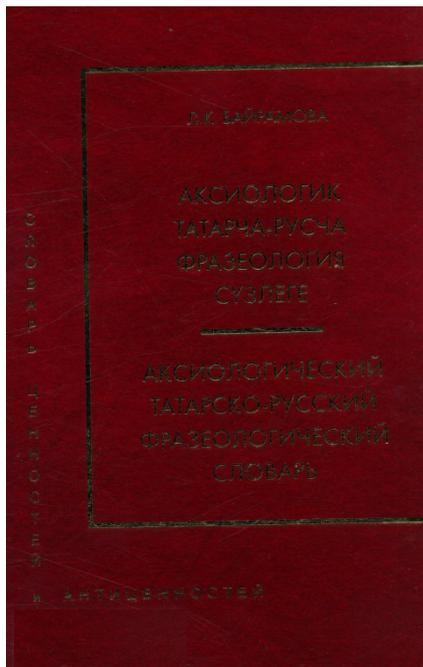
24. Lytkin, V.I. & Gulyaev, E.S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka.

25. Zaboiev, A.S. (1978) Drevniy "denezhnyy" schet komi [The ancient "money" vocabulary of the Komi]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 103–109.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'27

DOI: 10.17223/22274200/21/5

Новый аксиологический двуязычный фразеологический словарь Л.К. Байрамовой. Рецензия на книгу: Байрамова Л.К. Аксиологик татарчарусча фразеология сүзлеге / Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь. – Казань: ФЭН, 2019. – 232 с.

В «Аксиологическом татарско-русском фразеологическом словаре» представлено 2 354 татарских фразеологизма с переводом на русский язык. Татарские фразеологические единицы (ФЕ) отражают следующие конвенциональные ценности и антиценности: жизнь (146 ФЕ) – смерть (140 ФЕ); здоровье (70 ФЕ) – болезнь (171); счастье (106 ФЕ) – несчастье (211 ФЕ); родина (95 ФЕ) – чужбина (31 ФЕ); труд (104 ФЕ) – отдых (7 ФЕ) – безделье (49 ФЕ); богатство (279 ФЕ) – бедность (181 ФЕ); ум (61 ФЕ) – глупость (73 ФЕ); правда (128 ФЕ) – ложь (326); смех (52 ФЕ) – плач (85 ФЕ); рай (16 ФЕ) – ад (24 ФЕ). В словаре раскрыта этимология фразеологизмов, приводятся ссылки на библиографический источник. Словарь предназначен для филологов, широкого круга читателей.

В 2019 г. вышел в свет новый лексикографический труд «Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь» [1]. Данный словарь был подготовлен Луизой Каримовной Байрамовой в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

«Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь» Л.К. Байрамовой (далее – словарь Л.К. Байрамовой) является первым в двуязычной лексикографии аксиологическим словарем ценностей и антиценностей, эксплицируемых татарскими фразеологизмами и их переводами на русский язык или подбором русских фразеологических эквивалентов.

Л.К. Байрамова широко известна в научном мире как крупный теоретик в области лексикографии и фразеологии, а также практический составитель словарей. Достаточно взглянуть на список опубликованных новаторских статей Л.К. Байрамовой, посвященных проблемам исследования аксиологической лингвистики и фразеологии, сопоставительной лингвистики фразеологизмов, изучению функциональных особенностей фразеологизмов в разноструктурных языках. Широко известны также ее «Русско-татарский фразеологический словарь языка В.И. Ленина» [2], «Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь» [3], «Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей» [4], «Аксиологический фразеологический словарь английского языка. Словарь ценностей и антиценностей» [5], «Аксиологический фразеологический словарь французского языка: словарь ценностей и антиценностей» в соавторстве с Д.Р. Москалевой [6] и «Аксиологический фразеологический словарь русского и болгарского языков (“Здоровье” и “Болезнь”))» [7].

В рецензируемом лексикографическом произведении, написанном в русле антропологической парадигмы, пользователю предлагается полное исследование «человека во фразеологии». Собранные в словаре аксиологические фразеологические единицы татарского языка с их переводом на русский язык отражают антропоцентрический подход Л.К. Байрамовой к изучению языковых явлений в разносистемных языках.

Известно, что проблема ценностей связана с установлением полезного и вредного, добра и зла, справедливости и несправедливости, должного и недопустимого, прекрасного и безобразного, идеала и блага. Аксиология татарских фразеологических единиц словаря Л.К. Байрамовой устанавливает и показывает, что для человека, окружающих его людей и общества является апостериори или должно быть ценным и что не имеет ценности.

Для Байрамовой характерно широкое понимание предмета фразеологии, когда в состав фразеологизмов включаются устойчивые фразы

разных структурных типов: сращения, единства, сочетания, выражения (паремии) и фразеологические единицы, равные словоформам. Все перечисленные выше типы фразеологических единиц эксплицированы в словаре Л.К. Байрамовой. С помощью кодифицированных аксиологических концептов с их структурой и компонентами когнитивной дефиниции, а также 2 354 татарских фразеологических единиц (ФЕ) с их переводом на русский язык происходит передача приобретенных татарской культурой знаний следующим поколениям. Татарские ФЕ отражают не только заявленные конвенциальные ценности и антиценности, но и содержат в себе информацию: 1) специального научного профиля (на основе научной дефиниции из заданной сферы науки); 2) этимологическую; 3) фольклорную / афористическую (на основе идей, морали, заложенных в пословицах, поговорках, афоризмах) [8. С. 32].

Уникальность рецензируемого словаря заключается в том, что знания о ценностях и антиценностях, зафиксированные в ФЕ, представлены с помощью системы фреймов. Фрейм как инструмент представления знаний был впервые предложен и теоретически обоснован в 1979 г. Марвином Минским, известным американским ученым, в монографии «Фреймы для представления знаний». В основе предлагаемого им в 80-е гг. прошлого столетия оригинального подхода к решению проблемы экспликации знаний в системах искусственного интеллекта лежала система фреймов, т.е. информационных концептуальных тематических групп, которые сообщали заинтересованным лицам о стереотипных состояниях, событиях, действиях, ситуациях и т.д.

М. Минский так пишет о фрейме: «Фрейм можно представить себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. "Верхние уровни" фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации» [9. С. 7].

М. Минский выделял статические (просто фреймы) и динамические (сценарные) фреймы. Каждый из этих фреймов содержит минимально необходимую структурированную информацию. Он писал, что «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [9. С. 7–8].

В словаре Л.К. Байрамовой даны статические фреймы, которые знакомят пользователя с аксиологией татарской языковой картины мира, зафиксированной во фразеологизмах и экспликацией их перевода на русский язык или их эквивалентов в русском языке. Это позволяет группировать фразеологизмы с близкими или посвященными одной теме значениями в отдельный реестр, во главе которого выставляется культурно и социально значимый концепт, что впоследствии упрощает процесс запоминания всех фразеологизмов одной группы.

Метод фреймового моделирования аксиосферы татарской и русской фразеологии позволил Л.К. Байрамовой систематизировать ФЕ по десяти гиперонимным диадам (концептуальным аксиологическим группам): 1. *Тормыш / Яшәү – Улем*; Жизнь – Смерть. 2. *Сәләмәтлек – Авыру / Авыру кеше*; Здоровье – Болезнь. Витальные ценности и антиценности. 3. *Бәхет – Бәхетсезлек*; Счастье – Несчастье. – Гедонистическая / духовная ценность и её антиценность. 4. *Ватан – Чит ил. / Чит эҗир. / Чит як*; Родина – Чужбина. – Священная ценность и её антиценность. 5. *Эш / Хезмәт – Эшсезлек. Ял. Ялкаулык*; Труд – Отдых – Лень – Безделье. – Социально-утилитарные ценности и антиценности. 6. *Байлык / Муллык – Ярлылык. Фәкыйрьлек*; Богатство – Бедность. – Материально-утилитарная ценность и антиценность. 7. *Акыл – Ахмаклык*; Ум – Глупость. – Интеллектуально-когнитивная ценность и антиценность. 8. *Хакыйкәт – Ялган*; Правда – Ложь. – Нравственно-этическая ценность и антиценность. 9. *Кәлу. Кәлергә. – Елау. Куз яшьләре*; Смех – Плач. – Эмоционально-утилитарная ценность и антиценность. 10. *Оҗмах. / Жәннәт. – Жәһәннәм. / Тәмүг*. Рай – Ад. Религиозная ценность и антиценность [1. С. 3–5]. Перечисленные выше концептуальные аксиологические группы, собственно, и составляют макроструктуру данного словаря.

Каждая из перечисленных выше десяти гиперонимных диад (концептуальных аксиологических групп) фразеологических единиц состоит из двух фреймов с приписанными им статусами верхнего уровня. Например, четвертая диада «Священная ценность и её антиценность» содержит два фрейма: фрейм с ценностным компонентом «Ватан. Родина» и фрейм с антиценностным компонентом «Чит ил. Чужбина». Каждый из этих фреймов репрезентирует по отдельности верхний уровень фрейма.

М. Минский далее пишет, что на «низких уровнях имеется много вершин-терминалов или ”ячеек“, которые должны быть заполнены

характерными примерами или данными» [9. С. 7–8]. На нижнем уровне автором словаря выделяются слоты (или «ячейки» по терминологии М. Минского). Так, для ценностного компонента «Ватан. Родина» сформированы следующие слоты: 1. *Ватан / ул гербы*. Герб Родины. 2. *Туган тел*. Родной язык. 3. *Ватан символы*. Символы родины. 4. *Рус мәдәниятенә, шагырләрәненә, язучыларына хөрмәт күрсәтү*. Выражение уважения к русской культуре, её поэтам, писателям. 5. *Ватанны саклау*. Защита Родины. 6. *Ватанны саклап һәлак булу*. Умереть, защищая Родину. 7. *Ватанны сагыну*. Тоска по родине. 8. *Ватанга кайту*. Возвращаться на родину [1. С. 78].

На следующем этапе пользователь знакомится с четырнадцатью аксиологемами и общественно установленными нравоучениями, содержащимися в пословицах и афоризмах о родине.

Напомним, что аксиологема – это совокупность ценностей и антиценностей, отражающая аксиологические ориентиры определенного социума и определяющая сущность и характер его функционирования. Роль аксиологема в аксиологическом фразеологическом словаре могут выполнять «аксиологически заряженные понятия, отражающие различного рода ценности и антиценности, закрепленные в коллективном сознании, культуре и языке; аксиологически заряженные лексемы / фразеологизмы; внутренняя форма фразеологизма; символы как компонент смысла лексемы / фразеологизма; прототип / этимон лексемы / фразеологизма; менторные языковые единицы, которые, выражая определенную мораль, являются общим семантическим знаменателем для афоризмов, пословиц и поговорок, маркирующих одинаковые ценности или антиценности» [4. С. 7].

Приведем в качестве примера первые четыре аксиологема: А) *Кешенең иң кадерле эйбере – Ватаны / туган җире*. Самое дорогое у человека – родина. Б) *Ватан / туган җир – Алла тарафыннан бирелгән җир*. Родина – дарованная богом земля <...>. В) *Ватанга / туган җиргә мәхәббәт татлы*. Любовь к родине сладостна. Г) *Үз халкыңны, телеңне ярат – ул синең азатлыгың / ирегең һәм иминлегең*. Люби свой народ, язык – это твоя свобода и благополучие [1. С. 78].

На третьем этапе пользователь словаря знакомится с содержимым заявленных ранее слотов, т.е. с конкретными фразеологическими единицами и их переводом на русский язык. В каждом отдельном слоте фразеологизмы располагаются в соответствии с татарским алфавитом на заглавную букву слова, являющегося пер-

вым компонентом каждого конкретного фразеологизма. Так, первый слот «*Кешенең иң кадерле әйбере – Ватаны / туган җире*. Самое дорогое у человека – Родина / родная земля» представлен следующими фразеологическими единицами: *Алтын-көмеш яуган җирдән туган-үскән ил артык*. – Родина дороже золота и серебра [букв. Родина выше, чем место, где золото / серебро льётся дождём]. – ТХМ¹, 3: 49².

Ватан барыннан да газиз. – Родина дороже всего. – ТХМ, 3: 49.

Ватан – икенче анадыр. – Родина – вторая мать (К. Насыри. «Кабуснама»). [букв. Отчизна – вторая мать]. – ТХМ, 3: 49.

Дөньяда иң кадерлесе – туган җир. – Самое дорогое на свете – это родная земля, родина.

Туган җирдәй җир булмас, туган илдәй ил булмас. – Не будет роднее земли и страны, чем те, где ты родился. – ТХМ, 3: 51.

Туган илең – туган анаң. – Твоя родина – родная мать. – ТХМ, 3: 51.

Үз илем үземә кадерле. – Моя родина мне дорога.

Һәркемнең үз Ватаны алтын, йөрәк төбе алкын. – Каждому своё Отечество – золото, пламя сердца, страсть души [1. С. 84–85] и др.

Антиценностный компонент «*Чит ил. Чит җир. Чит як*. Чужбина» представлен следующими слотами: 1. *Чит(-ят) җир*. Чужбина. 2. *Чит җирдә*. На чужбине. 3. *Чит тел*. Неродной язык. 4. *Чит ил кешесе*. Иностранец [1. С. 90].

Десять аксиологем в пословицах и афоризмах о чужбине и родине расширяют вышеперечисленные слоты. Представим первые четыре аксиологемы: А) *Кешенең Ватаны бер генә була*. Родина у человека одна. Б) *Чит җирләрдә туган җирнең / Ватанның кадерен беләсең*. На чужбине поймёшь ценность родины. В) *Чит җирләрдә кеше иң якын, иң кирәкле нәрсәдән махрум*. На чужбине человек лишён самого необходимого и дорогого. Г) *Ничек кенә яхшы булмасын, чит җирдә*

¹ ТХМ: Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре / ред. М.М. Рафиков. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1963. 3 томда. Т. 2. 960 б.

² В рецензируемом словаре ссылка на использованный источник цитирования приводится следующим образом. От цитаты ссылка отделена знаком «тире». Затем следует указание на: 1) источник цитирования в виде фамилии и инициалов автора, или полного названия источника, или инициальной аббревиатуры названия источника; 2) номер тома издания; 3) номер страницы. В данном случае аббревиатура ТХМ образована из начальных букв названия книги «Татар халык мәкальләре».

кеше Ватанын сагына. Как бы хорошо ни было на чужбине, человек тоскует по родине [1. С. 90].

Нижеследующие пословицы и афоризмы ярко передают чувства человека, который находится на чужбине, вдали от родины:

Ата-аналарны һәм туган илне чит илдә таба алмассың. – На чужбине не найдёшь ни родины, ни родителей.

Ватаны юк – жыры юк сандугач. – Человек без родины – словно соловей без песни.

Иленнән аерылган – канаты каерылган. – Разлучённый с родной – словно птица с подрезанными крыльями.

Илсез кеше – телсез сандугач. – Человек без родины – словно соловей без голоса.

Оясыз сандугач сайрамый. – Соловей, не имеющий своего гнезда, не поёт.

Туганнардан аерылып тору – кояшсыз, айсыз тору. – Жить отдельно / вдали от родных – словно жить без солнца и луны.

Представленные фреймы, слоты и аксиологемы передают пользователю аксиологическую ценностную и антиценностную информацию, которая опытным путем была приобретена татарами на протяжении многих веков. В.И. Зимин пишет об этом следующее: «Говоря о ”возбуждении“ оценки и эмотивности во фразеологизмах, мы имеем в виду прежде всего наглядное, живое представление отражаемого во фразеологизме фрагмента (ситуации) реальной действительности. Восприятие этого фрагмента обязательно сопровождается его оценкой. Оценка понимается как информация о ценности того, что отображается в денотативном содержании идиомы. При этом обычно субъект соотносит с ценностной картиной мира, уже сложившейся в определенном социуме, всё, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах» [10. С. 40].

Знакомство пользователей, особенно учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений, студентов разных специальностей вузов, с ценностями и антиценностями, представленными в словаре Л.К. Байрамовой, имеет огромное филологическое, познавательное и воспитательное значение.

С целью повышения содержательных характеристик словарных дефиниций предлагаем Л.К. Байрамовой при подготовке второго издания словаря внести следующие изменения в структуру словарных статей. Как отмечает Л.К. Байрамова в аннотации к словарю, каждая

татарская фразеологическая единица сопровождается авторским переводом на русский язык. Представляется, что вслед за переводом, если это возможно, следует приводить русский фразеологический эквивалент, который бы в определенной мере соответствовал или передавал смысл татарского фразеологизма.

Например, в слоте *Яшәу рәвешә* – *Образ жизни* имеется слот второго уровня, расширяющийся подслот: *кеше исәбенә яшәү* – *жить за чужой счёт*. В этом подслооте приведен следующий фразеологизм: *'ата-анасының икмәгендә яшәү* – *жить на иждивении родителей* [букв. жить на хлебе родителей]. * Компонентом *икмәк* (хлеб) создается универсальный образ – средство существования' [1. С. 12]¹.

На наш взгляд, русский фразеологизм *на хлебах* со значением *'на чем-либо иждивении, содержании'* представляет собой идеальный эквивалент представленному выше татарскому фразеологизму. Приведем иллюстративный материал, использованный А.Н. Булыко во «Фразеологическом словаре русского языка», который вполне отражает значение этого русского фразеологизма: *'Пора выбираться на собственный путь, не век же сидеть на родительских хлебах'* [11. С. 253].

Татарская фразеологическая единица *әрәм тамак булып яшәү* сопровождается следующим толкованием: 1) вести паразитический образ жизни; 2) жить дармоедом. * Фразеологизм отражает метонимическую форму переноса: *тамак* (горло) – *'питаться, насыщаться'*; *әрәм тамак* – *дармод*' [1. С. 12].

В качестве эквивалента можно использовать приведенный ниже русский фразеологизм *есть чужой хлеб*, который имеет следующие значения: 1) быть на чем-л. содержании; быть нахлебником; 2) 'жить на чужой счет' [11. С. 143].

Или, например, татарский фразеологизм *Һәр кош үз оясын мактый* имеет дословный перевод на русский язык: *Каждая птица своё гнездо хвалит* [1. С. 88]. Русские фразеологические единицы *Всякая птица свое гнездо любит* [12. С. 116] или *Всяк кулик свое болото хвалит* в значении *'каждый хвалит то, что ему близко, дорого'* [13. С. 183], по семантическим параметрам соответствуют татарскому фразеологизму. В словаре «Пословицы русского народа» В. Далем

---

¹ В рецензируемом словаре знак «*» является многозначным и используется для: 1) указания на примечание; 2) отсылки к другому примеру или к другой словарной статье; 3) пояснения значения фразеологической единицы; 4) указания на цитату и др.

зафиксирован следующий вариант: *Всяк кулик свое болото хвалит. Свой быт милее* [14. С. 401].

Таким образом, полагаем, что в возможных случаях следует расширять объем словарных статей за счет дополнительной подачи эквивалентов из сокровищницы русской фразеологии. Для русскоязычного пользователя, изучающего татарский язык и знакомящегося с татарской фразеологией, представление перечисленных выше русских эквивалентов оказало бы положительное влияние на усвоение и понимание татарских устойчивых единиц. Тем самым увеличился бы дидактический и педагогический потенциал рецензируемого словаря.

В заключение отметим, что Л.К. Байрамовой проделана огромная работа в становлении и дальнейшей разработке нового типа словаря, в котором автор последовательно придерживается установленных ею в предыдущих исследованиях методологических позиций и опирается на прочную аксиологическую базу, дающую ей верные ориентиры в процессе составления словаря.

Новизна и специфика предлагаемого вниманию пользователей «Аксиологического татарско-русского фразеологического словаря» состоит в том, что содержание словаря Л.К. Байрамовой отражает основные компоненты системы ценностей и антиценностей. Аксиологический фразеологический материал, представленный в нем в виде десяти основных гиперонимных диад, сопровождает человека на протяжении всей его жизни: от рождения до смерти.

Рецензируемый словарь вышел тиражом 100 экземпляров. Хотим обратить внимание специалистов народного образования Республики Татарстан на огромную филологическую, воспитательную и общественную значимость «Аксиологического татарско-русского фразеологического словаря», созданного Л.К. Байрамовой. Переиздание этого уникального словаря под грифом Министерства образования Республики Татарстан тиражом, соответствующим потребностям школьного и вузовского учебно-воспитательного процесса на территории Татарстана, послужило бы значительному повышению уровня образования молодого поколения и формированию положительного социального и философского отношения к возникающим у них жизненным проблемам.

Литература

1. *Байрамова Л.К.* Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь. Казань : ФЭН, 2019. 232 с.

2. Байрамова Л.К. Русско-татарский фразеологический словарь языка В.И. Ленина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. 232 с.
3. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь. Казань : Татарское кн. изд-во, 1991. 158 с.
4. Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей. 2-е изд. Казань : Центр инновационных технологий, 2011. 372 с.
5. Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь английского языка. Словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновационных технологий, 2011. 376 с.
6. Байрамова Л.К., Москалева Д.Р. Аксиологический фразеологический словарь французского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновационных технологий, 2013. 302 с.
7. Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского и болгарского языков («Здоровье» и «Болезнь»). Казань : ФЭН АН РТ, 2017. 60 с.
8. Байрамова Л.К. Когнитивная дефиниция и трансфер знаний в аксиологическом словаре // Казанская наука. 2019. № 6. С. 32–35.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума. М. : Энергия, 1979. 152 с.
10. Алефиренко Н.Ф., Зимин В.И., Василенко А.П., Федуленкова Т.Н., Добровольский Д.О., Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации / отв. ред. А.П. Василенко. М. ; СПб. ; Брянск : Новый проект, 2016. С. 32–51.
11. Булыко А.Н. Фразеологический словарь русского языка. Минск : Харвест, 2007. 446 с.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа. Томъ II. СПб. ; М. : Тип. М.О. Вольфа, 1879. 660 с.
13. Федосов И.В., Лапццкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М. : Юнвес, 2003. 608 с.
14. Даль В.И. Пословицы русского народа. Томъ I. СПб. ; М. : Тип. М.О. Вольфа, 1879. 756 с.

Л.В. Алимпиева

A New Axiological Bilingual Phraseological Dictionary by L. K. Bayramova. Book Review: Bayramova, L.K. (2019) *Aksiologik Tatarcha-Ruscha Frazеologiya Suzleге/Aksiologicheskii Tatarsko-Russkiiy Frazеologicheskii Slovar'* [Axiological Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan: FEN

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 105–116. DOI: 10.17223/22274200/21/5

Larisa V. Alimpieva, International Ala-Too University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

E-mail: larisa_alimpieva@mail.ru / larisa.alimpieva@iaau.edu.kg

The *Axiological Tatar-Russian Phraseological Dictionary* contains 2,354 Tatar phraseological units with their Russian translations. The Tatar phraseological units

(PU) reflect the following conventional values and anti-values: life (146 PU) – death (140 PU); health (70 PU) – disease (171); happiness (106 PU) – unhappiness (211 PU); homeland (95 FU) – foreign land (31 FU); labor (104 PU) – rest (7 PU) – idleness (49 PU); wealth (279 PU) – poverty (181 PU); intelligence (61 PU) – stupidity (73 PU); truth (128 PU) – lie (326); laughter (PU 52) – cry (PU 85); paradise (16 PU) – hell (24 PU). The dictionary reveals the etymology of the phraseological units, provides links to their bibliographic sources. The dictionary is intended for philologists and a wide range of readers.

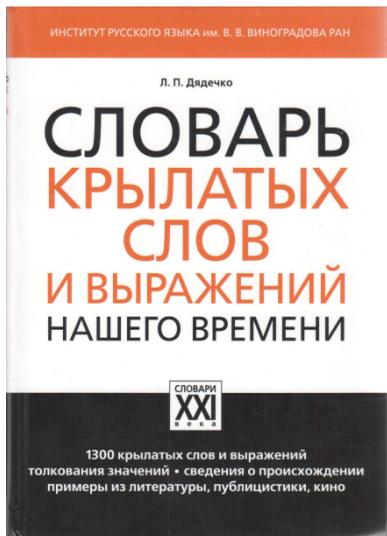
References

1. Bayramova, L.K. (2019) *Aksiologicheskij tatarsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [Axiological Tatar-Russian phraseological dictionary]. Kazan: FEN.
2. Bayramova, L.K. (1980) *Russko-tatarskij frazeologicheskij slovar' yazyka V.I. Lenina* [Russian-Tatar phraseological dictionary of V.I. Lenin's language]. Kazan: Kazan State University.
3. Bayramova, L.K. (1991) *Uchebnyy tematicheskij russko-tatarskij frazeologicheskij slovar'* [Learner's thematic Russian-Tatar phraseological dictionary]. Kazan: Tatarskoe kn. izd-vo.
4. Bayramova, L.K. (2011) *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Slovar' tsennostey i antitsennostey* [Axiological phraseological dictionary of the Russian language. Dictionary of values and anti-values]. 2nd ed. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
5. Bayramova, L.K. (2011) *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar' angliyskogo yazyka. Slovar' tsennostey i antitsennostey* [Axiological phraseological dictionary of the Russian language. Dictionary of values and anti-values]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
6. Bayramova, L.K. & Moskaleva, D.R. (2013) *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar' frantsuzskogo yazyka: slovar' tsennostey i antitsennostey* [Axiological phraseological dictionary of the French language: dictionary of values and anti-values]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
7. Bayramova, L.K. (2017) *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo i bolgarskogo yazykov ("Zdorov'e" i "Bolezn'")* [Axiological phraseological dictionary of the Russian and Bulgarian languages ("Health" and "Disease")]. Kazan: FEN AN RT.
8. Bayramova, L.K. (2019) Kognitivnaya definitsiya i transfer znaniy v aksiologicheskom slovare [Cognitive definition and knowledge transfer in the axiological dictionary]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 6. pp. 32–35.
9. Minsky, M. (1979) *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Translated from English by O.N. Grinbaum. Moscow: Energiya.
10. Alefirenko, N.F. et al. (2016) Osnovnye roli obraza v semanticheskoy strukture frazeologizma [The main roles of the image in the semantic structure of phraseological units]. In: Vasilenko, A.P. (ed.) *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii* [Modern phraseology: trends and innovations]. Moscow; St. Petersburg; Bryansk: Novyy proekt. pp. 32–51.

-
11. Bulyko, A.N. (2007) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Minsk: Kharvest.
  12. Dal', V.I. (1879) *Poslovitsy russkago naroda* [Proverbs of the Russian people]. Vol. II. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.
  13. Fedosov, I.V. & Lapitskiy, A.N. (2003) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Yunves.
  14. Dal', V.I. (1879) *Poslovitsy russkago naroda* [Proverbs of the Russian people]. Vol. I. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.

УДК 81374

DOI: 10.17223/22274200/21/6

Интертекстовый круг словесной культуры: статика и динамика. Рецензия на книгу: Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени – М.: Словари XXI века, 2019. – 624 с. – (Настольные словари русского языка)

Словарь содержит более 1300 крылатых слов и выражений. Они восходят к текстам и выступлениям наших современников, а также к произведениям прошлых лет, получившим распространение. Многие выражения зафиксированы в словаре впервые. Подробные толкования и примеры употребления из художественной литературы, публицистики, кино-

фильмов позволяют учесть все смысловые нюансы и стилистические особенности крылатых фраз. Каждая словарная статья содержит богатый источниковедческий и библиографический материал. Впервые в лексикографической практике выделены и истолкованы типичные преобразования крылатых выражений в речи. Книга адресована всем, кто преподает русский язык и кто его изучает, а также тем, кто интересуется проблемами литературы, культуры, политики и их влияния на нашу жизнь.

Рецензируемое лексикографическое издание посвящено одному из существенных пластов русской идиоматики – тому, что обобщенно в современной филологии называют интертекстовыми единицами.

Словарь включает более 1 300 статей и ориентирован на ряд типологически различающихся источников, иногда такое различие выглядит даже контрастно. Однако именно в этом и заключается достоинство издания Л.П. Дядечко.

Единицу описания автор называет крылатыми словами и выражениями, т.е. единицами, в основе которых находятся, прежде всего, цитаты, разного типа речения, употребляющиеся за рамками исходно-

го текста или знаковой ситуации. Определяя преемственность словаря с предшествующими изданиями (упоминаются словари Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной, а также серия книг С.Г. Шулежковой), Л.П. Дядечко обосновывает особенности словника, новизну обрабатываемого материала. Состав словаря допускает совпадение ряда вокабул, однако следование традиции не создает дублирования, ее продолжение ориентировано на новый материал и особую интерпретацию, как объяснительную, так и иллюстративную, которая сама по себе является весьма содержательной. Литературная классика, оригинально осмысляемая, сопровождается советизмами, цитатами из кино, рекламы, анекдотов и пр. При этом соответствует действительности утверждение автора во вводной части о том, что отбор единиц «не отражает политических и каких бы то ни было пристрастий составителя» [1. С. 5], он дает объективную картину, структурирующую интертекстовый тезаурус последних трех десятилетий в истории русского литературного языка.

Отметим источники «традиционные», прежде всего классическую литературу, русскую и зарубежную. Об этом свидетельствуют такие словарные статьи, как *души прекрасные порывы* (А. Пушкин), *белеет парус одинокий* (М. Лермонтов), *мартышка к старости слаба глазами стала* (И. Крылов), *есть женщины в русских селеньях* (Н. Некрасов), *учились бы, на старших глядя* (А. Грибоедов), *фрак брусничного цвета с искрой* (Н. Гоголь), *нам не дано предугадать, как слово наше отзовется* (Ф. Тютчев), *палата номер шесть* (А. Чехов), *после бала* (Л. Толстой) и др.

Показательно, что в словаре читатель найдет внушительное количество словарных статей, соотносимых с источниками, выходящими за рамки собственно литературной классики. Вот примеры некоторых выражений из кинофильмов: *характер нордический, стойкий* («Семнадцать мгновений весны»); *учись, студент* («Операция “БГ”»); *усё у порядке, шеф* («Бриллиантовая рука»); *свой среди чужих, чужой среди своих* (название кинобоевика); *просто Мария* (название мексиканского телесериала); *Боливар не выдержит двоих* (изначально – из рассказа О’Генри «Дороги, которые мы выбираем», к/ф Гайдая (1962) создан по мотивам его рассказов, в том числе и этого).

Много материала из сценических миниатюр: *пусть всё будет, но пусть чего-то не хватает* (М. Жванецкий); *размеры моей благодарности будут безграничными в пределах разумного* (С. Альтов); *у-у ты какая* (Е. Смолин).

Отметим примеры из детской литературы, сказок и фильмов, с ними связанных, мультфильмов: *папа Карло* (А. Толстой); *белый и пушистый* (Е. Чарушин); *усатый-полосатый* (С. Маршак); *тише, Танечка, не плачь* (А. Барто); *«Откуда?» – «От верблюда»* (К. Чуковский); *папа у Васи силен в математике* (В. Драгунский); *трах-тибидох-дох-дох* (Л. Лагин); *цветик-семицветик* (В. Катаев); *крокодил Гена* (Э. Успенский); *ловись, рыбка, большая и маленькая* («Лиса и волк»); *кто в тереме живет?* («Теремок»).

Многие крылатые выражения соотносятся с политической жизнью СССР, России и зарубежья: *Борис, ты не прав* (реплика Е. Лигачева на XIX партийной конференции); *социализм с человеческим лицом* (А. Дубчек); *разброд и шатания* (В. Ленин); *незаменимых нет* (И. Сталин); *сами себе создаете трудности, а потом их героически преодолеваете* (У. Черчилль); *не был, не состоял, не участвовал, не привлекался* (типичные ответы на вопросы анкеты в СССР); *партия, дай порулить* (К. Наумочкин); *процесс пошел* (М. Горбачев); *хотели, как лучше, а вышло, как всегда* (В. Черномырдин).

Свое место получают слова из песен: *Вагончик тронется, перрон останется* – слова из песни «На Тихорецкую состав отправится» (слова М. Львовского, музыка М. Таривердиева), ставшие популярными благодаря кинофильму «Ирония судьбы, или с легким паром»; *парней так много холостых, а я люблю женатого* (слова Н. Доризо, музыка К. Молчанова); *я вам не скажу за всю Одессу* (слова В. Агатова, музыка Н. Богословского); *по морям, по волнам, нынче здесь, завтра там* (слова и музыка В. Межевича); *каким ты был – таким остался* (слова М. Исаковского, музыка И. Дунаевского).

Выделяются и названия произведений искусства, прежде всего живописи: *«Последний день Помпеи»* (К. Брюллов); *«Явление Христа народу»* (А. Иванов); *«Не ждали»* (И. Репин).

Рубрикацию можно было бы продолжить, однако для читателя словаря очевидно, что состав интертекстуального поля при лексикографической обработке изменяется. В словесную культуру входит огромное количество клише из самых разных областей жизни, при этом условием существования оборотов являются их бесконечные трансформации, приспособляющие стандарт к новым контекстам.

К несомненным достоинствам словаря можно отнести стремление показать современное употребление классических строк, проиллюстрировать и прокомментировать то, как они употребляются в текстах

начала XXI в. Так, древнерусское крылатое выражение из «Повести временных лет» *откуда есть пошла Русская земля* сопровождается лингвистическим и источниковедческим комментарием и иллюстрируется трансформами *откуда есть пошел Киев, откуда есть пошла романская группа языков, откуда есть пошли олигархи российские; путешествие из Петербурга в Москву* (А. Радищев) – *путешествие из Петербурга в Стамбул; преступление и наказание* (Ф. Достоевский) – *преступление без наказания, выступление и наказание; рукописи не горят* (М. Булгаков) – *рукописи не тонут, идеи, как и рукописи, не горят; три сестры* (А. Чехов) – *две сестры, а третья сестра где, тридцать три сестры; полет над гнездом кукушки* (К. Кизи) – *полет над гнездом Индюшки, полет над гнездом контролера; похвала глупости* (Эразм Роттердамский) – *похвала поражению; прощай оружие* (Э. Хемингуэй) – *здравствуй, оружие*.

Таким изменениям последовательно отводится место в рамках словарной статьи и употребляется помета *трансформ*, за которой следуют иллюстрации, показывающие жизнь крылатого выражения в современной речи.

Обыгрываются и рекламные источники. Например, телевизионный ролик рекламной кампании «Всемирная история, банк Империял» запомнился репликой полковника А. Суворова *«До первой звезды нельзя. Ждем-с»*. Автор показывает, как сначала выражение выступает в качестве цитаты в исходном значении – о постной пище во время поста, позже оно начинает использоваться расширенно, о нежелании есть. Далее, в соответствии с законом фразеологической генерализации, возникает употребление, касающееся запрета или нежелания что-либо делать до определенного срока, при этом отмечается условие такой актуализации – «часто если речь идет о ночном времени или о чем-л., связанном со звездами»; затем – о вынужденном томительном ожидании, сопровождающемся иронической оценкой. Логика словарной статьи позволяет показать синтагматическое обыгрывание как вид модификации, появляется диалогическая конструкция *«Будем ждать»*. – *«До первой звезды?»*.

Существенное место в современном интертекстовом пространстве занимают разного рода речения, связанные с рекламой. Например, оборот *два в одном*, как следует из материалов словаря, сначала появляется в телерекламе шампуня «Видал Сассун» около тридцати лет тому назад, его рекламное применение расширяется, возникает выход за

рамки рекламной соотнесенности и применение при обобщенной характеристике «совмещения двух качеств (обычно противоположных, разнородных) в одном человеке, предмете, явлении, процессе». Оборот втягивается во фразеологическое моделирование (*три в одном*). Ср. и другие рекламные фразы в сходном применении: *съел – и порядок* (телевизионная реклама шоколадных батончиков «Сникерс»), *сладкая парочка* (телереклама шоколадных батончиков «Твикс»). Отметим, что введение рекламного материала основывается на содержательном лексикографическом издании, принадлежащем Л.П. Дядечко [2].

Нередко выражение связывается у нас с источником-посредником, а не собственно с первоисточником. Так, реплика из кинофильма «Бриллиантовая рука» *Будет тебе и ванна, и кофе и какава с чаем* восходит к словам из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова, но ассоциируется прежде всего с фильмом. Такого рода факты последовательно комментируются в словаре.

Словарная статья строго структурирована, она состоит из заглавия, описания первоисточника, толкования с учетом стилистических особенностей, иллюстративной части, включающей трансформы. Художественные тексты сопровождаются материалом кинематографическим, публицистическим, отрывками из радио- и телепередач, разговорной речи, при этом соблюдается хронологический порядок. Завершается статья отсылкой к первым фиксациям крылатой единицы.

Словарь лишен даже небольшой степени искусственности, которой иногда грешат справочные издания, где авторы неоправданно увеличивают объем, вводя материал, не всегда объективно отражающий жизнь языка. Перед нами, действительно, справочник по новейшей прецедентике, показывающий фактическое состояние интертекстового пласта русской идиоматики. Круг словесной культуры в этом случае, имеющий свое ядро и периферию, в значительной степени ориентирован на вроде бы второстепенные по своей значимости с лингвокультурологической стороны единицы, но это происходит не в ущерб классике. Показательно, что именно эти единицы успешно конкурируют с золотым фондом русской литературы, хрестоматийным чтением. Важно, что практически всё воспринимается как «свое», как близкий, естественный для современного дискурса материал. Именно это и разделяет всех, кто так или иначе пользуется русским языком, на «своих и чужих», позволяет исключить буквализм, примитивное восприятие информации. Практическая ценность словаря для изучающих русский язык бесспорна.

Следует также отметить разделы, сопровождающие собственно словарную часть. Это, прежде всего, «Принципы составления и структура словаря», а также удобные для использования содержательные рубрики «Цитируемая справочная литература о крылатых словах и выражениях», «Список фольклорных выражений и выражений с неустановленным авторством». Особо отметим «Словоуказатель», «Указатель имен и названий». Сюда вошли имена писателей, поэтов, авторов сценариев, композиторов, тех, кто озвучивал текст-источник, актеров, певцов. Например, «Демьяненко А., актер – *Надо, Федя, надо!; Помедленнее, пожалуйста, я записываю; Птичку жалко!*»; «Зыкина Л., певица – *А где мне взять такую песню?; Течет река Волга*»; «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика», к/ф – *Аполитично рассуждаешь; Бамбарбия! Кергуду!; Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса; Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!*». Вместе с тем «Словоуказатель» поможет найти выражение по возникшему в памяти читателя слову. Например, «различать – *И даль свободную романа*»; «роскошь – *Автомобиль не роскошь*»; «собака – *Собака бьвает кусачей только от жизни собачьей*»; «солнце – *И пошли они солнцем палимы; мороз и солнце*»; «юрист – *сын юриста*»; «чей – *Вьдь на Волгу, чей стон раздается?*» и т.д. Здесь находит применение практическая ассоциативная методика, построенная по модели «стимул – реакция», отражающая, по сути, реальное положение интертекстовой единицы в ассоциативно-вербальной сети, организующая издание как словарь активного типа. Переоценить важность такого материала невозможно.

В 2008 г. Л.П. Дядечко выпустила лексикографическое издание «Крылатые слова нашего времени: толковый словарь» [3], являющееся непосредственным предшественником рецензируемого издания. Прежде всего отметим значительное увеличение словника в новой книге, это около 1300 единиц (против 1000), однако это не просто расширенное издание, «зиздущееся на принципах предыдущего» [1. С. 6]. Кроме введения незафиксированных ранее выражений уточняется значение крылатых единиц, вводится новый иллюстративный материал, расширяется круг модификаций и трансформаций, описаны единицы, преобразованные по принципам языковой игры, актуализируется по-новому материал традиционный, значительно усовершенствуется разветвленный справочный аппарат.

Живые факты представлены с учетом комментирования источников, показывающих не только лингвокультурологические корни, но и особенности интертекстовой деривации, представляющей особенности развития содержания и структуры «крылатого» материала, его бытование в новейшее время, сочетание традиции, изменяющейся и обновляющейся, с типологически новыми ресурсами интертекстуальности (трансформация классики, разговорные реплики, реклама), определяющими динамику круга словесной культуры. Концепция и новизна данного издания подробно и аргументированно обосновывается в вводном разделе «Принципы составления и структура словаря» [1. С. 4–7].

В качестве рекомендации можно посоветовать автору-составителю упорядочить употребление восклицательного и вопросительного знаков в заголовках словарных статей. Нередко их присутствие не соответствует исходному (цитируемому) тексту (см. вокабулы *скажи-ка, дядя, ведь не даром? Распрягайте, хлопцы, коней! Прощай, оружие! Сердце красавицы склонно к измене!*) и, по сути, соотносится с функциональной вариантностью выражения.

Уточнения соответствия исходному тексту требуют и два библеизма, не совсем точная интерпретация которых кочует из словаря в словарь в течение нескольких десятилетий. Так, выражение *камо грядеши* [1. С. 203] соответствует двум местам из Евангелия от Иоанна (гл. 13, 36 и гл. 16, 5). Однако в церковнославянском тексте в обоих случаях имеет место выражение *камо идеши*. Вариант *камо грядеши*, также неоднократно встречающийся в других местах Священного Писания, является результатом переводческого творчества, интерпретирующего латинское название романа польского писателя Г. Сенкевича «*Quo vadis*». Неясно также, почему в данной словарной статье [1. С. 203] дается комментарий: «Слова, которые, согласно апокрифическому преданию, произносит апостол Петр». Под апокрифом обычно понимают неканоническое произведение. В другом случае необходимо уточнение крылатого выражения *мне отмщение, и аз воздам* [1. С. 259], соотносимое обычно с «Посланием к Римлянам святого апостола Павла» (гл. 12, 19). Появление союза «и» встречается в эпиграфе к роману «*Анна Каренина*» у Л.Н. Толстого, собственно в церковнославянском тексте его нет. Не стоит также повторять ошибочную паспортизацию, относя фрагменты из послания апостола к «евангельским выражениям» [1. С. 259], это часть Библии (Нового Завета),

включающая Евангелия. Вместе с тем справедливо и важно то, что именно в такой немного измененной форме высказывание встречается как крылатая единица. В обоих случаях мы имеем дело с интертекстовой деривацией уже на русской почве, основанной на фразеологической вариантности и внутритекстовой контаминации. Кстати, текстологическая точность при ссылке на Г. Сенкевича и Л.Н. Толстого сохраняется в «Толковом словаре библейских выражений и слов» (В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина) [4. С. 259, 348].

Хотелось бы видеть краткий комментарий с позиций культуры речи у некоторых крылатых единиц (*скока вешать в граммах; может быть, может быть; сижу, куру; моя твоя не понимай*).

Не совсем понятно присутствие словарной статьи *висит груша – нельзя скушать* – загадки об электрической лампочке, которая выглядит как курьез.

Указанные частности не влияют на в высшей степени положительную оценку словаря.

Лингвистический, культурно-исторический и лексикографический потенциал издания Л.П. Дядечко очевиден. Словарь в полной мере оправдывает название серии «Настольные словари русского языка».

Литература

1. Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М. : Словари XXI века, 2019. 624 с.
2. Дядечко Л.П. Вокруг да около рекламы : фразообразовательный словарь. Киев : Изд. Дом «Аванпост-Прим», 2007. 416 с.
3. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени : толковый словарь. М. : НТ Пресс, 2008. 797 с.
4. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М. : АСТ ; Астрель, 2010. 639 с.

К.П. Сидоренко

The Intertext Circle of Verbal Culture: Statics and Dynamics. Book Review: Dyadechko, L.P. (2019) *Slovar' Krylatykh Sloz i Vyrashheniy Nashego Vremeni* [Dictionary of Winged Words and Expressions of Our Time]. Moscow: Slovari XXI veka

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 117–125.
DOI: 10.17223/22274200/21/6

Konstantin P. Sidorenko, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

The dictionary contains over 1,300 winged words and expressions. They go back to the texts and speeches of our contemporaries, as well as to the works of the past that have become widespread. Many expressions are fixed in the dictionary for the first time. Detailed interpretations and examples of use from fiction, journalism, films show all the semantic nuances and stylistic features of winged phrases. Each dictionary entry contains rich source study and bibliographic material. For the first time in lexicographic practice, typical transformations of winged expressions in speech are determined and interpreted. The book is intended for those teaching and learning Russian, as well as for those interested in the issues of literature, culture, politics and their influence on our life.

References

1. Dyadechko, L.P. (2019) *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashego vremeni* [Dictionary of winged words and expressions of our time]. Moscow: Slovarei XXI veka.
2. Dyadechko, L.P. (2007) *Vokrug da okolo reklamy: frazoobrazovatel'nyy slovar'* [Around advertising: phrase-formation dictionary]. Kyiv: Izd. Dom "Avanpost-Prim".
3. Dyadechko, L.P. (2008) *Krylatye slova nashego vremeni: tolkovyy slovar'* [Winged words of our time: An explanatory dictionary]. Moscow: NT Press.
4. Mokienko, V.M., Lilich, G.A. & Trofimkina, O.I. (2010) *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i slov* [Explanatory dictionary of biblical expressions and words]. Moscow: AST; Astrel'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИМПШЕВА Лариса Владимировна – канд. филол. наук, и.о. доцента межка-культурной кафедры общеобразовательных дисциплин Международного университета «Ала-Тоо» (г. Бишкек, Киргизия).

E-mail: larisa_alimpieva@mail.ru / larisa.alimpieva@iaau.edu.kg

БОБУНОВА Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета.

E-mail: bobunova61@mail.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета.

E-mail: ngolevd@yandex.ru

СИДОРЕНКО Константин Павлович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sidorenko274@yandex.ru

ФЕДЮНЕВА Галина Валерьяновна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар).

E-mail: gfedyuneva@mail.ru / fedyuneva@yandex.ru

ХОХЛОВА Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: m.khokhlova@spbu.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2021. № 21

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелюор
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 21.09.2021 г. Формат 80×84^{1/16}.
Печ. л. 8; усл. печ. л. 7,4. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4783.

Дата выхода в свет 29.09.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru